

ЖИЗНЬ

И

ПОХОЖДЕНІЯ

ИЗЪ СТЕШАНОВА СЫНА

СТОЛБКОВА,

ПОМѢЩИКА ВЪ ТРЕХЪ НАМѢСТНИЧЕСТВАХЪ.

РУКОПИСЬ XVIII ВѢКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ

КОНТОРЫ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

ВЪСНОВЪ

ПОХОДЪ

ВЪСНОВЪ

СТОЛБОВА

ПОХОДЪ

ВЪСНОВЪ

ВЪСНОВЪ

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представле-
но было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 4 Марта 1841 года. Ценсоръ П. Корсаковъ.

ВЪСНОВЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава первая о томъ, какъ я пріѣхалъ въ свою деревню и какія сдѣлалъ распоряженія. . . .	1
Глава вторая о томъ, какъ я свелъ знакомства съ сосѣдями.	8
Глава третія о томъ, какъ я чуть-чуть-было не женился, и какое несчастье избавило меня отъ этой бѣды.	13
Глава четвертая о томъ, какъ я чрезъ Французскую кадриль пріобрѣлъ милостиваго покровителя	23
Глава пятая о томъ, какія выгоды доставило мнѣ покровительство родственника моего. . .	32
Глава шестая о томъ, какъ я отправлялъ должность квартальнаго	38
Глава седьмая о томъ, что я видѣлъ, служа при губернаторѣ.	44
Глава осьмая о томъ, какъ мое дѣло пришло въ движеніе къ пользѣ моей.	50
Глава девятая, въ которой описывается необыкновенный обѣдъ, бывшій у губернатора . . .	56
Глава десятая, въ коей описываются послѣдствія случившагося.	66
Глава первая-надесять о томъ, какъ мы съ намѣстникомъ обозрѣвали намѣстничества. . .	69
Глава вторая-надесять о томъ, какъ я на дорогѣ въ Москву гостилъ у дяденьки моего. . .	79
Глава третія-надесять о томъ, что случилось со мною въ первые дни пребыванія моего въ Москвѣ.	87
Глава четвертая-надесять о томъ, кого еще я встрѣтилъ въ Москвѣ и какія изъ того произошли послѣдствія.	98

Г л а в а п я т а я - н а д е с я т ь , в ъ к о т о р о й о п и с ы - в а ю т с я у с л у г и м о и п о д о б н о к а к ъ и в ъ п е н - с і о н ѣ	104
Г л а в а ш е с т а я - н а д е с я т ь	109
Г л а в а с е д ь м а я - н а д е с я т ь о т о м ъ , к а к ъ я п о с т у - п и л ъ в ъ к р и т и ч е с к и х ъ м о и х ъ о б с т о я т е л ь с т в а х ъ	116
Г л а в а о с ь м а я - н а д е с я т ь о т о м ъ , к а к ъ я л и ш и л - с я м и л о с т е й и п о к р о в и т е л ь с т в а р о д с т в е н н и к а м о е г о	120
Г л а в а д е в я т а я - н а д е с я т ь , в ъ к о т о р о й о п и с ы в а е т - с я , п о ч е м у я д о л ж е н ъ б ы л ъ в ы ѣ х а т ь и з ъ М о - с к в ы	123
Г л а в а д в а д ц а т а я , в ъ к о т о р о й о п и с ы в а е т с я г о р е - с т н о е п о ж и в а н і е т е т у ш к и м о е й	127
Г л а в а д в а д ц а т ь п е р в а я о т о м ъ , н а ч т о я в ъ к р а й н о с т и д о л ж е н ъ б ы л ъ р ѣ ш и т ь с я	136
Г л а в а д в а д ц а т ь в т о р а я o т o м ъ , к а к ъ я б ы л ъ у п р а в л я ю щ и м ъ у б л а г о т в о р и т е л ь н о й п о м ѣ - щ и ц ы	142
Г л а в а д в а д ц а т ь т р е т я o т o м ъ , к а к ъ я б ы л ъ у п р а в л я ю щ и м ъ у б о г а т а г о п о м ѣ щ и к а и o т л и ч - н а г о х о з я и н а	149
Г л а в а д в а д ц а т ь - ч е т в е р т а я o т o м ъ , к а к ъ я л и - ш и л с я д о х о д н а г о м ѣ с т а и в с е г о , п р и о б р ѣ т е н - н а г о м н о ю	156
Г л а в а д в а д ц а т ь п я т а я o т o м ъ , к а к ъ м е н я , к ъ м о е м у o б р а д о в а н і ю , н е п р и н я л и к ъ д о л ж н о с т и	159
Г л а в а д в а д ц а т ь ш е с т а я o т o м ъ , к а к ъ я н а ш е л ъ в ы г о д н о е д л я с е б я м ѣ с т о	179
Г л а в а д в а д ц а т ь с е д ь м а я o т o м ъ , к а к ъ п р и г о - т о в л я л и с ь к ъ с в а д ь б ѣ м о е й	187
Г л а в а д в а д ц а т ь o с ь м а я o т o м ъ , к а к ъ я o п я т ь н е ж е н и л с я	191

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**О ТОМЪ, КАКЪ Я ПРИѢХАЛЪ ВЪ СВОЮ ДЕРЕВНЮ
И КАКІЯ СДѢЛАЛЪ РАСПОРЯЖЕНІЯ.**

Сколько горя претерпѣлъ я на пути въ деревню мою! Обстоятельства подчинили меня совершенно волѣ извозчика: по его распоряженію я долженъ былъ ѣхать, спать и ѣсть. А что я ѣлъ, такъ ужасъ! пища самая грубая, простая, которой вѣрно и бѣднѣйшій мой крестьянинъ не употреблялъ бы! Притомъ же, когда я, проголодавшись, старался ѣсть побольше, въ запасъ, тогда извозникъ упрекалъ меня, что я ѣмъ «не по-барски», слишкомъ много, и что «этакъ я буду ему въ накладъ»; а лишь хорошенько пріусну, такъ злодѣй извозникъ тутъ и будить, «пора-де ѣхать!» Нечего было дѣлать, по пословицѣ: на чьемъ возѣ ѣдешь, того и пѣсенку пой. Золотое правило, которому я старался слѣдовать всю мою странную жизнь.

Наконецъ послѣ голодныхъ дней, бессонныхъ ночей, частыхъ толчковъ и безпрестаннаго трясенья въ дорогѣ совершилъ я путь свой и прибылъ въ главную свою деревню. Я вѣхалъ прямо къ отцу Филиппу, благодѣтельному моему наставнику, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, какъ начать мнѣ дѣйствія свои; но къ вели-

кому огорченію узналъ, что добрый старикъ умеръ и на его мѣсто опредѣленъ другой, къ которому я по незнакомству не разсудилъ и относиться, а приказалъ везти себя на барскій дворъ.

Взѣхавшая туда кибитка моя обратила вниманіе дворни. Взошедъ на крыльцо, я остановился въ недоумѣніи, итти ли мнѣ прямо въ домъ, который по примѣтамъ былъ обитаемъ. Но если въ немъ Макаръ Тимоѣевичъ, мой почтенный опекунъ? И что если онъ вздумаетъ выслать меня изъ селенія и услатъ куда-нибудь по своему произволу? Тогда опять бѣда! Я не зналъ, на что рѣшиться. Нѣсколько человѣкъ подошли ко мнѣ и осматривали меня съ головы до ногъ, потомъ стали спрашивать меня: кого мнѣ угодно, кто я такой, не засѣдатель ли изъ суда? Тогда я объявилъ, что я настоящій владѣлецъ этого имѣнія и хочу итти въ домъ. Люди улыбались, пожимали плечами, перешептывались; нѣкоторые побѣжали вверхъ, иные возвратились въ свои избы, а другіе говорили: «не знаемъ, какъ управляющій скажетъ.» — Позовите мнѣ управляющаго; гдѣ онъ? — «Онъ-то наверху, да наврядли сойдетъ къ твоей милости. Вѣдь онъ благородный, да еще и зять Макара Тимоѣевича.» — Какая мнѣ нужда, что онъ благородный — прикрикнулъ я, не разслушавши послѣднихъ словъ: — я самъ благородный, я офицеръ, я хозяинъ; ко мнѣ его. — «Мы не знаемъ», отвѣчали мнѣ послѣдніе люди, и мигомъ скрылись отъ меня. Я приостановился и, правду сказать, боялся итти въ домъ, не зная, какъ приметъ меня управляющій моимъ имѣніемъ. Извозникъ навелъ меня на путь. «Эхъ, баринъ! сказалъ онъ: вишь-ли, эти люди тебя не знаютъ; они слушаютъ своего старшова; собери-ка своихъ крестьянъ, да съ ними и войди прямо въ домъ; коли любъ управляющій, оставь при себѣ, а нѣтъ, такъ по шеямъ, и прикажи себя одного слушать.»

Я послѣдовалъ этому благоразумному совѣту, выѣхалъ со двора; при выѣздѣ замѣтилъ, что нѣсколько головъ выглядывало изъ оконъ дома и въ томъ числѣ была женская.

Первому попавшемуся крестьянину приказалъ я вести себя къ старостѣ. По рассказамъ моимъ и по припоминаніямъ онъ узналъ меня; тотчасъ собралъ близъживущихъ крестьянъ, кои безспорно меня признали, потому что младшіе изъ нихъ бѣгали со мною въ дѣтствѣ по деревнѣ и дѣлали всѣ шалости, а у другихъ я выбивалъ окна и ломалъ плетви.

«Батюшка ты нашъ!.. Степановичъ, сударь!.. не знаемъ, какъ по имени твоему величать тебя!.. Господь тебя къ намъ принесъ!.. Избавь ты насъ отъ мучителя-опекуна; ужъ какъ-то насъ всѣхъ опеку!.. Возьми свою отчину въ свои руки...» такъ кричали мнѣ со всѣхъ сторонъ добрые мои крестьяне.

— Какъ мнѣ васъ освободить отъ вашего ига, когда здѣсь живетъ опекуновъ управляющій?..—

«По шеямъ его, кормилецъ ты нашъ! возьми, ваше благородіе, али ружье, али шпагу свою и веди насъ... мы его... мы ему... въ бараній рогъ согнемъ его и съ хозяйкою его...» такъ приступали ко мнѣ мужички мои.

Я придумалъ прежде повести дѣло порядкомъ, по нашимъ военнымъ правиламъ: послалъ къ нему одного рѣчистаго крестьянина объявить ему, что пріѣхалъ-де настоящій помѣщикъ, опекунства уже не нужно, а потому чтобы онъ сейчасъ убирался изъ дому и изъ деревни. Но это не имѣло успѣха. Посланный возвратился съ увѣдомленіемъ, что управляющій безъ суда не впуститъ меня въ домъ; а крестьянамъ приказывалъ не слушать меня, пока...

«Не слушать нашего собственного барина?.. какъ! не слушать?.. да онъ кто?.. въ зашей его изъ господ-

скихъ хоромъ!..Степановичъ, батюшка! веди насъ къ нему; мы все уладимъ!» такъ кричали мои крестьяне, вооружаясь дубинами, хворостинами, кольями и чѣмъ попало.

Я разсудилъ, что мнѣ же надобно показать себя предъ управляющимъ, кто я таковъ, и потому принарядился въ мундиръ и, обнажа шпагу, шелъ передъ толпою крестьянъ, какъ мои товарищи офицеры передъ взводомъ—и, отъ роду впервые имѣя команду, повелъ ее къ господскому дому. Признаюсь, я боялся, чтобы управляющій не собралъ своей дворни и не вздумалъ бы защищаться; тогда не обошлось бы безъ драки, и я уже высматривалъ побезопаснѣе мѣстечко, куда бы укрыться, если бы дошло дѣло до бою; однакожъ, не видя никакого сопротивленія, мы дошли до дому, въ коемъ двери были настежъ отворены.

«Посмотрите-ка, закричалъ одинъ изъ крестьянъ: вонъ нашъ управляющій какъ улепетываетъ!.. да и хозяйшка за нимъ.»

Въ самомъ дѣлѣ мы увидѣли его бѣгущаго садомъ къ большой дорогѣ и за нимъ поспѣшающую женщину. Дворовые люди, которые были всѣ не мои, также бѣжали, схвативъ кто что могъ. Я не велѣлъ никого преслѣдовать, и, поблагодаривъ добрыхъ моихъ крестьянъ за ихъ усердіе, отпустилъ, приглашая всѣхъ завтра притти ко мнѣ обѣдать.

Съ старостою и нѣсколькими крестьянами, прежними моими товарищами по шалостямъ, вошелъ я въ родительскій домъ, снабженный мебелью и прочимъ убранствомъ довольно прилично; но всѣ эти вещи были вовсе не тѣ, которыя я помнилъ бывшими при маменькѣ.

Вступя въ родительскій домъ, въ коемъ я провелъ дѣтство какъ чужой, въ скорби, гоненіи, въ униженіи, послѣ переворотовъ ставъ полновластнымъ хозяиномъ

надъ всѣмъ имѣніемъ, я долженъ былъ бы радоваться; но мнѣ сдѣлалось такъ грустно, такъ на сердце тяжело!.. Я перебѣжалъ всѣ комнаты безъ замѣчанія, спѣша прямо въ спальню матушкину, такъ живо напоминавшую мнѣ всѣ ласки, мною тамъ отъ нея полученныя!.. Отворяя знакомую мнѣ дверь, я трясся всѣмъ тѣломъ, дышалъ тяжело и чувствовалъ, что въ глазахъ моихъ темно!.. войдя же въ священную для меня комнату, я не устоялъ на ногахъ, повалился на полъ и — зарыдалъ... «Матушка! зачѣмъ тебя нѣтъ теперь!.. какъ бы ты приласкала своего Петеньку... имѣющаго теперь все, но все-таки круглаго сироту!..»

Ходя по этой комнатѣ, я много плакалъ: мнѣ больно было видѣть, что вещи въ ней не такъ были расположены, какъ при покойницѣ, а особливо горько мнѣ было смотрѣть на стоящую тутъ постель изгнаннаго управляющаго, на коей онъ покоился со своею супругою... Я припоминалъ свое дѣтство; все, все мнѣ живо представилось... какъ староста позвалъ меня чего-нибудь покушать; все-де есть и кушанья готовы. Управляющій собирався съ женою только лишь обѣдать, но мы его пугнули и онъ отъ сытнаго стола бѣжалъ.

Странное дѣло: всю дорогу я былъ голоденъ и, подъѣзжая къ дому, располагалъ поѣсть, но теперь, хотя и видѣлъ готовый обѣдъ, не могъ принудить себя съѣсть чего-нибудь. Душу мою тѣснила скорбь, и при входѣ въ каждую комнату раждались у меня различныя воспоминанія—или ласки матушкины, или кончина, погребеніе ея, или бѣдства мои уже въ сиротствѣ... и я грустилъ, томился, плакалъ!..

Наконецъ, чтобы развлечь себя, принялся за дѣло. Прежде всего приказалъ изъ спальни матушкиной выкинуть двуспальную постель управляющаго, и всѣ вещи расположилъ въ ней, какъ было при покойницѣ. Начиная отъ иконъ въ богатыхъ ризахъ до послѣдней скамейки,

я ничего не отыскалъ прежняго, а удовольствовался по крайней мѣрѣ подобными. Устроивъ спальню во всемъ близко къ старому порядку и затепливъ лампаду предъ образомъ, какъ бывало при матушкѣ, я приступилъ къ осмотру кабинета управляющаго. Я нашелъ всѣ экономическія книги, а къ большому моему утѣшенію большой запечатанный пакетъ съ надписью на имя опекуна и со вложеніемъ ассигнацій на 20 т. руб. Рука моя не дрогнула взять это въ собственное мое завѣдываніе. Начало хорошо — подумалъ я — и отъ экономического бюро обратился къ хозяйственному самого управляющаго. Тамъ я нашелъ чудеса. На прим: «продано столько-то четвертей по 8 р. IV. показать по 4 р., за неявкой другихъ покупателей. Проданъ гнѣдой меренъ за 350 р.; показать 180; и многое множество тому подобныхъ статей, обработанныхъ по правиламъ управляющихъ имѣніями. Векселей на имя управляющаго, въ недавнее время данныхъ разными лицами, я нашелъ еще только на 16 т. рублей, и наличною монетою насчиталъ 2472 серебряныхъ рубля, которые также безъ зазрѣнія совѣсти присоединилъ къ своимъ.

Приведя такимъ образомъ все въ порядокъ, я разспрашивалъ старосту о всемъ происходившемъ безъ меня. Описать невозможно всѣхъ бѣдствій крестьянъ и расхищенія моего имущества! Предаю все вѣчному забвенію. Другаго и дѣлать нечего.

На запросъ мой у старосты, почему управляющій уже не тотъ, коего я видѣлъ у опекуна, онъ мнѣ объяснилъ всю исторію. Когда опекунъ услалъ меня въ полкъ, то, пришедши домой, крѣпко съ женою журилъ барышню Меланью Макаровну и тутъ же услалъ ее въ деревню, а на частнаго Макарь Тимоѣевичъ изволилъ крѣпко гнѣваться, а тотъ себѣ ни гугу! и во всемъ запырался. «Вотъ, батюшка, какъ барышня-то съ матушкою живетъ въ деревнѣ, а Макарь

Тимоѳеевичъ изволить управляться въ городѣ, вотъ барыня, нѣчто провѣдавши и раскрывши, примчалась ночью порою въ городъ, къ мужу-то, да въ непогоду такую, что хозяинъ и собаки не выгонить. Да какъ расплакалась та, а баринъ и послалъ за частнымъ. Да ужъ шумѣлъ-шумѣлъ! а тотъ-то все усмѣхается, да говоритъ: «ни за что не хочу.» Далѣе лакеи видѣли, какъ Макаръ Тимоѳеевичъ отсчиталъ большую сумму, никакъ 15 т., да и сдалъ частному, тутъ онъ и поддался. Въ ту же ночь поѣхали всѣ въ деревню, да къ свѣту частнаго съ барышней и обвѣнчали, да сюда въ управляющіе, а прежняго въ другую отчину. Тутъ мѣсяца черезъ два у частнаго и родины; да и не погуляли; чрезъ недѣлю младенецъ и померъ.»

Такъ вотъ какъ кончила свою участь прелестная Малаша, моя первая страсть! Признаюсь, въ первыя минуты жалко мнѣ было, что я лишень обладанія такими прелестями; когда жъ я раздумалъ и рассчиталъ всѣ происшествія, мнѣ легче стало; а далѣе-далѣе соображая все, я сказалъ: пропадай она!» и пересталъ думать объ ней.

Въ моихъ обстоятельствахъ, какія только могъ, давъ приказанія старостѣ къ приуготовленію на завтрашній день и къ устройству моего дома, я отпустилъ его и заперся въ матушкиной спальнѣ, гдѣ, мечтая, что она сидитъ на диванѣ и работаетъ или читаетъ, я сѣлъ на коврѣ какъ будто у ногъ ея и мысленно относился къ ней съ вопросами, что мнѣ начать и какъ дѣйствовать въ моемъ положеніи. Нѣкоторые изъ моихъ вопросовъ рѣшая, какъ на мысль приходило, я принималъ ихъ за совѣтъ отъ нея, свѣше мнѣ данной; утѣшался, молился, и, погружаясь въ различныя мечтанія, тутъ же на коврѣ уснулъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я СВЕЛЪ ЗНАКОМСТВА СЪ СОСѢДЯМИ.

Утромъ, по долгу сыновнему, я на гробъ родителей моихъ отслушалъ панихиду; потомъ въ церкви молебень благодарный за освобожденіе отъ ига опекунскаго; пришелъ домой, гдѣ уже были всѣ мои крестьяне съ своими семействами. Каждый и каждая принесли мнѣ что-нибудь изъ своихъ произведеній «на поклонъ», на новое хозяйство. Я подчивалъ старшихъ и почетныхъ изъ своихъ рукъ, и приказалъ угощать всѣхъ, сколько можно лучше. Всего было приготовлено вдоволь. Когда же послѣ обѣда они пришли меня благодарить за хлѣбъ и соль и спрашивали, какъ имъ быть? въ такой ли тяжелой работѣ и изнуреніи, какъ и при опекунѣ, или я ихъ чѣмъ помилую и облегчу? Тутъ я объявилъ имъ, чтобы они эти дни работали все на себя, пока я дамъ свой распорядокъ (котораго, правду сказать, я вовсе не зналъ и не могъ придумать, какъ и взяться за него). Крестьяне, кланяясь, благодаря и величая меня, какъ благодѣтельнаго господина, разошлись въ полномъ удовольствіи.

Не имѣя никакой прислуги и даже человѣка, могущаго все это устроить, я приказалъ старостѣ поискать кого-нибудь изъ матушкиныхъ прежнихъ людей, согнанныхъ опекуномъ со двора, которые бы могли вступить опять въ прислугу. Къ счастью отыскались изъ стариковъ довольно порядочные лакеи, буфетчики и прочая необходимая прислуга. Въ столовыхъ, чайныхъ и всякаго рода необходимыхъ въ порядочномъ домѣ вещахъ,

какъ и въ бѣльѣ, равно въ отличныхъ лошадяхъ, нарядныхъ экипажахъ, блестящей сбруѣ, не было недостатка: мой попечительный опекунъ всѣмъ тутъ обзавелся и унаслѣдилъ-было любезнаго своего зятика. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти все это я призналъ своею собственностію: вѣдь куплено и заведено все это изъ доходовъ моего имѣнія; гдѣ бы Макару Тимоѣевичу Буйскому, мелкопомѣстному владѣльцу, имѣть все это изъ своихъ доходовъ? И такъ все это мое! И вотъ отъ арміи прапорщикъ, Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ въ нѣсколько дней сталъ изъ ничего богатѣйшимъ помѣщикомъ, живетъ себѣ въ великолѣпномъ домѣ, окруженъ толпою служителей, правда отвыкшихъ отъ своихъ должностей и еще худо обливреенныхъ, но все у него по-барски!

Утѣшившись устройствомъ дома, я грустилъ, что не съ кѣмъ раздѣлять моего удовольствія. Всѣ люди обходились со мною съ раболѣпствомъ, никто съ искренностью и свободою. Къ величайшему моему огорченію, бывшихъ моихъ няни и дядьки я уже не засталъ въ живыхъ, и точно «маялся» въ своемъ огромномъ домѣ. Наконецъ вспомнилъ о своей обязанности, и это меня развлекло.

Какъ новый помѣщикъ, вступившій во владѣніе, я долженъ былъ познакомиться съ сосѣдями: для этого нужно мнѣ было сдѣлать имъ визиты и отрекомендоваться. И мы живали въ свѣтѣ, знаемъ приличія. Вотъ я выбралъ красивую коляску, лихую четверню рыжихъ, съ блестящею упряжью, и въ одинъ день, принарядясь въ свой пѣхотный мундиръ, съ отлично связанною треугольною низенькою и съ короткими полями шляпою, пустился я по сосѣдамъ. Не зная, кто изъ нихъ почетнѣе, я рѣшился ѣхать прямо и въ первый на пути помѣщичій домъ заѣзжать по порядку.

При входѣ къ хозяину, я отпускалъ сочиненный мною комплиментъ: «отъ арміи отставной прапорщикъ, Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ честь имѣю себя

рекомендовать; прошу меня полюбить хотя для-ради близкаго сосѣдства и удостоить вашего знакомства и дружбы.» Тутъ я, на всякій случай, дѣлалъ масонскія привѣтствія — и дѣло шло своимъ порядкомъ. Кто не былъ масономъ, тотъ не примѣчалъ моихъ знаковъ; а просвѣщенные отвѣчали по приличію, и у насъ завязывался разговоръ.

Странную вещь замѣтилъ я въ каждомъ домѣ, куда пріѣзжалъ. Первоначальный пріемъ мнѣ всегда былъ холоденъ: но лишь узнавали, что я тотъ Столбиковъ, кому принадлежало близлежащее большое имѣніе, тутъ все измѣнялось. Если хозяева были изъ молодыхъ людей, тотчасъ совѣтовали мнѣ завести собачью охоту, предлагали свои знанія въ томъ, обѣщали руководствовать, выводили собакъ, описывали ихъ достоинства, предлагали мнѣ уступить ихъ съ выгодою, звали въ отъѣзжія поля. Другой обращался къ лошадямъ, хвалилъ занятія ими, выгоды отъ завода ихъ; тотъ увѣрялъ, что онъ отличный знатокъ въ сельскомъ хозяйствѣ; иные въ винокуреніи, селитровареніи, овцеводствѣ, садоводствѣ и прочихъ предметахъ. Каждый предлагалъ свои услуги, свою дѣятельность, и всѣ требовали отъ меня, на первый случай, только небольшого капитала и полной свободы распоряжать устройствомъ, и за то обѣщевали мнѣ тмочисленныя выгоды, такъ что, ввѣрясь имъ съ деньгами, чрезъ нѣсколько лѣтъ я стану получать неимовѣрные доходы.

Когда же хозяева были семейные, то, узнавъ о моихъ достоинствахъ или имѣніи, что все — какъ я замѣтилъ — равно было для нихъ, тутъ матушка провозглашала: «гдѣ же дѣти? Сидорка! скажи барышнямъ, чтобы вышли сюда.» И нѣжная мать обращалась ко мнѣ съ безпрестанными похвалами на счетъ своихъ дочерей: по ея словамъ, Катенька первая музыкантша на клавикордахъ; Наташа мастерски поетъ и выдѣлываетъ всѣ трудныя

варіаціи; Матреша домоводка отличная; Ульянушка болѣе склонна къ скотскимъ заводамъ. Батюшка же все вторилъ женѣ, увѣряя, что каждая смыслить вообще и по сельскому хозяйству, и что въ той деревнѣ, которую-де мы предназначаемъ Ульянушкѣ, Катенькѣ, или о которой рѣчь идетъ, она ведетъ уже всему всѣ счеты и все у нея въ порядкѣ, и что въ прошломъ годѣ показано у нея на ея долю столько-то тысячъ дохода. Среди такого рода безхитростныхъ объясненій входятъ три, четыре, а иногда и до семи барышень. Повозмужалѣ съ большимъ жеманствомъ и явною застѣнчивостью, которую онѣ видимо стараются побѣдить, обсѣдаютъ меня и начинаютъ говорить все о себѣ, о своихъ занятіяхъ, привычкахъ, чувствительности, до какой степени съ ними дѣлается дурнота, когда по батюшкиному приказанію кого изъ людей «порютъ на конюшнѣ», и другія тому подобныя милыя откровенности; а между тѣмъ музыкантша бьетъ безъ пощады по клавишамъ клавикордовъ, пѣвица пищитъ на всю комнату модную пѣсенку: «Кто могъ любить такъ страстно, какъ я люблю тебя», и при этомъ умильно взглядываетъ на меня и улыбается, а я таю; домоводка бѣгаетъ изъ комнаты въ комнату, суется о завтракъ, объ обѣдѣ, предлагаетъ мнѣ все лучшее, спрашиваетъ, что я именно люблю, чтобы, когда въ будущій разъ я сдѣлаю имъ честь своимъ посѣщеніемъ, меня угостить любимымъ блюдомъ. Надобно и себѣ отдать справедливость: я любезничалъ со всѣми одинаково и каждой строилъ равные комплименты; уѣзжая, былъ собою доволенъ и оставлялъ хозяевъ довольными мною, потому что они всеусерднѣйше просили жаловать меня къ нимъ почаще.

Въ числѣ сосѣдей я нашелъ нѣсколько и родныхъ мнѣ. Дальные родственники принимали меня радушно, рассказывали о всѣхъ злоупотребленіяхъ опекуна моего; радовались, что я избавился отъ него, совѣтовали мнѣ,

какъ начать съ нимъ дѣло и отыскивать все, похищенное имъ; отъ нихъ я съ трудомъ выѣзжалъ на другой или и на третій день; такъ они меня ласками своими привывали къ себѣ. Родные же въ близкой степени до того, что послѣ меня должны бы получить наследство, тѣ думали только о славѣ и почестяхъ. Пеняли мнѣ очень, вачѣмъ я такъ рано вышелъ въ отставку и въ военное время: тутъ бы-де я могъ отличиться, выслужиться въ полковники и въ отставку схватить чинъ бригадира, и на старости лѣтъ отдыхать со славою и съ честью...

«А если бы меня убили въ сраженіи?» возражалъ я.

— Ахъ, сколько бы чести это принесло нашей фамиліи! отвѣчали мнѣ: вообрази, братецъ (или племянникъ), ты бы первой изъ нашихъ палъ за отечество на полѣ брани и былъ бы украшеніемъ нашей родословной, какъ единственный герой изъ нашей фамиліи... —

«Благодарю покорно за такую честь, которою бы я не наслаждался. Я лучше придумалъ: устроюсь въ хозяйствѣ, женюсь...»

— Сохрани тебя Богъ! кричали мнѣ на это ближайшіе мои родные: истребись въ тебѣ подобная постыдная мысль! Иди служить; устрой имѣніе—и скорѣе въ службу; коли же нѣтъ, знать тебя не хотимъ. Прощай! мы не обѣдаемъ дома. —

И лихая моя рыжая четверня, не смотря на усталость послѣ сорока-верстнаго переѣзда, снова запрягалась, и я отправлялся далѣе искать знакомства; былъ счастливъ, если на дорогѣ встрѣчался мнѣ хозяинъ, хотя одну дочь имѣющій. Такіе принимали меня всегда отлично.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я ЧУТЬ-ЧУТЬ-БЫЛО НЕ ЖЕНИЛСЯ, И КАКОЕ НЕСЧАСТЬЕ ИЗБАВИЛО МЕНЯ ОТЪ ЭТОЙ БѢДЫ.

Бывая у многихъ сосѣдей, почти отъ всѣхъ слышалъ я совѣтъ избѣгать всякаго знакомства съ помѣщикомъ Бурбуркинымъ. «Хотя-де мы и часто бываемъ у него на пирахъ и обѣдахъ, но это потому, что онъ богатъ, кормить хорошо и угощаетъ cadaго знатно. Онъ въ нашемъ намѣстничествѣ пришлецъ. Обманнымъ образомъ купилъ у здѣшняго помѣщика, жившаго въ Москвѣ, имѣніе и поселился въ немъ. Терпѣть его не можемъ, не избираемъ никуда, а знакомство ведемъ съ нимъ для ради его богатства. Берегитесь-де и вы его. Кто къ нему ни заѣдетъ, вѣчно бываетъ отъ него или обыгранъ въ карты, или обманутъ покупкою лошадей, людей, вещей, и т. под.

Я располагалъ слѣдовать ихъ совѣту, но несчастная судьба завела меня къ нему въ домъ нечаянно: увидѣвъ господскій домъ, я, не спрося, заѣхалъ, и только въ передней, спрашивая, узналъ, что я попалъ къ Бурбуркину. Нечего дѣлать; я вошелъ и пустился рекомендоваться, принявъ тутъ же мысль быть съ нимъ какъ можно осторожнѣе.

Бурбуркинъ принялъ меня до чрезвычайности вѣжливо и ласково, заводилъ со мною о разныхъ матеріяхъ разговоръ, во всемъ со мною соглашался, спрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ въ деревнѣ, хвалилъ мои будущія распоряженія; одобрялъ, что я не имѣю охоты ни къ

собакамъ, ни къ лошадямъ, даже порицалъ имѣющихъ эту слабость; когда же узналъ, что я не только не играю въ карты, не люблю ихъ и даже не могу различить мастей, такъ онъ почти обнялъ меня и удивлялся, что я, бывъ такой молодой человѣкъ, съ такимъ богатствомъ и воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не даю никакой страсти управлять собою, и это все приписывалъ глубокому уму моему, который онъ замѣтилъ тотчасъ по моему лицу. Однимъ словомъ, своимъ чистосердечіемъ и почитая меня такимъ, какъ я самъ разумѣлъ себя, Бурбуркинъ такъ привязалъ меня къ себѣ, что я въ два часа уже — какъ говорится — души не слышалъ по немъ. Увлеченный его искренностью, я спрашивалъ у него про сосѣдей, уже мнѣ знакомыхъ, и онъ справедливо сказалъ: что они всѣ глупы и подлы: «по какимъ-то слухамъ, разсѣянными моими недоброжелателями, говорилъ онъ, меня поносятъ, презираютъ, но все за глаза; а лишь захочу надъ ними посмѣяться, прикажу развести очагъ и начать стряпню, такъ первѣйшіе мои ругатели и бѣгутъ на запахъ моихъ соусовъ. Я одинъ умѣю здѣсь жить какъ должно, отъ того они и развѣваютъ рты отъ удивленія и, желая полизать мои тарелки, помнятъ именины и рожденія мои, жены и племянницы моей... да кстати!.. Варвара Трофимовна! Сонечка! пожалуйста сюда! Хочу и вамъ доставить удовольствіе, какимъ наслаждаюсь съ искреннимъ другомъ моимъ...»

Тутъ вошли жена его, женщина еще довольно молодая, но степенная, и за нею дѣвушка лѣтъ за двадцать, племянница... кого изъ хозяевъ? не знаю; полагаю общая, потому на обоихъ была похожа. Рожица смазливенькая — и только. Вотъ все мое замѣчаніе. Ласки хозяина до того ободрили меня, что я встрѣтилъ дамъ, какъ давно имъ знакомый, чувствовалъ себя необыкновенно ловкимъ, развязнымъ и говорилъ много комплиментовъ и, кажется, все кстати. Хозяйка присѣла ко мнѣ

и продолжала разговоръ въ томъ же тонѣ, какъ и мужъ ея... ну, право совѣстно сказать... все хвалила меня, и умъ, и образованіе, и ловкость, и не хотѣла вѣрить, чтобы я былъ воспитанъ не въ Петербургѣ и не въ лучшемъ училищѣ.

Сонечка же сидѣла въ сторонѣ и какъ будто бы и ничего... а когда я разговаривалъ съ ея родными, все глядѣла на меня. Когда же я посматривалъ на нее, она потупляла глаза въ землю... А! тутъ что-нибудь да значить, подумалъ я, и, чтобы не препятствовать ей любоваться мною, изрѣдка бросалъ на нее взгляды, въ добавокъ значительные... она смущалась, а далѣе, замѣчаю — она уже вздыхаетъ... Да мнѣ здѣсь раздолье! подумалъ я, оправляя свой мундиръ; старики отъ моего ума безъ памяти, а дѣвушка, не слыхавъ еще отъ меня къ себѣ ни слова, страстно влюблена. Что скажетъ, какъ подпущу свои ласы? Увидимъ. Дай-ка поживу здѣсь и потѣшу ихъ. Гляжу, старики начали упрашивать меня остаться ночевать, на что я, къ удовольствію ихъ, скоро и согласился. Вечеръ провели мы такъ же пріятно, и чтобъ дѣло сдѣлать съ концомъ, я закинулъ Сонечкѣ волокитское словцо. Старики какъ-то вышли, а она, чтобъ занять меня, сдѣлала замѣчаніе, что ночь безъ мѣсяца и очень темна. «Хотя и солнце скрылось отъ насъ, но я его вижу въ глазахъ вашихъ, сударыня!» Отпустивъ ей такой крючокъ, мигомъ, на одной ногѣ, повернулся отъ нея. Разбирай, какъ хочешь, а-мы дискать свое дѣло сдѣлали, пустили амурныя стрѣлы. Высматривая ее изъ полюбья, я замѣтилъ, что она покраснѣла отъ моей заговозки... Послѣ этого во весь вечеръ мы съ нею переглядывались уже въ-волю; а отходя ко сну, я, подойдя къ ней къ рукѣ и пожелавъ доброй ночи и покойнаго сна, пожалъ ей ручку и замѣтилъ, что и она отвѣчала мнѣ тою же ласкою.

«Наша!» подумалъ я, идя въ отведенную мнѣ комнату.

«Влюбляться ли мнѣ въ Сонечку или нѣтъ?» былъ первый мой вопросъ ко мнѣ же, когда я улегся въ пышную и мягкую постель. — А почему же и не такъ? не долго думавши, отвѣчалъ я себѣ же. Дѣвка не такъ чтобы очень смазлива, но не противна. Пока примусь ей куры строить, волочиться... вазнобитъ крѣпко, пристрашусь, тогда и присватаюсь; отказу не ждать; старики отъ меня безъ-ума. А откажутъ, пущусь въ другомъ мѣстѣ искать. Наше дѣло жениховское. Завтра же пущусь во вся тяжкая; остерегусь, чтобъ о женитьбѣ ни слова... и часто буду пріѣзжать. Это находка! Пока еще иная понравится, познакомится, а эта уже и знакома и, быть можетъ, нравится...— Въ такихъ пріятныхъ мечтаніяхъ я заснулъ сладко.

Утромъ, вышедши въ пріемную, я засталъ Сонечку за клавирами. Она мнѣ показалась какъ-то милѣе, нежели вчера. Я съ ловкостью подбѣжалъ къ ней къ ручкѣ, а она просила меня тутъ же присѣсть; и мы вступили въ слѣдующій разговоръ:

«Вы сего дня уѣзжаете отъ насъ?» спросила она.

— Нечего дѣлать; хотя и противъ воли-съ — отвѣчалъ я, и вздохнулъ тяжело.

«Кто же васъ принуждаетъ?»

— Амуръ-съ. —

«Какъ это?» спрашивала она краснѣя.

— Да такъ-съ. Амуръ вовлекъ меня въ свои сѣти; такъ, знаете, чтобы не надѣлалъ большихъ бѣдъ, хочется отъ него улизнуть. —

Она, будто не понимая моей закорючки, спросила не къ дѣлу: «вы, можетъ быть, уже и никогда къ намъ не будете?»

— Помилуйте! съ чего вы это взяли? Гдѣ вы, я тамъ готовъ прожить Мафусаиловы годы. —

«Не что я вамъ правлюсь?» спросила она съ жеманствомъ и все посматривая на дверь.

— Не только чтобы нравиться, да я васъ люблю, обожаю, боготворю. —

«Теперь такъ говорите, а выйдете, забудете.»

— Чтобы я лопнулъ на этомъ мѣстѣ, если не желаю быть вашимъ вѣчнымъ рабомъ! — вскричалъ я съ большимъ жаромъ, и клятву свою хотѣлъ подтвердить поцѣлуемъ на ея ручкѣ, для чего и наклонился къ ней съ своего стула, но какъ и она отъ моего восторга отклонилась, и тутъ же стулъ выползъ изъ-подъ меня, то я и брызнулся на полъ въ видѣ стоящаго на колѣнахъ...

На этотъ шумъ мигомъ вошелъ Бурбуркинъ, и важнымъ, торжественнымъ голосомъ спросилъ меня: «Государь мой! что это значитъ? вы на колѣнахъ предъ моею племянницею?»

— Ни... ничего, право... ей Богу, ничего... безъ всякаго умысла. Это такъ... отъ моей неловкости... —

«Какъ ничего? Сонечка! что тутъ такое было?»

Сонечка, закрываясь платкомъ, едва могла выговорить: — Это, дяденька, вотъ что: Петръ Степановичъ объяснялся мнѣ въ любви... —

«Объяснялся въ любви?» заревѣлъ Бурбуркинъ, а у меня душа въ пятки ушла. «Съ какимъ намѣреніемъ?» — продолжалъ онъ спрашивать.

— Просилъ, чтобы я сдѣлала счастье его и не отказала бы вытти за него. — Такъ отпустила Сонечка.

Вотъ дѣло прошедшее, а о замужствѣ я, ей Богу, ни полсловомъ не намекалъ. О любви была рѣчь, правда, но и то для одного близиру; а чтобъ на бракъ склонять ее, и въ помышленіи не было, да я же и берегся, какъ изъ осторожности предположилъ: и потому съ крайнимъ удивленіемъ глядѣлъ на нее, и только лишь хотѣлъ оправдываться, какъ Бурбуркинъ, перемѣнивъ голосъ, съ мягкостью сказалъ: «О! это другое дѣло; я на это согла-

сень»; и тутъ же началъ кликать свою жену, которая, по видимому, стояла за тою же дверью, гдѣ былъ и дядюшка, и на которую племянница ихъ во время моего любовнаго объясненія все поглядывала.

«Вотъ, другъ мой, Варвара Трофимовна! Петръ Степановичъ дѣлаетъ честь нашей...»

— Согласна и всею душою рада — закричала Варвара Трофимовна, не выслушавъ всего донесенія мужнина: — согласна и благословляю васъ, дѣти мои, отъ всего сердца. Обнимитесь, поцѣлуйтесь, будьте женихъ и не-
вѣста! —

Отъ такой поспѣшности я еще не могъ собраться съ мыслями, что мнѣ имъ говорить, какъ почувствовалъ, что моя не-
вѣста уже вступила въ права свои и цѣлуетъ меня... какъ тутъ же Бурбуркинъ сказалъ: «хотя для благороднаго человѣка и слово законъ, отступить отъ него подло и безчестно, но должно исполнить обрядъ. Готово ли?»

— Готово! — отвѣчали изъ другой комнаты; дверь отворилась, и я увидѣлъ всѣ приготовления къ обрученію.

«Пойдемъ же», сказала Бурбуркина, и повела меня, словно жертву на закланіе...

И обрученіе кончилось, а я все еще не могъ притти въ себя. Невѣста не выпускала руки моей, а старики то и дѣло расхваливали супружескую жизнь, достоинства своей Сонечки и предвѣщали мнѣ отличное счастье... — Вамъ только и дѣла, что будете любиться и нѣжиться какъ голубки, говорила тетушка: а мы съ мужемъ займемся хозяйствомъ вашимъ: я въ домѣ, а онъ по имѣнію, и все пойдетъ хорошо. —

Когда мы, сговоренные, остались вдвоемъ, тутъ я подумалъ: «быть такъ. Чего размышлять? Жениться, такъ женюсь. Видно такая моя судьба.» Вотъ я съ полною охотою подсѣлъ къ моей Сонечкѣ, чтобы, знаете, и са-

мому войти и ее ввести въ любовныя чувства, безъ чего бракъ каторга! Но куда! при всемъ моемъ стараніи, не могъ склонить ее говорить о любви, взаимномъ согласіи, семейной жизни; она все твердила, какъ мы послѣ свадьбы поѣдемъ въ Петербургъ, сколько и какихъ накуплю ей нарядовъ, какъ она станетъ тамъ разъѣзжать «въ хватскихъ» экипажахъ, и все такое было у нея на языкѣ, и до того довела меня, что и маленькая, еще ничтожная любовь моя, но и та начала угасать.

«Ага, моя сударыня!» такъ размышлялъ я, оставшись одинъ въ своей комнатѣ: «такъ выходить, что я буду служить вамъ какъ сундукъ, изъ коего будете получать деньги на удовлетвореніе своихъ прихотей? Я буду подрядчикъ на всѣ ваши удовольствія? Покорный слуга!..» Отъ любопытства разспрашивалъ я у слуги моего, что онъ развѣдалъ о моей невѣстѣ? И онъ мнѣ объявилъ, что она порядочно сердита и капризна, даже противъ своихъ родныхъ. Она же вовсе и не племянница ихъ, а дочь, родившаяся прежде брака.

Знатно же меня поймали!.. Но хитрость противъ хитрости. Обдумавъ хорошенько новый планъ, я уснулъ покойно.

Утромъ я пошелъ прямо къ дядюшкѣ, благодарилъ его за желаніе принять меня въ свое семейство, за доставленіе мнѣ счастья въ обладаніи достойною его племянницею; какъ же обычай и собственное мое чувство требуетъ, кромѣ поднесеннаго мною невѣстѣ страстнаго сердца моего, сговоръ нашъ утвердить подарками, достойными прелестей и любви ея ко мнѣ, то для выбора приличныхъ вещей, я располагаю поѣхать домой, гдѣ, по новости моего хозяйства, нужно устроить къ принятію госпожи; и что я послѣ того поспѣшу сюда, чтобы испросить день для совершенія моего счастья соединеніемъ съ прекраснѣйшею племянницею его.

Я лгалъ и не красѣлъ. Выпусти онъ только меня изъ рукъ, то ужъ никогда бы не увидѣлъ, «и калачомъ бы не заманилъ», какъ говорится. Я полагалъ, что все такъ тонко, хитро придумалъ, и вотъ Бурбуркина оплету... Не тутъ-то было. Нашла коса на камень.

Мой толстой дядя, слушая меня, пришелъ въ восхищеніе, хотя по лицу его можно было видѣть, что онъ мнѣ ни на волосъ не вѣритъ, и чтобы скрыть свое лукавство, обнялъ меня скорѣе и началъ отборными словами благодарить меня за чувства мои къ Сонечкѣ, и что для счастья ея довольно одной любви моей, подарки же вовсе не нужны. «Впрочемъ, прибавилъ онъ, коварно улыбаясь: если вы уже такъ нѣжны и деликатны, то вмѣсто подарковъ предложите ей деньги, какія есть съ вами (бездѣльникъ зналъ, что со мною пять тысячъ); она въ память любви вашей купить, что ей понравится. Это будетъ съ вашей стороны нѣжнѣе и деликатнѣе всякаго подарка. Какъ же, удовлетворяя вашему пламенному нетерпѣнію, мы свадьбѣ назначили быть въ слѣдующее воскресенье (я чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, и видѣлъ, какъ онъ отъ того улыбнулся), и вамъ конечно нужны будутъ еще деньги, то пошлите приказъ старостѣ доставить всю наличность поспѣшнѣе къ вамъ. Теперь пойдемъ къ невѣстѣ, предложите ей деньги на покупку вещей; тото будетъ краснѣть! За то, сколько поцѣлуевъ схватите! Счастливчикъ!» примолвилъ онъ, трепля меня по плечу, и повелъ прямо къ Сонечкѣ.

Когда не удалась хитрость, надо было повиноваться обстоятельствамъ; нечего дѣлать. Кровью обливалось бѣдное сердце мое, когда я подносилъ такую значительную сумму невѣстѣ, жениться на коей приступалъ совершенно по необходимости: отъ нерѣшимости дѣйствовать прямо, видѣлъ, что гибну на вѣкъ! Она такъ восхитилась моимъ приношеніемъ, что забыла краснѣть и цѣловать меня.

Посланъ былъ приказъ къ старостѣ привезти всѣ наличныя деньги. Приготовленія къ свадьбѣ были самыя скромныя. Расположили не звать никого, и, кажется, потому, что не надѣялись, чтобы кто-либо и пріѣхалъ; такъ не любили сосѣди Бурбуркина. Я все это зналъ, а притомъ, чувствуя день ото дня уменьшеніе любви къ Сочекѣ, съ грустью и горестью ожидалъ минуты нашего соединенія. Прощай свобода, молодость, мечты на счастье, все прощай!.. и для кого?..!!!

Посыланый въ деревню возвратился и вмѣсто ожидаемыхъ денегъ, подалъ мнѣ письмо, а барина своего вызвалъ въ особую комнату.

Я началъ читать... и что прочелъ?! Нижній земскій судъ получилъ объявленіе отъ опекуна, что я, отлучась самовольно изъ полку, вѣхалъ въ имѣніе, управленію его порученное, и которое, за разсматриваніемъ долговыхъ претензій, еще неизвѣстно, кому будетъ принадлежать; что я возмутилъ крестьянъ и, собравъ толпу съ кольями и дубинами, самъ съ обнаженною шпагою предшествуя имъ, вломился въ домъ, буйствовалъ въ немъ, все ломалъ, опрокидывалъ и наконецъ, напавъ на скрывшагося отъ моего неистовства управляющаго тѣмъ имѣніемъ, хотѣлъ лишить его жизни; отъ чего онъ, получивъ однакожъ нѣсколько опасныхъ ранъ, успѣлъ избѣгнуть и былъ мною преслѣдуемъ до конца селенія. Послѣ чего я завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ: въ конторѣ управленія найдя разныхъ экономическихъ и пересылочныхъ частныхъ суммъ сто тысячъ съ сотнями рублей и нѣсколькими копейками, сверхъ того, въ особомъ ларчикѣ хранившіяся собственныя деньги жены его, около 50 т. руб., все сіе заграбилъ, и, выведя крестьянъ изъ повиновенія мѣстному начальству, веду съ ними жизнь буйную, развратную — и проч. и проч. Уѣздный судъ, гдѣ NV предсѣдательствуетъ мой опекунъ, наслалъ указъ земскому, отыскавъ меня, схватить и представить къ сужденію по всей стро-

гости законовъ. Въ силу чего и посланъ засѣдатель взять меня...

Хотя я выходилъ изъ себя, читая всѣ эти несправедливости, на меня взведенныя; но признаюсь, крѣпко струсилъ, испытавъ злость ко мнѣ опекуна и воображая, что теперь онъ меня «засудить». Тутъ въ сторону всѣ расчеты, и если бы Сонечка была въ десять разъ вѣтреннѣе, а Бурбуркины скаредиѣе и корыстолюбивѣе, я долженъ искать, какъ счастья, жениться на ней въ надеждѣ найти въ дядюшкѣ защиту и руководителя. Я очень увѣренъ былъ, что онъ выведетъ меня изъ бѣды, и въ такихъ мысляхъ обращаюсь къ нему... а его и нѣтъ здѣсь.

Только лишь я придумалъ идти къ нему, какъ Бурбуркинъ идетъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями и говорить: «что это мой, любезный, вы рѣшились уѣхать отъ насъ?»

— Какъ? отъ чего? — спросилъ я въ крайнемъ недоумѣніи.

«Какъ же? Вотъ и коляска ваша у крыльца. Вы спѣшите? Прощайте, прощайте, мой любезнѣйшій!» и съ симъ словомъ бросился меня обнимать.

— Помилуйте... я не ѣду, говорилъ я, останавливая его поцѣлуи. Со мною такъ много случилось... —

«Прощайте, прощайте! Какъ это, не сказавши, вдругъ?»

— Сдѣлайте одолженіе, войдите въ мое положеніе... —

«Отъ всей души, и не смѣю васъ удерживать.» И съ этимъ словомъ, обнявши меня и взявъ подъ руки крѣпко, противъ воли велъ меня въ переднюю.

— Я въ крайнемъ положеніи!... Я не могу разорвать начатаго союза. —

«Къ чему бы такъ спѣшить? Но удерживать васъ не смѣю. Человѣкъ! подай шинель, застегни, чтобъ

баринъ не простудился. Ахъ, какъ прискорбно лишиться вашего собесѣдничества!»

— Если вы, сударь, берете свое слово назадъ, то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ возвратить мнѣ мои пять тысячъ... —

«Рѣзво поѣхавши, вы еще заранѣе остановитесь для отдыха. Эй, люди! Помогите же Петру Степановичу сойти съ крыльца. Осторожнѣе, осторожнѣе.»

И меня точно тащили съ крыльца и не давали мнѣ ни остановиться, ни обратиться къ злодѣю моему, хотя я кричалъ уже изо всей мочи: «мои пять тысячъ!.. отдайте мнѣ ихъ!.. мнѣ уже не нужна ваша...»

«Надолго ли расстаемся?» рѣвелъ мой злодѣй вслѣдъ за мною. «Не забываютъ насъ. Осторожнѣе усадите въ коляску. Не прикажите скоро ѣхать, чтобы иногда лошади...»

А меня между тѣмъ, не смотря на крикъ мой о пяти тысячахъ, преспокойно усадили въ коляску и дверки захлопнули. Бурбуркинъ, не удерживая своего хохота, все кричалъ: «зачѣмъ такъ спѣшить? Прощайте, прощайте! Пошелъ!» въ заключеніе крикнулъ онъ, и съ хохотомъ пошелъ въ свое разбойничье гнѣздо.

Я поѣхалъ. Что мнѣ было другое дѣлать?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я ЧРЕЗЪ ФРАНЦУЗСКУЮ КАДРИЛЬ
ПРІОБРѢЛЪ МИЛОСТИВАГО ПОКРОВИТЕЛЯ.

«Пять тысячъ... мои пять тысячъ рублей!..» продолжалъ я кричать, пока выѣхалъ даже изъ селенія. Ужъ мнѣ было не до Сонечки и не до Моцѣлуевъ ея. Наконецъ, видя что нечѣмъ пособить, я принялся раз-

суждать. «Ага! подумалъ я: какъ богатаго женишка, такъ и ловили, насильно сговорили и изъ рукъ не выпускали; какъ же скоро онъ лишился всего, такъ и знать не захотѣли и не удерживали у себя. Да чего не удерживали? Кажется, насильно проводили, почти въ шею вытолкали... Да, точно такъ! вскрикнулъ я даже, вспомнивъ, какъ меня поспѣшно снарядили и отправили. А пять тысячъ?.. Ахъ, какъ мнѣ жалко было упустить ихъ и какъ они у меня такъ нагло и безчестно исторгнуты! Но это ничего, думалъ я: заѣду домой, тамъ, конечно, не посмѣли тронуть моей шкатулки, въ коей сохраненъ порядочный запасецъ... возьму ихъ въ подкрѣпленіе и явлюсь къ суду, гдѣ, съ моею правдою, оправдаюсь очень легко, избавлюсь отъ клеветъ, взведенныхъ на меня опекуномъ; еще его изобличу въ незаконныхъ дѣяніяхъ, отниму обратно имѣніе; вѣдь оно мое; заживу бариномъ, выберу изъ лучшихъ наилучшую красавицу; ужъ я понялъ, какъ гоняются за нашими братьями, богатыми женихами; женюсь на зло Сонечкѣ, которая и проститься со мною не вышла, и взбѣшу Бурбуркина... Славно, Петенька, славно!.. молодецки!..» Въ такихъ сладостныхъ мечтахъ, отъ ѣзды и темной ночи, я заснулъ и, признаюсь... видѣлъ во снѣ Сонечку, цѣлующую меня, а изъ кармана моего вытаскивающую бумажникъ съ деньгами, а самъ Бурбуркинъ, видя это, подмигиваетъ мнѣ и кажется языкъ... какія нелѣпости иногда снятся человѣку!

Утромъ остановленъ я былъ встрѣтившимся мнѣ, скачущимъ на тройкѣ какимъ-то господиномъ въ красномъ мундирѣ, въ препровожденіи двухъ верховыхъ.

«Стой!» — закричалъ онъ и, относясь ко мнѣ, продирающему послѣ пробужденія глаза, спросилъ: «Позвольте узнать, кто вы такой?»

— Отъ арміи отставной прапорщикъ, Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ; прошу меня полюбить — отпустилъ я ему затверженную для новаго знакомства фразу.

«Васъ-то мнѣ и надобно; о любви послѣ, а теперь прошу вытти изъ коляски и оставить ее со всею принадлежностью въ вѣдѣніе мое.»

— Какъ, сударь? Что это такое?»

«Ничего больше, какъ то, что я засѣдатель нижняго земскаго суда; посланъ отъ моего начальства взять все, похищенное вами изъ имѣнія, вамъ не принадлежащаго.»

— Какъ это можно? я взялъ все свое... —

«Не мое дѣло разбирать; я долженъ исполнять приказаніе начальства, и для того прошу васъ безъ всякаго противорѣчія выходить... Человѣкъ! отопри дверки.»

Отперли дверки; засѣдатель началъ просить меня вытти, и какъ будто помогая выходить, вытаскивалъ меня изъ коляски.

— Довезите меня по крайней мѣрѣ домой! — просилъ я засѣдателя.

«Ни дома, ни имѣнія у васъ нѣтъ; все это опять отдано въ управленіе Макару Тимоѣевичу до окончанія дѣла, то есть: до преставленія свѣта», примолвилъ онъ улыбаясь: «а если вы и придете въ имѣніе, то васъ арестуютъ и представятъ къ суду.»

— Предъ судомъ-то я тотчасъ оправдаюсь. На меня все нагано... —

«Быть можетъ; но судья вѣдь Макаръ Тимоѣевичъ и вмѣстѣ вашъ опекунъ, гонитель вашъ. Жаль мнѣ васъ, но помочь не могу, а развѣ дамъ совѣтъ...»

— Сдѣлайте одолженіе, посовѣтуйте, что мнѣ предпринять! я вамъ буду чувствительно благодаренъ и докажу на дѣлѣ, когда приму опять имѣніе. — Это къ тому я закинулъ такой крючокъ, что зналъ, какъ съ засѣдателями надобно говорить.

«Вотъ изволите видѣть», началъ онъ уже гораздо ласковѣе и вѣжливѣе: «вы напрасно сами вступали во владѣніе...»

— Да имѣніе мое собственное! —

«Все такъ; но всегда нуженъ порядокъ, безъ коего все перепутается. Самовольничать никому не позволяется. Вамъ непременно должно было явить начальству, что вы Столбиковъ, и просить объ отдачѣ вамъ имѣнія, поелику вы достигли уже совершенныхъ лѣтъ. Вотъ васъ порядкомъ бы ввели и отдали бы вамъ до послѣдней нитки; теперь же вы испортили дѣло и надолго. Опекунъ взвелъ на васъ невѣроятныя преступленія — и самъ, какъ судья, будетъ васъ въ нихъ судить, не приметъ никакихъ оправданій и засудитъ васъ...»

—Посоветуйте же мнѣ, какъ избавиться отъ этихъ бѣдъ! Уйти что ли куда подалѣе? — спросилъ я, почти плача отъ боязни.

«Какъ уйти! Это невозможно» сказалъ засѣдатель, и, отведя меня подалѣе отъ людей, продолжалъ: «а вотъ мой совѣтъ: поѣзжайте на моихъ лошадяхъ до города, тамъ не замедлите явиться къ присланному отъ намѣстника для открытія разныхъ злоупотребленій ревизору, Пахому Ивановичу Столбикову; онъ, быть можетъ, вамъ и съ-родни. Объясните ему все дѣло, авось онъ вступится. Этотъ человекъ на порядкѣ. У! да и гроза! Самъ Маркъ Тимоѳеевичъ, передъ которымъ мы трепещемъ, не смѣетъ пустить своихъ штучекъ. Хотя тотъ только и коллежскій ассесоръ, но ума много и уполномоченъ крѣпко: того и гляди, что всѣхъ поотрѣшаетъ. Ступайте же въ городъ и сдѣлайте, какъ я совѣтую; будетъ дѣло ладно.»

Нечего было дѣлать. Изъ покойной, барской коляски я долженъ былъ пересѣсть на засѣдательскую таратайку, и на обывательскихъ лошадяхъ потащился въ городъ.

Встрѣчающіеся со мною съ любопытствомъ осматривали меня и конечно полагали, что офицеръ въ полномъ мундирѣ ѣдущій на такомъ экипажѣ, конечно отправленъ съ весьма важнымъ препорученіемъ; а на

повѣрку выходило, что голубчика везли противъ воли, просто, для преданія суду, предъ которымъ оправдаюсь ли, было еще сомнительно. Такъ-то наружность бываетъ обманчива!

Не имѣя возможности пріискать себѣ квартиру, я не зналъ, гдѣ бы хоть кое-какъ пріютиться; но вспомнилъ, что былъ какой-то мастеровой, коему благодѣтельствовала покойная моя матушка; я принялся отыскивать его по городу, и наконецъ съ трудомъ отыскалъ домикъ его. Старикъ вспомнилъ все и изъ благодарности согласился содержать меня, надѣясь впрочемъ, какъ онъ говорилъ, что по времени, когда выиграю свое дѣло, буду ему благодарить и вознагражу издержки на меня. Не успѣлъ я расположиться въ квартирѣ, какъ и явился посланный изъ полиціи обязать меня подпискою не выѣзжать изъ города и по требованіямъ являться къ суду. Я даже обрадовался такому требованію, потому что, не смотря на мое огромное состояніе, не имѣлъ съ чѣмъ и куда выѣхать.

Я рѣшился искать покровительства у находящагося здѣсь ревизора, всѣми здѣшними чиновниками, по обыкновенію, какъ командированнаго отъ самаго намѣстника, уважаемаго какъ нѣчто необыкновенное. Для того, приведя себя, сколько позволяли обстоятельства, въ порядокъ, утромъ пошелъ въ квартиру его. Въ первой комнатѣ сидѣлъ городничій, призванный ревизоромъ, и шопотомъ разговаривалъ съ письмоводителемъ, взятымъ изъ нашего же уѣзднаго суда. Человѣку, спросившему меня, за какою надобностью пришелъ я, велѣлъ доложить, что *такой-то* родственникъ его имѣетъ крайнюю надобность. Я рѣшился назваться родственникомъ не безъ хитрости: когда по разспросамъ я точно найдусь такимъ, то онъ обязанъ будетъ вступить за меня; если же между нами и нѣтъ родства, онъ выслушаетъ мое гоненіе, вступится за меня какъ присланный для истребленія без-

порядковъ, и я дѣло свое поправлю. Человѣкъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и, сдѣлавъ кислую рожу, конечно замѣтивъ непорядокъ въ моей одеждѣ, счелъ меня за офицера-попрошайку, пошелъ докладывать и, какъ видно, сказалъ не въ выгоду мою, потому что, возвратясь, сказалъ съ надменностью: «Пахомъ Ивановичъ извоилъ приказать объявить вамъ, что какъ-дескать у него родныхъ бѣдныхъ и мизерныхъ много и ему невозможно всѣхъ награждать, такъ шелъ бы я, откуда пришелъ, и не смѣлъ бы — къ стыду его — называться родственникомъ...»

Не ожидая ничего лучшаго, я располагалъ-было уже уйти, какъ тутъ же замѣтилъ писмоводителя, вскочившаго и кинувшагося къ бумагамъ, при чемъ и городничій также всталъ и, взявъ шляпу, поглядывалъ на дверь. Изъ чего я заключилъ, что конечно ревизоръ выходитъ; но незамѣтно было никакого движенія, а только слышно было, что кто-то играетъ на скрипицѣ извѣстный мнѣ танецъ, «монимаску», и звукъ все приближался къ намъ ближе.

Какъ обо мнѣ ложно было доложено ревизору, то я, предвидя скорый выходъ его, рѣшился дожидаться и лично объясниться съ нимъ. Къ счастью, никто изъ бывшихъ тутъ не обращалъ на меня вниманія, и я спокойно ожидалъ, что будетъ со мною.

Музыка приближалась и кто-то припѣвалъ: «разъ, два, три, разъ, два, три... балансе... на право два...» и все такое знакомое мнѣ по танцевальному классу въ пенсіонѣ мусье Филу. И вотъ дверь отворилась... явилось два человѣчка, ниже средняго роста; одинъ старичокъ, сухенькій, тощенькій, въ притертой крѣпко Французской полной парѣ и съ пышнымъ распудреннымъ тушемъ; другой лѣтъ тридцати, полный, круглый и потому кажущійся еще ниже, одѣтъ былъ довольно нарядно. Первый велъ его за руку и припѣвая, а второй со

всѣмъ усердіемъ, до поту лица выдѣлывалъ всѣ па монимаски. За ними шелъ музыкантъ, наигрывающій на скрипицѣ. Съ такимъ тріумфомъ вошелъ къ намъ Пахомъ Ивановичъ Столбиковъ, присланный отъ намѣстника для истребленія злоупотребленій и безпорядковъ, успѣвшихъ вкратъ въ судахъ уѣзднаго города, хотя еще и недавно открытыхъ.

Письмоводитель подошелъ-было къ нему съ бумагами, но ревизоръ, не оставляя важнѣйшихъ своихъ занятій, продолжая подпрыгивать и выдѣлывать всѣ па, объявлялъ свои рѣшенія и сказывалъ, въ какомъ родѣ писать бумаги. Тутъ Пахомъ Ивановичъ, схватясь съ танцмейстеромъ въ охапку, принялись вертѣться и пустились по всей комнатѣ. Письмоводитель, желая скорѣе получить разрѣшеніе по прочимъ дѣламъ, не отставая отъ ревизора, докладывалъ ему:

«Сколько прикажете потребовать понятыхъ для освидѣтельствванія моста?»

— Разъ, два, три... разъ, два, три... чѣмъ больше, тѣмъ лучше...—едва успѣвалъ отвѣчать чиновникъ, со всѣмъ усердіемъ вырабатывающій каждое па.

«А вотъ еще вытребованныя вами дѣла. Куда ихъ положить?» спрашивалъ письмоводитель.

— На право два... на лѣво два...—давалъ резолюціи ревизоръ.

«Вотъ великаго ума человѣкъ! подумалъ я съ восторгомъ; распоряжая дѣлами танцуетъ и танцуя распоряжаетъ дѣлами, и все идетъ у него превосходно!.. Но что это? «Смотрю, танцующіе пропускаютъ цѣлую фигуру въ монимаксѣ... Кровь во мнѣ закипѣла, я задрожалъ всѣмъ тѣломъ, увидѣвъ такой безпорядокъ! Я не выдержалъ, и закричавъ: «помилуйте... помилуйте!.. что вы дѣлаете?..» и бросился между танцующихъ.

Дерзость моя изумила всѣхъ. Музыкантъ продолжалъ тянуть во весь смычокъ послѣднюю ноту, на коей

я сдѣлалъ шумъ; танцмейстеръ сталъ какъ вкопанный съ вытянутою впередъ ногою и поднятыми руками; не помня самъ себя, самымъ слабымъ голосомъ онъ допѣвалъ колѣно: ла-ла-ла-ла-ла; городничій уже готовился, за дерзость мою, схватить меня какъ ястребъ, чтобъ сохранить драгоценную жизнь Пахома Ивановича; письмоводитель, схвативъ бумаги, собирался уйти, чтобы не быть свидѣтелемъ. Пахомъ же Ивановичъ остановясь, при маломъ своемъ ростѣ хотѣлъ казаться имѣющимъ величественный видъ. Полное какъ пышка лице его все побагровѣло, и онъ, съ грознымъ, ужасающимъ взглядомъ, движеніемъ бровей своихъ, подобно Юпитеру, видѣнному мною на картинѣ на одномъ постояломъ дворѣ, силился повергнуть на меня всѣ перуны, за неимѣніемъ же ихъ, хотѣлъ засыпать меня словами; но сильный гнѣвъ заглушалъ всѣ его слова, и онъ изъ толстаго горла своего едва издавалъ невнятные звуки...

Тріумфъ мой начинался.

«Кто это?... что это?... Какая дерзость!..» наконецъ могъ возопить нашъ танцующій Юпитеръ... но я, не уважая страшнаго гнѣва и не взирая на крики его, рѣшился дѣйствовать: закричавъ музыканту: «играй прерванное колѣно», пустился по всей залѣ выдѣлывать всѣ обороты, прыжки, балансе, не уступая ни одного па. Я чувствовалъ себя восторженнымъ.

Присутствовавшіе смотрѣли на меня съ изумленіемъ.

Отдѣлавъ послѣднее па, я обратился къ Пахому Ивановичу, и отъ сильнаго негодованія, находя себя необыкновенно одушевленнымъ, началъ говорить: «поми-луйте, Пахомъ Ивановичъ! Какъ вы, чиновникъ, присланный сюда отъ намѣстника для искорененія безпорядковъ, допускаете явное злоупотребленіе, терпите незнаніе своей должности. Вы позволяете танцмейстеру, не выучившемуся совершенно всѣмъ правиламъ своего искусства,

позволяете исправлять должность и, вѣря ему слѣпо, допускаете проводить себя. Возможно ли? Въ монимаскѣ четыре фигуры, а онъ показываетъ только три...»

— Какой четыре фигуры? — спросилъ смѣшавшійся танцмейстеръ.

«Такой четыре», отвѣчалъ я, въ запальчивости передразнивая его: «монимаска имѣетъ четыре фигуры, я знаю твердо, я учился у мусье Ригодонъ».

— Вы мусье Ригодонъ учись? я вамъ кланись — сказалъ совсѣмъ потерявшійся танцмейстеръ.

«Другъ мой!» кинулся ко мнѣ съ непритворною радостью Пахомъ Иванычъ: «такъ монимаска имѣетъ четыре фигуры? И ты знаешь всѣ? Да кто ты, мой милый? Не тотъ ли мой любезнѣйшій родственникъ, о которомъ мнѣ докладывали — и я готовился по родственному принять его?..»

— Не знаю, родственникъ ли я вамъ, отвѣчалъ я уже съ благородною амбиціею, «но я такъ же Столбиковъ, Петръ Степановъ сынъ, арміи отставной прапорщикъ... —

«Какъ? Такъ это ты сынъ отца твоего? Обними же меня, другъ мой! Ты мой близкій, самый ближайшій родственникъ; ты знаешь настояще монимаску, ты знаешь конечно и другіе танцы и меня выучишь?»

— Танцовать не только монимаску, но и матрадуръ и а ла-грекъ, и хлопущку, все оттанцую, замѣчу погрѣшности въ фигурѣ, но учить не берусь. —

«Милый мой!» вскричалъ Пахомъ Иванычъ, все продолжая дружески держать меня за руку: «мнѣ такого и надобно. У Карла Францыча всѣ танцы перепутаны и всѣ на одинъ манеръ. Сдѣлай дружбу, обяжи по родственному, танцуй съ нами...»

— Охотно. Я буду приходить къ вамъ въ свободное отъ моего дѣла время. —

«Нѣтъ лучше всего переселись ко мнѣ. Для танцовъ у меня все время, а дѣлами пусть занимается письмоводитель. Мое содержаніе...»

— Мнѣ и содержаніе не такъ нужно, осмѣлился я сказать, какъ нужна защита по дѣламъ моимъ... —

«Я, я твой защитникъ», вскричалъ Пахомъ Ивановичъ, не давъ мнѣ и объяснить ничего: «Ты только танцуй со мною, а я за тебя вездѣ буду дѣйствовать. Мнѣ здѣсь все повинуются. Пойдемъ завтракать, и ты расскажешь мнѣ свой процессъ. Карлъ Францычъ! вы съ нами, а отдохнувши за работу. А вы, господа! скажите онъ городничему и письмоводителю: къ своимъ занятіямъ. Пожалуйста спѣшите исполнять, что должно.»

— Зачѣмъ вы меня призывали къ себѣ? — спрашивалъ городничій у Пахома Ивановича, а тотъ, прыгая съ ножки на ножку и выдѣлывая разные па, уходилъ отъ него, твердя: «забылъ, ей Богу забылъ! Не мѣшайте, мнѣ некогда».

Городничій съ письмоводителемъ откланялись, а мы пошли во внутреннія комнаты.

Какъ я мысленно благодарилъ мусье Филу, что онъ хотя чему нибудь научиться далъ мнѣ возможность въ своемъ пенсіонѣ. Кажется, пустой предметъ танцы, да какъ они мнѣ пригодились! Не надобно ничѣмъ пренебрегать; не отгадаешь, что къ чему пригодится.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О томъ, какія выгоды доставило мнѣ покровительство родственника моего.

За изобильнымъ завтракомъ мы вели дѣла свои на-порядкѣ. Никому изъ насъ не можно было отдать пре-

имущества. Только по питейной части Карлъ Францычъ насъ превзошелъ, за то скоро и откланялся; а Пахомъ Ивановичъ, сѣвъ въ кресла «отдохнуть», заставилъ меня рассказывать дѣло со всею подробностью.

Обо всѣхъ сдѣланныхъ мнѣ раззореніяхъ я рассказывалъ видно чувствительно, потому что Пахомъ Ивановичъ, какъ я понималъ, слушалъ внимательно, что замѣтно было по движенію головы его, часто склонявшейся къ самымъ колѣнамъ, и вдругъ, при возвышеніи моего голоса, приподнималъ ее и приговаривалъ: «ну, ну, да-дѣе; это чудесно!» И видно, что онъ расположенъ былъ въ мою пользу, потому что «это чудесно» вырывалось у него тамъ, гдѣ не было ничего чудеснаго.

Я еще не кончилъ и половины моей исторіи, не объяснилъ послѣднихъ притязаній ко мнѣ опекуна и не объяснилъ, что я, какъ подсудимый, нахожусь здѣсь въ городѣ, какъ мой Пахомъ Ивановичъ протеръ глаза, звнулъ, потянулся и, вставъ съ креселъ, сказалъ: «это чудесно! Но будь увѣренъ, что я тебѣ во всемъ защита и не выдамъ тебя нигдѣ. Продолжай только одолжать меня и усовершенствуй меня въ танцахъ: я твой вѣчный должникъ. Бѣда мнѣ эти танцы, о которыхъ я прежде и понятія не имѣлъ; да и научиться имъ некогда было. Служа при намѣстникѣ и имѣя на рукахъ пропасть дѣлъ, до танцовъ ли! Вотъ меня командировали сюда. Выгодныхъ невѣстъ здѣсь много, и я могъ бы себѣ составить отличную партію; но то бѣда, что здѣсь смотрятъ на образованіе человѣка, и такимъ не признаютъ его, если онъ не танцуетъ. Вотъ это заставило меня, сказавшись, что болитъ нога, для того, чтобы ловче уклоняться отъ танцовъ, самому пріискать танцмейстера и учиться. Къ несчастью попался ничего незнающій въ совершенствѣ. Сдѣлай милость, наблюдай за нимъ и поправляй.»

Я обѣщаль исполнять все, что только могу понимать.

Въ назначенный часъ явились производители нашихъ дѣлъ. Музыка закрипѣла, и мы пошли плясать. Я проревизоваль всѣ танцы и нашель вездѣ большія упущенія; но при моемъ усердномъ стараніи и прилежности моего ученика, не смотря на усталость и изобильное пролитіе пота, онъ совершенствовался во всѣхъ танцахъ, помнилъ фигуры каждаго и могъ различать колѣна въ танцѣ. Вотъ же человекъ не имѣлъ къ тому способностей, а успѣлъ до того, что на любомъ балѣ въ каждомъ танцѣ могъ занимать первую пару.

Пока мы выплясывали, дѣла у Пахома Иваныча всѣ оставлены были безъ вниманія. Ими занимался письмоводитель, усердно желавшій своему начальнику успѣховъ въ танцахъ, до того, что убѣдительно упрашивалъ меня вспомнить еще какой танецъ и заняться преподаваніемъ. Пахому Иванычу, или, для большаго усовершенствованія, подолѣе протверживать зады.

Среди такихъ учено-веселыхъ занятій я не пропускалъ ни одного благопріятнаго случая, и лишь только замѣчалъ отъ моихъ наставленій явное удовольствіе Пахома Иваныча, то и напоминалъ ему о дѣлѣ своемъ. Онъ выслушивалъ меня терпѣливо, обѣщевалъ всѣ возможные защиты и даже располагалъ опекуна моего отрѣшить отъ управленія имѣніемъ моимъ и отъ всѣхъ должностей. Полагая, что такая важная особа дѣйстви-тельно имѣетъ на то право, съ нетерпѣніемъ каждый день ожидалъ такого счастливаго для меня событія. Правду сказать, Макарь Тимоѣевичъ нерѣдко бывалъ у Пахома Иваныча, при чемъ я всегда заходилъ подалѣе, чтобы и не встрѣчаться съ нимъ; говорилъ много и все пріятельски, но объ окончаніи дѣла въ пользу мою не было никакихъ слуховъ. Впрочемъ меня и къ суду не призывали ни однажды, что я, по незнанію

порядка, считалъ для себя снисхожденіемъ по протекціи благодѣтельствующаго мнѣ Пахома Ивановича. Но лишь успѣлъ я усовершенствовать его во всѣхъ танцахъ, и онъ, объявивъ о здоровьѣ ноги своей, началъ получать приглашенія на пиры и пустился въ танцы уже безъ руководства моего, то видимо сталъ равнодушенъ ко мнѣ, и, всѣ мои убѣдительныя просьбы выслушивая равнодушно, не говорилъ ни да, ни нѣтъ.

Однажды, послѣ долгаго бесѣдованія съ опекуномъ моимъ и все обо мнѣ, потому что я изъ другой комнаты слышалъ въ разговорѣ часто поминаемое имя мое, Пахомъ Ивановичъ, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ:

«Послушай, Петруша! — такъ онъ всегда называлъ меня по родству и покровительству: — за все твое ко мнѣ усердіе и услугу твою, я хочу быть тебѣ истинно полезнымъ. Что ты будешь здѣсь жить безъ всякой пользы? дѣло твое, какъ обыкновенно за справками, протянется долго. Надобно тебѣ время употребить съ пользою. Я замѣтилъ въ тебѣ большія способности къ гражданской службѣ. Я хочу дать тебѣ мѣсто.»

— Какія же во мнѣ способности? сказалъ я съ удивленіемъ; я самъ ихъ не нахожу и не испыталъ въ томъ себя. Какъ это вы могли замѣтить?—

«О! я по первой выступкѣ тебя замѣтилъ. Дѣло въ томъ, что я хочу устроить твое счастье. Ты поѣдешь въ намѣстническій городъ...»

— Не могу, прервалъ я его; я здѣсь подъ судомъ и обязанъ подпискою не выѣзжать...—

«Пустяки! Это вздоръ для меня. Я прикажу уничтожить судъ и отправлю тебя къ одному совѣтнику намѣстническаго правленія и предпишу ему, чтобы немедленно далъ тебѣ мѣсто, какое ты пожелаешь, хотя бы изъ первыхъ; а если оно занято кѣмъ, такъ того бы смѣнилъ, а тебя тотъ же часъ опредѣлилъ. Приготовляйся

же къ дорогѣ, и когда будетъ все готово, возьми отъ меня нужныя письма.»

Когда же я открылся ему, что не имѣю съ чѣмъ ѣхать, то онъ чрезъ нѣсколько времени вручилъ мнѣ сто рублей (вѣроятно, взятыхъ имъ отъ опекуна) и, отдавая простой пакетъ, сказалъ: «Вотъ тебѣ повелѣніе къ совѣтнику о немедленномъ опредѣленіи тебя къ должности; прощай, будь счастливъ въ новой службѣ.»

Кстати тутъ объяснить, что я узналъ гораздо послѣ сего нескоро. Опекунъ, взведя на меня всѣ сказанныя бѣды и имѣя меня въ своихъ рукахъ, не зналъ, что дѣлать со мною. Если бы приступили судить меня, раскрылась бы истина, и я нашелся бы не только правымъ, но и открылось бы, что я уже достигъ совершеннолѣтія, тогда имѣніе отдано было бы мнѣ. Чтобъ отвратить отъ себя такую бѣду, опекунъ придумалъ сбыть меня съ рукъ, далъ мнѣ возможность добраться до намѣстническаго города и предоставить меня судьбѣ моей, надѣясь, что я не найду себѣ нигдѣ ни защитника, ни покровителя. Все это уладилъ онъ съ Пахомомъ Ивановичемъ, который снабдилъ меня «повелѣніемъ» къ совѣтнику дать мнѣ лучшее мѣсто по желанію. Вотъ я съ этимъ повелѣніемъ и сотнею рублей въ карманѣ пустился въ путь.

Внимательно просмотрѣвъ штаты на всѣ должности, я выбралъ себѣ мѣсто, и съ предположеніемъ занять его въѣхалъ въ городъ, точно какъ бы въ храмъ, гдѣ пользуются на меня чины, почести и достатокъ.

На другой день принесъ я «повелѣніе» къ совѣтнику. Онъ принялъ его безъ всякаго вниманія, и прехолодно спросилъ: «отъ кого это?»

— Отъ Пахома Ивановича. —

«А!» сказалъ совѣтникъ, распечаталъ и, пробѣжавъ небрежно, бросилъ письмо подъ столъ.

Что онъ это дѣлаетъ? Какъ смѣетъ?... думалъ я, ужасаясь такой его дерзости. Совѣтникъ потомъ спросилъ: «ты при немъ находился, что-ли?»

Ты, при немъ... мнѣ это очень не нравилось, и я съ такою же холодностію отвѣчалъ:—да.—

«И съ нимъ танцевалъ, а?» спросилъ совѣтникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, я не удостоился этой чести, а я имѣлъ счастье обучать ихъ разнымъ танцамъ.—

«Вотъ что! почти вскричалъ совѣтникъ, и продолжалъ съ насмѣшкою: удостоился, ихъ, обучать! Ну, за это не обѣщалъ ли тебѣ нашъ Пахомъ какой награды?»

Я былъ въ большомъ недоумѣніи и полагалъ, что мнѣ слышится такое неуваженіе къ чиновнику, хоть онъ и коллежскій ассесоръ, но имѣетъ большую власть, и въ уѣздѣ всѣ уважаютъ его и трепещутъ. Рѣшился однако же отвѣтами своими поставить совѣтника на должную точку приличія, и потому отвѣчалъ: — Господинъ ревизоръ заблагоразсудилъ наградить меня мѣстомъ, какое пожелаю я занять.—

«Видно Пахомъ у васъ порядочно проказничаетъ, что уже и мѣста раздаетъ, сказалъ совѣтникъ: какой онъ ревизоръ? Правда, у васъ въ уѣздѣ хоть нарочный пріѣдетъ отъ насъ, все ревизоръ. Какое же мѣсто ты бы желалъ получить?» спросилъ онъ, все посматривая на меня насмѣшливо.

— Предсѣдателемъ въ палатѣ хотѣлъ бы я быть— отвѣчалъ я скоро и ясно.

Мой совѣтникъ такъ и покатился со смѣху. Хохо-тавъ долго, онъ началъ меня шпынять, насмѣхался и надъ Пахомомъ Ивановичемъ, что отыскалъ подобнаго гуся, и наконецъ спросилъ: «Съ чего тебѣ вздумалось лѣзть прямо въ предсѣдатели? Понимаешь ли эту важную должность?»

— Должности не понимаю, отвѣчалъ я свободно, но постарался бы со временемъ попривыкнуть къ ней. А желаю занять ее потому, что жалованье отличное.—

«Вотъ то то же, отвѣчалъ онъ размышляя: не ты первый и не будешь послѣдній, что, не имѣя понятія объ обязанности, ищутъ занять мѣсто по другимъ расчетамъ. Ох-ох-охъ! Кто ты такой и имѣешь ли что?»

Я сказалъ о себѣ только, кто я и, скрывъ всѣ происшествія со мною, объяснилъ, что не имѣю никакихъ способовъ къ жизни и что безъ должности не могу себя содержать.

«Это другое дѣло, сказалъ совѣтникъ. Въ такомъ случаѣ я могу быть тебѣ полезенъ. Не хочешь ли быть кварталнымъ?»

— Желаю — отвѣчалъ я рѣшительно

«Каковъ же переходъ? говорилъ совѣтникъ: изъ председателей въ кварталные, а? Но ты мнѣ нравишься за свое чистосердечіе и прямоту. Ты будешь лихой полицейскій офицеръ. Своего не выдумашь, а приказанное исполнишь. Теперь иди, навѣдывайся ко мнѣ всякій день. Я обещаю тебѣ выпросить у губернатора мѣсто квартальнаго.»

Я вышелъ отъ совѣтника совсѣмъ въ отличномъ расположеніи духа, нежели входилъ къ нему. Ослѣпленіе меня оставило. Я увидѣлъ ясно, что мѣсто председателя навсегда ускользнуло отъ меня, и вмѣсто этой видной должности дають мнѣ мѣсто какого-то «квартальнаго». И кто знаетъ, что это за должность? Не она ли это, что мы, военные, называемъ «хватайный?» Увидимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я ОТПРАВЛЯЛЪ ДОЛЖНОСТЬ КВАРТАЛЬНАГО.

Я не пропускалъ каждодневно являться у благодѣтельствующаго мнѣ совѣтника, и проводилъ у него по нѣскольку часовъ. Онъ всегда милостиво со мною разговаривалъ о разныхъ предметахъ и всегда оставался мною доволенъ; обнадеживалъ, что губернаторъ скоро утвердитъ за мною мѣсто. Наконецъ въ одинъ день поздра-

вилъ меня съ должностію, и далъ записку, по коей я долженъ былъ явиться къ городничему, вступить въ должность, и что надлежащая бумага будетъ прислана послѣ.

Городничій, прочтя принесенную мною записку, крѣпко поморщился и началъ въ полголоса говорить съ стоящими около него полицейскими чиновниками. Иной, слышно было, говорилъ: «видите, онъ изъ военныхъ, стало быть губернаторскій шпіонъ.» Другіе догадывались, что когда я опредѣленъ по старанію совѣтника, слѣдовательно отысканный имъ; «слѣдовательно, онъ все будетъ знать, что происходитъ у насъ; онъ будетъ знать и губернаторъ узнаетъ, слѣдовательно все намъ плохо.» Потолковавъ довольно, городничій написалъ записку и поручилъ мнѣ отдать ее на съѣзжей частному такой-то части.

Отыскалъ я и частнаго. Тотъ прочиталъ записку, поморщился еще болѣе, нежели городничій, и приказалъ мнѣ сѣсть за присутственный столъ. Я сѣлъ. Не подаютъ мнѣ никакихъ бумагъ подписывать, не спрашиваютъ ни о чемъ; такъ сидѣлъ я на должности битыхъ два часа, наконецъ рѣшился заговорить съ частнымъ и спросилъ, что мнѣ должно дѣлать? «Сидѣть и молчать, пока вспомнятъ объ васъ», прикрикнулъ онъ на меня, и, вышедши въ другую комнату, ворчалъ съ писцами: «Эка досада, пропади ихъ голова! Только-что выписалъ братишку и хотѣлъ выхлопотать ему это мѣстишко, такъ вотъ нелегкая навязала эту гарнизонную крысу (онъ и не понималъ, что на мнѣ былъ мундиръ армейскій, а не гарнизонный). Провались онъ! Право, ей Богу, житья нѣтъ!»

Досидѣвъ до двенадцатаго часа, частный сказалъ: «Пора домой, идите.»

Я-себѣ всталъ и пошелъ. При выходѣ, десятскій сказалъ мнѣ: «Пожалуйте, ваше благородіе, я васъ проведу на квартиру, что отъ полиціи дается.» Мое благородіе

шло очень важно на квартиру, назначенную отъ города. Стало быть, я нѣчто?

Квартира мнѣ понравилась, а особливо, когда узналъ я, что къ ней приписано еще нѣсколько для отопки, освѣщенія и содержанія его благородія. Замѣтивъ мое удовольствіе, десятскій сказалъ мнѣ: «Конечно, вамъ уже не то, что частному, а тому не то, что городничему. Извѣстно, квартальная птица послѣдняя въ губернской колесницѣ спица; изъ мази ей развѣ былинки перепадуть, но все можно прожить. Не тужите пока, ваше благородіе!»

Однако жъ, не смотря на его предваренія, что квартальный ничтоженъ противъ другихъ членовъ полиціи, я нашелъ свою квартиру довольно порядочною: двѣ комнаты съ пристойною мебелью, а въ добавокъ представленъ мнѣ былъ обѣдъ, конечно офицерскій; но надобно разсудить, что его поставляли люди противъ воли и не имѣя къ тому никакой обязанности.

Послѣ обѣда уснувъ себѣ препорядочно, я проснулся къ вечеру и не имѣя чѣмъ заняться, лежалъ въ постели и разсуждалъ, что теперешняя должность моя чудесная! Войди въ присутствіе, сиди-себѣ ничего не дѣлая, и если не хочешь, то и не говори ни съ кѣмъ. Въ полдень приди домой — обѣдъ, о которомъ ты не заботишься, готовъ; послѣ обѣда лежи да полеживай; въ комнатѣ тепло, придетъ треть, получай жалованьице... прелесть! Да такой службы я ни за что не брошу. Прочь честолюбіе! Что чины, что мѣста, что людское уваженіе? Суэта суеть. Здѣсь я сытъ, покоенъ, взысканій и отвѣтственности ни за что не бойся, потому что ничего не дѣлаешь. Философски разсуждая, изъ-за этаго что еще нужно человѣку? Именно ничего.

Такъ я рассчитывалъ по неопытности моей.

Утро другого дня началось также хорошо. Из мяснаго ряду принесъ мнѣ работникъ большую пропорцію отличной говядины. «На что это?» спросилъ я.

— Сегодня моего хозяина очередь, отвѣчалъ работникъ: прикажите принять. —

«Да на что это? Зачѣмъ такъ много для одного меня?»

— Вашему благородію больше нашего извѣстно — и съ симъ словомъ ушелъ.

Только лишь я хотѣлъ снести всю говядину къ хозяину, какъ вошелъ какой-то сертучникъ, и безъ дальнихъ церемоній сѣвъ, спросилъ:

«Вы квартальный Столбиковъ?»

— Я; что вамъ надобно? —

«Ну, такъ и хорошо. Я вашъ письмоводитель. Вы уже вступили въ должность?»

— Еще вчера вступилъ. —

«Что же вы вчера сдѣлали, а?»

— Вчера какъ сѣлъ на должность, да и сидѣлъ-себѣ не говоря ни слова, и не подписалъ ничего. А послѣ обѣда отдыхалъ. Теперь же собираюсь итти въ сѣзжую. —

«Фить-фить! засвисталъ мой письмоводитель безъ всякаго ко мнѣ уваженія: вы, стало быть, совсѣмъ неучъ! Какъ же итти къ должности, не зная первыхъ основаній ея? Пойдемъ-те же скорѣе отправлять обязанность свою. Полицейскому офицеру ни днемъ, ни ночью нѣтъ ни покоя, ни отдыха; онъ долженъ дѣйствовать безпрестанно.»

Я полагалъ, что мы пойдемъ въ сѣзжую, къ должности, но напротивъ, письмоводитель мой сказалъ, что надобно обойти весь кварталъ, заходя изъ одного двора въ другой. Причемъ онъ затверживалъ мнѣ, что долженъ былъ я въ какомъ домѣ говорить и какъ дѣйствовать; считая же это все обязанностью хранителя всеобщей тишины и порядка, я началъ съ твердостью.

Вошедши въ первый дворъ, я замѣтилъ хозяину *НВ.* купцу, что онъ напрасно заготовилъ матеріалы перекрывать свои кладовыя, потому что есть предписаніе разбить этотъ кварталъ по плану, и по моему взгляду судить можно, что большая часть двора отойдетъ на улицу. Долго въ изумленіи смотрѣлъ на меня хозяинъ; а я, повторивъ все по наставленію писмоводителя, не зналъ, какъ продолжать. Наконецъ онъ посмотрѣлъ на писмоводителя, а тотъ, кивнувъ ему головою, сказалъ: «разумѣется.» Послѣ того хозяинъ всунулъ мнѣ въ руку три цѣлковыхъ и что-то писмоводителю; откланиваясь, сказалъ: «благополучнаго успѣха далѣе» — и мы пошли далѣе.

Въ сосѣднемъ дворѣ я потребовалъ отъ хозяина на смотръ всѣхъ живущихъ при немъ людей и письменные ихъ на прожительство виды. Хозяинъ опять переглянулся съ писмоводителемъ, предложилъ мнѣ «въ знакъ дружбы красную бумажку.» Взято — и мы пошли далѣе.

Торгующему виномъ хозяину я объявилъ, что на него есть жалоба, что онъ мѣшаетъ въ вино вредныя вещества и потому должно пересвидѣтельствовать всѣ его бочки. Хозяинъ божился и клялся, что у него самое цѣльное вино, получаемое имъ прямо изъ Англіи, и для удостовѣренія тутъ же, при насъ, отправилъ ко мнѣ на квартиру по нѣскольку бутылокъ разныхъ винъ. И мы, разставшись по-пріятельски, пошли далѣе.

Такимъ и лучшимъ того образомъ переходя изъ дома въ домъ, мы пожинали плоды за бдѣніе въ сохраненіи всеобщаго устройства и порядка. Провизію, предлагаемую намъ натурою, мы отсылали на мою квартиру, а деньги я пряталъ въ свои карманы. Писмоводитель также не упускалъ своего.

Отъ торгующаго сукномъ отпущено мнѣ было на полную мундирную пару сукна; портной обязался сшить

черезъ сутки, безо всего, лишь бы я не пересматривалъ билетовъ рабочихъ; у сапожника взяты сапоги на разсмотрѣніе по возникшему сомнѣнію, не изъ гнилаго ли они товара. Такимъ образомъ я обэкипировался съ ногъ до головы, кромѣ полученнаго всего въ значительномъ количествѣ. Я не жалѣлъ, что должность моя «не казиста, за то серебряста», рассуждалъ я, вынимая, по приходѣ въ квартиру, изъ всѣхъ кармановъ деньги: цѣлковые ставилъ кучками по порядку, а ассигнаціи укладывалъ подъ спудъ, въ шкапку. Письмоводитель тутъ же отсчиталъ изъ моихъ денегъ нѣсколько, сказавъ, что это необходимо внести «въ кружку», такъ-де установлено. Я не понималъ этого порядка, но и не спорилъ и не жалѣлъ о взятомъ, зная, что завтрашній день вознаградитъ выбывшее.

«Вотъ какъ надобно служить, Петръ Степановичъ. Понимаете ли теперь свою должность?» спросилъ у меня письмоводитель.

— Все это хорошо и мнѣ нравится, отвѣчалъ я: но такое «управленіе» должно быть для жителей крайне обидно. —

«Вовсе ничего. Они къ тому привыкли. Не взяли бы вы, взялъ другой, не какъ вы, что брали только то, что вамъ давали; другой требовалъ бы столько, сколько бы ему хотѣлось. Вы же еще не привыкли, и какъ я васъ прозрѣлъ, вы смиренная душа! Для жителей же это вовсе ничего: они народъ торговый, и подарки, ими подносимые, раскладываютъ на товаръ, и всѣ довольны. Теперь ступайте въ сѣзжую, надобно и тамъ побывать.»

При входѣ моемъ въ сѣзжую, частный смотрѣлъ на меня дружественнѣе; я засталъ у него письмоводителя моего, вносившаго «въ кружку», сумму отъ меня полученную. По приходѣ моемъ въ полицію, частный рекомендовалъ меня городничему и примолвилъ: «это лихой товарищъ!»

Городничій же, поморщась, сказалъ: «Оно бы и таво... да вотъ, губернаторъ требуетъ къ себѣ безсмѣннаго, изъ надежныхъ, квартальнаго. Такъ кого же намъ лучше отрядить, примолвилъ онъ улыбаясь зло, какъ не рекомендованнаго господиномъ совѣтникомъ? Завтра, Столбиковъ, явись къ его превосходительству и вступи въ должность. Намъ безъ тебя просторнѣе будетъ... хе-хе-хе-хе?»

И такъ ясно было, что меня оттерли отъ полиціи изъ подозрѣнія, что я подосланъ совѣтникомъ быть со стороны его шпіономъ и доносить ему, что будетъ замѣчательнаго.

Сначала новое назначеніе мнѣ не нравилось: прослужа при полиціи нѣсколько лѣтъ и «набивъ руку», я скоро бы пріобрѣлъ столько, что могъ бы жить счастливо; но разсудивъ, что сдѣлавшись извѣстнымъ губернатору, я найду въ немъ защитника и покровителя противъ утѣсненій опекуна моего, былъ спокоенъ и нетерпѣливо ожидалъ слѣдующаго дня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О ТОМЪ, ЧТО Я ВИДѢЛЪ, СЛУЖА ПРИ ГУБЕРНАТОРѢ.

Утромъ рано принесенъ былъ заказанный мною вчера мундиръ, и я, вырядясь въ него щегольски, явился къ губернатору въ слѣдующихъ словахъ: «арміи отставной прапорщикъ Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ, честь имѣю явиться на безсмѣнное дежурство квартальнаго, по приказанію вашего превосходительства.»

Выслушавъ все милостиво, его превосходительство изволили сказать:

«Столбиковъ? Не съ-родни ли ты тому Столбикову, что недавно былъ на слѣдствіи по препорученію намѣстника?» И говоря это, изволилъ улыбаться, осматривая меня съ головы до ногъ, конечно отъ удовольствія, видя у себя дежурнымъ такого щеголеватаго офицера.

Знавъ, что Нахомъ Ивановичъ Столбиковъ за всѣ безпорядки, при слѣдствіи имъ сдѣланные, отрѣшенъ отъ службы, я, какъ человѣкъ, знающій свѣтъ и приличія, на вопросъ губернатора отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, онъ уже не можетъ, не долженъ и не смѣетъ быть моимъ родственникомъ.» Желая же показать губернатору, что я не что-нибудь, началъ дѣлать франк-масонскіе знаки...

«Прошу оставить эти дурачества!» вскрикнулъ губернаторъ, по-губернаторски, грозно — и не смѣлъ заниматься такими глупостями.» Потомъ, походивъ по комнатѣ, изволилъ сказать: «я узнаю тебя покороче, а пока, вотъ ваша обязанность: быть здѣсь неотлучно, докладывать о имѣющихъ ко мнѣ надобность, исполнять въ точности, куда и зачѣмъ васъ пошлю. Но прошу васъ быть расторопнымъ, чего — судя по началу — не предвижу; я васъ скоро высмотрю. Обѣдать всегда за моимъ столомъ.»

И вотъ я вступилъ въ отправленіе моей должности и исполнялъ ее со всѣмъ усердіемъ, даже и за обѣдомъ, до того, что удостоился обратить вниманіе супруги моего начальника. Онѣ, глядя на мой аппетитъ и проворство въ очищеніи тарелокъ, изволили смѣяться и шутить надо мною.

Столъ у губернатора изобильный и превосходно вкусный.

Была суббота, и губернаторъ, послѣ полуденнаго отдыха, предъ вечеромъ, прохаживался съ супругою по той комнатѣ, гдѣ я дежурилъ. Поговоря о своемъ, губернаторъ приказывалъ мнѣ немедленно ѣхать и пригласить

на завтрашній день къ обѣду: председателя верхняго земскаго суда гражданскаго департамента и двухъ такихъ-то засѣдателей уголовного департамента, младшаго совѣтника уголовной палаты, прокурора верхней расправы и здѣшняго уѣзднаго предводителя.

«Я не понимаю, сказала губернаторша, что у тебя за расчетъ звать по одиначкѣ и по выбору: инаго позовешь два раза на недѣлю, а объ иномъ и въ мѣсяць не вспомнишь. По моему бы, ужъ когда звать, такъ звать всѣхъ, въ одинъ разъ угостить—и опять до случая.»

— На это у меня свой расчетъ, отвѣчалъ онъ: я, какъ начальникъ губерніи, долженъ всѣхъ и каждаго изъ моихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ знать не только по имени, наружному виду, но и судить о понятіяхъ и способностяхъ каждаго изъ нихъ! Чтобы вывести безошибочное заключеніе о способностяхъ ихъ, я долженъ вникать въ образъ мыслей, родъ жизни, въ нравственность ихъ. А для того, чтобы знать каждаго въ такомъ совершенствѣ, я приглашаю ихъ къ себѣ не по службѣ—тутъ я и онъ связываемся; но приглашаю, какъ гостей, побесѣдовать со мною. Въ большомъ и общемъ собраніи я, по отвлеченію, не могу ни о комъ сдѣлать точнаго заключенія; въ избранномъ же обществѣ, къ тому же еще изъ различныхъ характеровъ, я скорѣе и вѣрнѣе достигаю цѣли. Чрезъ это я всѣхъ моихъ подчиненныхъ знаю совершенно; и когда приходитъ время сказать предъ высшимъ начальствомъ мое мнѣніе о каждомъ чиновникѣ и тѣмъ изречь приговоръ о немъ на всю его жизнь—о какое это важное, великое, священное дѣло! — я съ спокойнымъ духомъ, съ чистымъ сердцемъ, безъ всякаго колебанія и сомнѣнія кладу печать одобренія или отверженія — и не страшусь ни нареканія общества, ни упрековъ совѣсти. Видитъ Богъ, что я говорю о немъ свое сужденіе по собственному разумѣнію, и, приготовляясь писать отмѣтку о немъ,

не спрашиваю и не имѣю надобности спрашивать у другихъ: «каковъ онъ?» И потому за пристрастное, или по внушенію врага или пріятеля сдѣланное о немъ заключеніе, не страшусь суда Божія, и если бы Всемилоостивѣйшей моей Государынѣ угодно было меня спросить, зачѣмъ я не одобряю этого старика, въ чинахъ, всѣми уважаемаго, я сказалъ бы: «Матушка! онъ конечно чины получалъ отъ Тебя обманомъ, потому что ни судить, ни рядить не умѣетъ, безтолковъ, дѣла его нечисты—и представилъ бы ясныя доказательства — а что уважаютъ его всѣ, такъ это потому, что даетъ сытные столы. Этого же, мало извѣстнаго въ обществѣ и не занимавшаго значительныхъ должностей, я рекомендую въ лучшую по губерніи должность, потому что знаю и увѣренъ въ его честности, разсудкѣ, способностяхъ, безкорыстіи. Достоинъ ли бы я былъ рѣдкой довѣренности управлять губерніею, въ коей милліоны людей, если бы я, окруживъ себя только нравящимися мнѣ людьми, отличалъ ихъ, и совѣтуясь только съ ними, велъ бы свои дѣла, выводилъ бы любимцевъ, а прочихъ важныхъ по должностямъ чиновниковъ оставлялъ бы безъ всякаго вниманія за то, что не въ характерѣ ихъ кланяться моимъ льстецамъ, упитывать моихъ блюдолизовъ, и что не нравятся своею фizioноміею мнѣ и наушникамъ моимъ. Нѣтъ! губернаторъ долженъ знать своихъ чиновниковъ непременно въ той степени, какъ я сказалъ. Притомъ сколько выгоды общей и для службы. Въ числѣ чиновниковъ легко можно предполагать нѣсколько съ слабыми характерами, ну, съ слабостями... допустимъ и порочнаго. Не ужели какой-нибудь намекъ губернатора, знающаго ихъ въ совершенствѣ, намекъ въ обществѣ или увѣщаніе въ кабинетѣ, не понудитъ слабаго укрѣпиться, порочнаго исправиться, другихъ остерегаться отъ подобнаго заключенія о немъ начальника? Если же надъ кѣмъ такое средство не подѣйствуетъ, тогда гони его безъ

жалости и выгони его изъ службы и изъ круга честныхъ людей. Благодарность отъ всѣхъ честныхъ и утѣшеніе за такой подвигъ въ сердцѣ. —

Потомъ, обратясь ко мнѣ, изволилъ приказать: — ступай же, исполняй препорученное. —

Я же, признаюсь, забылъ-было, что мнѣ препоручено; такъ заслушался и затверживалъ слова его превосходительства, предполагая, что когда буду губернаторомъ, непременно буду такъ поступать.

Губернаторъ, видя мое замѣшательство отъ забвенія, приказалъ мнѣ записать имена и должности приглашаемыхъ, и отправиться.

На другой день къ обѣду собрались приглашенные мною чиновники. Губернаторъ былъ съ ними ласковъ, привѣтливъ, даже шутливъ. Заводилъ разныя матеріи, то о погодѣ, объ урожаѣ, объ охотѣ съ собаками, о бывшей ярмаркѣ, закидывалъ рѣчь и о дѣлахъ, и обо многомъ говорилъ и выслушивалъ каждого внимательно; робкаго поддерживалъ и до тѣхъ поръ не оставлялъ его, пока не разговорилъ его до желаемой степени откровенности. Хвастливому и самонадѣянному давалъ волю и противъ него смалчивалъ. Съ нѣкоторыми поговоривъ долго, оставлялъ безъ вниманія, и даже за обѣдомъ не подчивалъ мадерою.

Проводивъ ихъ, тутъ же сказалъ женѣ: «Вотъ, другъ мой, въ небольшомъ кругу мы провели время пріятно, безъ картъ; за то сколько я извлекъ пользы для службы и губерніи! На примѣръ, этотъ молодой засѣдатель верхняго земскаго суда: онъ отличнаго ума, прекрасно образованъ, взглядъ на предметы у него самый вѣрный, понятія о чести справедливыя. Это богатое пріобрѣтеніе! Я не зналъ его въ кучѣ, а теперь поведу далѣе. Онъ скоро выйдетъ. Другая противоположность... не скажу кто; дѣло рѣшено: съ нимъ стыдно служить. Предводитель — мякушка; на все соглашается: собственнаго

сужденія вовсе не имѣеть, развѣ только о собакахъ. Вотъ, совѣтникъ для меня загадка, и я стану чаще его приглашать и самъ бывать у него въ-расплохъ. Онъ или дуракъ, или такъ скрытенъ, что не дастъ въ себѣ замѣтить ума, или хитръ, показывая себя скромнымъ умницею; пыль въ глаза пускаетъ. Я долженъ разгадать его, и успѣю въ томъ; тогда буду знать, какъ съ нимъ поступить.»

Подобные обѣды у его превосходительства бывали каждый праздникъ, и всегда любо было слушать, какъ онъ cadaго умѣлъ вывести на свѣжую воду. Напримѣръ, совѣстный судья имѣлъ свою деревню верстъ за 80. Онъ совсѣмъ не былъ хозяинъ, а очень часто отпрашивался у губернатора въ деревню, гдѣ якобы хозяйство безъ него совсѣмъ разстроивалось. Приѣзжая же въ деревню, онъ вовсе не занимался хозяйствомъ, а игралъ съ сосѣдями въ карты. Губернаторъ, пригласивъ его съ нѣкоторыми, началъ спрашивать, какимъ порядкомъ ведетъ онъ свое хозяйство и сколько получаетъ дохода? Судья, не занимавшійся этою частію, не зналъ, что отвѣчать и, напутавши всякаго вздору въ своемъ разсказѣ, всѣхъ разсмѣшилъ. Губернаторъ съ нимъ о дѣлахъ по суду — судья и тутъ ничего не могъ объяснить. Послѣ этого губернаторъ пересталъ его отпускать въ деревню, говоря: «въ хозяйствѣ вы ничего не знаете, слѣдовательно вы тамъ бесполезны; такъ не уѣзжайте отъ должности, по крайней мѣрѣ вы хоть подписывать будете безостановочно, что другіе вамъ поднесутъ.» Да такими замѣчаніями и сжилъ его съ мѣста.

Въ числѣ приглашенныхъ былъ предсѣдатель магистрата уголовного департамента. Губернаторъ провѣдалъ, что онъ съ одного купца взялъ сколько-то дюжинъ бутылокъ портеру и дѣло рѣшилъ неправильно. За обѣдомъ губернаторъ, когда начали хвалить подносимый портеръ, обратясь къ предсѣдателю, сказалъ: «у васъ

надобно спросить, хорошъ ли портёръ. Вы его любите.» Слова пустыя; но заставили предсѣдателя до того смѣшаться, что онъ съ трудомъ усидѣлъ на стулѣ, тѣмъ болѣе, что онъ и всѣ присутствующіе знали, что губернаторъ с проста слова не скажетъ и что это слово разнесется по всей губерніи.

Вотъ какъ цѣнятся слова губернаторскія и какой они имѣютъ вѣсъ и вліяніе на судьбу человѣка! Зная же, что каждому губернатору должно взвѣшивать и пересуживать всякое слово, которое хочеть сказать въ обществѣ, я неохотно пошелъ бывъ губернаторы.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ МОЕ ДѢЛО ПРИШЛО ВЪ ДВИЖЕНІЕ КЪ ПОЛЬЗѢ МОЕЙ.

Я проходилъ службу мою съ удовольствіемъ. Губернаторъ, или правитель губерніи, видѣлъ мое стараніе быть исправнымъ, и обходился со мною милостиво. Впрочемъ у него никому не было поблажки: кто былъ виноватъ, да еще съ намѣреніемъ, и зло дѣлалъ умышленно, тотъ не получалъ никакой пощады; а гдѣ преступленіе и упущеніе встрѣчалъ непроизвольное, отъ недоразумѣнія или непонятія, тутъ виновному мылъ голову и наставлялъ какъ отецъ. Даже и мнѣ не спускалъ. При одномъ приглашеніи къ обѣду я позабылъ о совѣстномъ судѣ, недавно вступившемъ въ должность, и не позвалъ его вопреки данному мнѣ приказанію. Губернаторъ, не видя судьи между гостями и узнавъ, что это моя вина, крѣпко осердился и выговаривалъ мнѣ, а потомъ сказалъ: «кто чего не имѣетъ, тотъ о томъ и не помнитъ; у тебя, Столбиковъ, совѣсти

видно нѣтъ, такъ ты и не помнишь о совѣстномъ судѣ и оставилъ его безъ вниманія. Это очень непохвально.» Иногда въ сердцахъ изволить, бывало, и не такую двусмысленность сказать, а отнесетъ прямо къ моей—якобы—глупости; но пріятно было находиться при немъ, потому что хотя иногда и погоняетъ, но потомъ въ утѣшеніе приласкаетъ благосклоннымъ словомъ.

Въ одинъ день я съ губернаторомъ разбиралъ почту, то есть: онъ распечатывалъ и читалъ, а я подбиралъ бросаемые имъ конверты и складывалъ въ уголь. Губернаторъ, прочитавъ одну бумагу, призадумался и, сказавъ про себя: «Столбиковъ!» потомъ спросилъ меня: «не родня ли тебѣ этотъ ужасный Столбиковъ?»

— Какой, ваше превосходительство? —

«А вотъ, который былъ въ опеку: онъ ушелъ изъ полка, въѣхалъ самовольно въ имѣніе, взбунтовалъ мужиковъ и вооруженною рукой выгналъ опекуна и чуть не закололъ его, захватилъ даже всю собственность его; въ короткое время, пока его успѣли схватить, онъ успѣлъ промотать всѣ захваченныя деньги и бѣжалъ отъ суда. Ты не родня ли его и не знаешь ли о немъ чего?»

— Знаю, ваше превосходительство. Это я самой тотъ и есть. —

«Какъ-такъ?» вскричалъ губернаторъ, и даже вскочилъ съ кресла.

— Такъ, ваше превосходительство, это точно я, и все это сдѣлалъ, да не такъ, какъ вамъ донесено. —

Тутъ-то губернаторъ, оставивши дѣла, началъ спрашивать меня обо всемъ подробно, и я рассказалъ всѣ происшествія съ должнымъ чистосердечіемъ.

Губернаторъ слушалъ меня не какъ мой роденька Пахомъ Ивановичъ, но съ большимъ вниманіемъ, и принималъ живое участіе: то блѣднѣлъ и трясся, то даже вскрикивалъ; а дѣтство мое—видно я краснорѣчиво раз-

сказывалъ—до того тронуло его, что у него на глазахъ даже слезы были.

Только лишь я кончилъ свой рассказъ, какъ губернаторша, потерявъ терпѣніе ждать насъ къ столу, сама вошла звать насъ. Тутъ губернаторъ принялся по-Французски говорить что-то женѣ своей и, какъ видно, про меня, потому что указывалъ на меня; а она взглядывала также на меня и изъясляла удивленіе, ужасъ и сожалѣніе, приговаривая иногда: «Ахъ, мой Дѣё!»

Обѣдъ нашъ скоро кончился. Губернаторъ почти ни за что не принимался, все говоря съ женою по-Французски или спрашивая меня о всѣхъ подробностяхъ жизни моей и гоненій отъ опекуна.

Послѣ обѣда началась суматоха. Созваны секретари верхняго земскаго суда и гражданской палаты; принесли большія кипы бумагъ; читали, перечитывали и заглядывали во многія, собранныя туда же книги. Наконецъ послали за предсѣдателями тѣхъ же мѣстъ. Верхняго земскаго суда предсѣдатель сказался больнымъ, а палатскій пріѣхалъ. Долго говорили, губернаторъ съ предсѣдателемъ спорили; пригласили губернскаго прокурора, опять спорили, перечитывали дѣла и книги. Наконецъ губернаторъ сказалъ: «вы правы; все подведено противъ него и безъ сената вамъ нельзя уже ничего дѣлать.» И всѣ на томъ согласились.

Губернаторъ, призвавъ меня, сказалъ: «Столбиковъ! ты чистъ и правъ во всемъ. Ты даже не бѣжалъ изъ службы: вотъ твоя отставка, сегодня тебѣ присланная изъ Военной Коллегіи, и по ней-то я началъ тебя спрашивать и узналъ истину. Ты чрезвычайно богатъ, но раззоренъ ужасно, и взведены на тебя такія бѣды, за которыя неминуемо долженъ былъ бы пострадать, если бы все это была правда; впрочемъ ужасный твой опекунъ такъ все уладилъ, столькими свидѣтельствами и справками—которыя хотя всѣ и мошенническія, но нигдѣ

еще не опровержены — подтвердилъ и доказалъ свою клевету, что требуетъ сильнаго противодѣйствія. Поспѣши — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше — сыскать благонадежнаго повѣреннаго; я берусь тебѣ также помогать.

Я много благодарилъ губернатора за его участіе, и на томъ въ тотъ вечеръ и кончилось.

Надобно же было счастьемъ такъ мнѣ благопріятствовать, что на другой послѣ того день въ числѣ имѣющихъ надобность къ губернатору явился и тотъ повѣренный, который служилъ прежде моему опекуну, а наконецъ отсталъ отъ него и уговорилъ меня подать первоначальную просьбу объ уничтоженіи надъ имѣніемъ моимъ опеки, но, взявшись дѣйствовать, оставилъ меня и не подавалъ никакой о себѣ вѣсти.

Внеся его въ записку, какъ еще время не настало допускать просителей къ губернатору, я, отведя его особо, началъ расспрашивать, гдѣ онъ въ это время былъ; пенялъ, что не помогалъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ, и спрашивалъ у него, не слыхалъ ли онъ чего о моемъ дѣлѣ?

Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: опекунъ, узнавши, что этотъ повѣренный былъ главною причиною возстанія моего противъ него, дабы не допустить его помогать мнѣ и поддерживать своими совѣтами, употребилъ всѣ средства помѣшать ему въ томъ; и въ то же самое утро, когда я началъ дѣйствовать, опекунъ нашелъ возможность удалить и его изъ города. Повѣренный послѣ узналъ, что сдѣлалъ со мною Макаръ Тимоѣевичъ, въ качествѣ четырехъ своихъ должностей, вмѣстѣ отправляемыхъ: опекуна, предводителя, уѣзднаго судьи и городничаго, и удивлялся дерзости, съ какою онъ дѣйствовалъ для отправленія меня въ полкъ. При чемъ замѣтилъ, что онъ съ однимъ мною могъ такъ поступить, а съ другимъ онъ не смѣлъ бы связываться. Повѣренный, видя, что дѣло приняло запутанный оборотъ, долженъ былъ приискать себѣ другое занятіе и выѣхалъ по особому дѣлу

въ Москву. Въ Москвѣ онъ принялъ на себя ходатайство по разнымъ процессамъ, и по одному изъ нихъ, именно по дѣлу Столбиковскаго, долженъ былъ пріѣхать сюда за справками, какъ тутъ услышалъ всѣ тѣ ужасныя вещи, которыя я надѣлалъ, или которыя мнѣ опекуны приписалъ. «Обыкновенно признавая только половину справедливости, продолжалъ повѣренный, я удивлялся, откуда у васъ взялась такая удалъ? Хотѣлъ вамъ помогать, но слыша, что вы бѣжали изъ губерніи и неизвѣстно гдѣ обрѣтаетесь, сожалѣлъ о васъ и о поступкахъ вашихъ, коими вы все дѣло свое испортили.»

Потомъ на вопросы мои о Столбиковскомъ онъ разсказалъ мнѣ все подробно: когда онъ съ товарищами увидѣлъ, что я, вмѣсто молодой барышни, увезъ и благополучно доставилъ къ нему старую тетѣху, то долженъ былъ бѣжать изъ города, боясь, что если я объясню все происшедшее, тогда ему будетъ худо. Вечеромъ, прибывъ тайно въ городъ и развѣдавъ, какой оборотъ взяло дѣло, смѣло явился къ полковнику, наговорилъ на меня тѣмъ ужасныхъ дѣлъ, жалѣлъ о положеніи бѣдной дѣвицы, вмѣшанной въ эту исторію, воображалъ гнѣвъ ея родныхъ, коихъ онъ будтобы хорошо зналъ; и въ этомъ тонѣ продолжая лицемѣрствовать, умѣлъ такъ наклонить полковника, что тотъ началъ предлагать ему и даже убѣдительно упрашивать, чтобы онъ бѣдную, похищенную и теперь отвергнутую его сестрою барышню отвезъ къ роднымъ. Столбиковскій наконецъ былъ убѣжденъ, поспѣшилъ выѣхать съ нею и—вмѣсто доставленія къ роднымъ—на дорогѣ въ первомъ селеніи обвинчался съ нею. Она была сирота, но имѣла значительное состояніе, которое теперь родственники оспори-
ваютъ у нея. Столбиковскіе живутъ въ Москвѣ очень хорошо, и онъ у нихъ повѣреннымъ. Теперь, собравъ всѣ нужныя справки, онъ отправляется въ Москву и, придя къ

губернатору получить подорожную, чрезвычайно обрадовался, неожиданно увидѣвъ меня здѣсь.

Среди нашихъ разговоровъ губернаторъ вышелъ къ просителямъ. Дойдя по очереди до повѣреннаго и узнавъ о его занятіяхъ и о намѣреніи ѣхать въ Москву, онъ просилъ его обождать здѣсь для особаго съ нимъ разговора. Отпустивъ же просителей, губернаторъ обратился къ повѣренному и началъ ему предлагать, не можетъ ли онъ принять на себя ходатайства и по моему дѣлу? и тутъ же приступилъ было къ объясненію его; но повѣренный прервалъ его, сказавъ, что все это дѣло въ подробности ему болѣе всѣхъ извѣстно, потому что онъ съ самаго принятія Макаромъ Тимоѣевичемъ имѣнія въ опекунство, знаетъ всѣ его дѣянія и кому какая вещь или сумма денегъ отдана; что онъ видѣлъ, какъ содержали меня въ младенчествѣ и къ чему клонились всѣ планы опекуна. «Слѣдовательно изъ-за сего, примолвилъ повѣренный, никто не можетъ быть лучшимъ доказчикомъ противъ Макара Тимоѣевича, какъ я, и со всѣмъ усердіемъ приму на себя всѣ хлопоты, стану защищать выгоды Петра Степановича и стараться о возвращеніи принадлежащаго ему, если отъ него дана будетъ мнѣ полная довѣренность...»

— Онъ вамъ ее дастъ, сказалъ губернаторъ, и подпишетъ все. На необходимыя же по сему дѣлу издержки, пока онъ получить свое имѣніе и будетъ имѣть возможность вамъ уплатить, извольте получать отъ меня деньги изъ моего жалованья, которое употребляю на подобные предметы, и въ счетъ ихъ принять тысячу...—

Благородный, великодушный, безпримѣрный начальникъ!

Повѣренный благодарилъ за себя и болѣе за меня, но отъ денегъ отказывался: ему-де особенныхъ издержекъ

не нужно дѣлать, потому что онъ тѣмъ же людямъ платитъ изъ денегъ, данныхъ ему другими вѣрителями...

«Но, вѣдь вы повѣренный, сказалъ и я въ свою очередь; такъ пожалуйста не польститесь на большее, если Макаръ Тимоѣевичъ вамъ передастъ.»

Повѣренный смутился, а губернаторъ, улыбнувшись, посмотрѣлъ въ окно.

Послѣ этого губернаторъ съ повѣреннымъ располагали, какія бумаги должно получить изъ гражданской палаты, верхняго земскаго суда, нашего уѣзда дворянской опеки и нижняго земскаго суда; по полученіи коихъ повѣренный долженъ явиться у губернатора, взять отъ него рекомендательныя письма и вмѣстѣ со мною ѣхать въ Москву. Они нашли, что личное мое объясненіе судьямъ и опроверженіе показаній опекуна можетъ быть болѣе полезнымъ, нежели бумаги. При семъ губернаторъ примолвилъ:

«Ну, кто, увидя его (т. е. меня) и поговоря съ нимъ, повѣритъ, чтобы онъ могъ произвести все то, что взводитъ на него опекунъ?»

Я съ униженными поклонами благодарилъ губернатора за толь лестное обо мнѣ мнѣніе. По улыбкѣ его я заключилъ, что онъ мною доволенъ.

И на этомъ мы съ повѣреннымъ разстались.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОБѢДЪ, БЫВШІЙ У ГУБЕРНАТОРА.

Послѣ бывшаго при Дворѣ торжества въ нашемъ намѣстничествѣ ожидали награды. Поручикъ правителя

или, какъ обыкновенно его называли, вице губернаторъ ожидалъ Владимірскаго креста въ петлицу; председатели палатъ и другихъ мѣстъ ожидали, кто чиновъ, кто почетныхъ табакерокъ; совѣтники и ассесоры палатъ, губернской и прочіе прокуроры и ихъ стряпчіе — слѣдующихъ чиновъ; заслуженный директоръ экономіи — трехъ сотъ душъ крестьянъ; словомъ, всѣ были въ пріятномъ ожиданіи. Уже первый почтовый день долженъ былъ осуществить всѣ надежды.

Наканунъ этого роковаго дня, какъ теперь помню, втораго-надесять Іюля, губернаторъ, окончивъ свои занятія, вечеромъ ходилъ съ супругою по залѣ; я стоялъ по обыкновенію у дверей и слушалъ ихъ разговоръ.

Между прочимъ губернаторша увѣряла мужа своего, что въ намѣстничествѣ всѣ до единого любятъ его, чрезвычайно довольны его управленіемъ, и что всѣ вообще негодуютъ на разнесшуюся молву, что будто бы его скоро отставятъ. Надобно знать, что молва эта точно носилась, и ее поддерживалъ совѣтникъ, не ладившій съ губернаторомъ. Онъ почти всѣмъ за тайну открывалъ, что послалъ на губернатора ужасный доносъ и — прибавлялъ онъ съ самонадѣянностію — «одинъ изъ насъ падетъ; можетъ быть, и я.»

Губернаторъ возражалъ женѣ своей, что это говорятъ отъ того, что видятъ его на мѣстѣ; «а получи я, говоритъ онъ, отставку, какъ предсказываютъ, и что очень можетъ случиться, потому что должность губернатора такъ многосложна, что, бывъ исправнымъ во всѣхъ частяхъ, въ одной изъ нихъ можно ужасно прослужиться; тогда, мой другъ, увидишь сама, какъ начнутъ со мной обращаться и что про меня мнѣ же въ глаза заговораютъ.»

Губернаторша увѣряла, что ей стряпчиха и ассесорша уголовной палаты божились, что вся губернія ужасно его любитъ и всѣ ему преданы. Уѣздная казначейша ручалась также за всѣхъ, что...

Въ эту минуту вошелъ губернской почтмейстеръ и подалъ губернатору партикулярное письмо, сказавъ, что сейчасъ изъ Петербурга съ эстафетой получено.

Губернаторъ, прочитавъ, ужасно перемѣнился въ лицѣ, потеръ себѣ лобъ рукою, поблагодарилъ почтмейстера и отпустилъ его. Потомъ ходилъ по комнатамъ все задумавшись; жена стояла у окна, примѣчала за каждымъ его движеніемъ и боялась помѣшать ему думать.

«Столбиковъ! сказалъ онъ мнѣ вдругъ, останавливаясь: ступай ко всѣмъ безъ изъятія чиновникамъ въ городѣ и проси всѣхъ ихъ пожаловать ко мнѣ завтра обѣдать. Возьми списокъ и по немъ, не пропуская никого, всѣхъ проси.»

Жена подступила къ нему и сказала: — къ чему это, другъ мой? Приглашая всѣхъ, надобно угостить прилично, а я вовсе не приготавливалась...

«И не безпокойся ни о чемъ, сказалъ онъ ей; я тебѣ все расскажу. Ступай же, Столбиковъ! и спѣши обѣхать всѣхъ; уже поздно, а чиновниковъ много. Смотри, не прозѣвай кого по обычаю.»

Я, схвативъ списокъ, полетѣлъ по всѣмъ домамъ. Каждый приглашаемый удивлялся, что у губернатора обѣдъ въ простой день, когда нѣтъ ни праздника, ни торжества. Многіе догадывались, что какъ завтра почтовый день и губернаторъ надѣется получить ленту, такъ видно расположенъ тутъ же и отпраздновать. Злой же на губернатора совѣтникъ примолвилъ: «да долго ли ему еще пиры задавать?» Впрочемъ всѣ безъ исключенія объявили, что «будутъ».

Утромъ я видѣлъ губернаторшу; она была въ самомъ веселомъ духѣ, ходила вездѣ проворно и, подходя часто къ мужу, пеняла ему, что онъ такъ мраченъ, когда надобно веселиться. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ необыкновенно смущенъ, и на всѣ ласки и вызовы жены его къ веселью отвѣчалъ: «Твоя веселость извинительна.

Ты женщина и жена. Васъ все подобное восхищаетъ. Но мнѣ очень тяжело...»

Изъ всего этого я выводилъ свое заключеніе: конечно-дискать его оставили противъ воли и по клеветѣ совѣтника. Онъ огорчается, а жена веселится, что поѣдетъ или въ деревню или въ Петербургъ. Мое же дѣло останется уже безъ всякаго движенія.

Приходить обѣденное время. Слуги суетятся, убираютъ большой столъ лучшими приборами и, какъ обыкновенно бываетъ, пересуживаютъ господъ. «Что это они затѣяли? говорить одинъ другому: экой пропастной столъ, на 80 кувертовъ, а вѣдь на кухнѣ-то всего на-все готовить на восемь персонъ. Сама барыня, посовѣтовавшись съ бариномъ, такъ повару приказала. Спрашивай толку! Вотъ такъ-то они и во всемъ.»

Вдругъ губернаторъ, призвавъ меня, сказалъ: «ступай къ почтмейстеру и скажи: когда придетъ почта, такъ чтобъ не раздавали никому, а привезли всѣ письма къ чиновникамъ сюда... но я лучше напишу къ нему, иначе ты все, по обычаю, перепутаешь.» Написавши записку, отдалъ мнѣ, и я отвезъ ее къ почтмейстеру. Тотъ, прочитавши, пожалъ плечами и сказалъ: «доложите его превосходительству, что все въ точности будетъ исполнено. Чудно! примолвилъ онъ: я ровно ничего здѣсь не понимаю!»

— А я ровно все понимаю, подумалъ я, выходя изъ почтовой конторы. Какъ на тарелкѣ видно, что губернатора отрѣшили, и онъ хочетъ, угостивши всѣхъ въ послѣдній разъ, откланяться и уѣхать въ деревню.

Начали гости съѣзжаться. Губернаторъ не выходитъ. Чиновники одинъ съ другимъ шушу-шушу. Слышны слова: «отставлень, что-ли?» — А вотъ узнаемъ. — Иные подходятъ ко мнѣ, какъ къ самому ближайшему чиновнику, и съ улыбкою спрашиваютъ: «какую ленту получилъ губернаторъ?» — Не знаю-съ. — «Какой чинъ дали

губернатору, военный или статскій?» — Незнаю-съ — и вздохну отъ огорченія, что, еще ничего не видя, а уже прежде кланявшіеся и въ глаза раболѣпствовавшіе губернатору начинаютъ насмѣхаться надъ невзгодьемъ его; и вспомнилъ при этомъ презамысловатую картину, видѣнную мною въ домѣ городничаго: изъ людей въ различныхъ положеніяхъ составлены литеры, а изъ тѣхъ литеръ сведены слова и вышла надпись: «таковъ нынѣ свѣтъ.»

Совѣтникъ, недовольный губернаторомъ, подошелъ къ ассесору уголовной палаты и сказалъ: «Вѣдь чужарится, обѣды даетъ, а вотъ-вотъ почта рѣшительное привезетъ. Да примѣчайте, вонъ имъ взысканный чиновникъ (указывая на меня); видите, какъ печаленъ: тотъ все знаетъ.» Ассесоръ съ важностью отвѣчалъ: — Да... конечно. —

Въ другой сторонѣ залы директоръ экономіи подошелъ къ вице-губернатору и сказалъ: «Только помѣшали нашему предположенію. А стерляди-то! животрепещущія, а?» А тотъ ему отвѣчалъ: — что же дѣлать! Противъ воли и противъ чувствъ надобно поклоняться пока... — Въ отвѣтъ ему и тотъ сказалъ: «пока», и, пожавъ другъ другу руки, разошлись.

Какъ вошелъ губернаторъ скромно, за-просто, во фракъ. Всѣ зашаркали, закланялись... ближайшіе начали освѣдомляться о здоровьѣ его превосходительства; а его превосходительство, не показывая никакого смущенія, началъ разговаривать съ предстоящими, и видно на обыкновенный свой ладъ, потому что замѣтно было у нѣкоторыхъ смущеніе при его вопросахъ.

Къ ссорящемуся съ нимъ совѣтнику губернаторъ подошелъ и съ улыбочкою спросилъ: «Не безпокойно ли было вамъ въ пути и не тяготило ли васъ что при возвращеніи?»

Надобно знать, что этотъ совѣтникъ былъ откомандированъ осмотрѣть главныя дороги въ намѣстничествѣ, и слышно, что онъ при сей вѣрной оказіи, съ кого можно было, бралъ все, что подъ руку попало, и будто, возвращаясь, цѣлыя фуры привезъ съ собою. Еще въ то утро губернаторъ получилъ кой-какія о томъ свѣдѣнія.

— Ничуть, ваше превосходительство! отвѣчалъ совѣтникъ свободно; я не тяготился этимъ порученіемъ и съ большимъ удовольствіемъ воротился. —

«Но вы проѣхали губернію еще только въ одной сторонѣ, а если бы кончили осмотръ вездѣ, конечно больше бы удовольствія получили.» Такъ сказалъ ему губернаторъ, и слово «получили» произнесъ значительно.

Но совѣтникъ не смѣшался, а почти съ дерзостью поспѣшилъ ему отвѣчать:— Другую сторону я осмотрю, когда буду провожать *изъ губерніи* (и отличилъ эти слова тѣмъ же тономъ, какъ и губернаторъ слово *получили*) кого поважнѣе. —

Губернаторъ, сказавъ ему: «къ чему такое безпокойство?» отошелъ къ другимъ.

Вице-губернаторъ подошелъ къ совѣтнику, пожалъ ему руку и сказалъ: «браво!»

Продолжая занимать гостей своихъ такимъ образомъ, губернаторъ все поглядывалъ на двери, какъ вотъ вошелъ почтмейстеръ и подалъ ему конвертъ. Губернаторъ принялъ спокойно и еще съ усмѣшкою сказалъ: «Вотъ и почта. Не будетъ ли какихъ новостей?» Всеобщее вниманіе обратилось на губернатора, безъ всякаго движенія читавшаго бумагу. Вскорѣ онъ, обратясь ко всѣмъ предстоящимъ, сказалъ: «Ну, господа! должно вамъ объявить: я уже у васъ не губернаторъ!...»

Надобно было имѣть, подобно Аргусу, сто глазъ, чтобы замѣтить фізіономіи всѣхъ осьмидесяти человѣкъ, вдругъ измѣнившіяся при этомъ объявленіи! Иной по-

раженъ истинною горестію; у инаго радость просіяла на лицѣ, у другаго коварная, злобная улыбка; иной еще отъ радости не вѣрилъ и, поглядывая на всѣхъ, какъ будто требовалъ подтвержденія. Вице-губернаторъ съ ужимкою началъ кланяться; одинъ изъ предсѣдателей задрожалъ и холодный потъ выступилъ у него на лицѣ; совѣтникъ-противникъ даже щелкнулъ пальцами отъ восторга... всѣхъ и не перепишешь. Я самъ невольно воскликнулъ: «вотъ тебѣ и разъ!» Мнѣ стало грустно, тяжело, досадно, больно, и я согласился бы лучше, чтобы меня кто прибилъ, лишь бы это не случилось... О дѣлѣ моемъ мнѣ и на умъ не приходило, но было грустно, что такому отличному губернатору не дали возможности продолжать исправлять губернію. Я даже всплакнулъ немного.

Губернаторъ стоялъ посреди общества и, поглядывая на всѣхъ, молчалъ, ожидая отъ кого либо утѣшительнаго слова. Всѣ молчали, переглядывались между собою, а иные стояли потупивъ голову, какъ оглушенные.

Губернаторъ потомъ сказалъ: «меня это такъ поразило, что я прошу у васъ позволенія оставить васъ на короткое время. Я буду къ вамъ сейчасъ.» Сказавъ это, онъ пошелъ въ свои комнаты.

Тутъ опять представилась новая декорація. Нѣкоторые изъ поникшихъ отъ печали распрямились, физиономіи ихъ просвѣтлѣли и радостная улыбка ознаменовалась ясно; слышалось шушуканье, полу-слова, взрывъ смѣха... и вдругъ все повалило къ выходу.

Вице-губернаторъ, схватя за руку директора экономіи, сказалъ: «Къ чему уже унижаться? Роль отыграна. Поѣдемъ къ откупщику обѣдать.» И директоръ экономіи, сказавъ:—Да; у него стерляди поважнѣе отставнаго губернатора—похромалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Я обогналъ всѣхъ и стоялъ въ передней, слушая, что говорили уходящіе. Одинъ спрашивалъ: «Куда

же мы это идемъ?» — Разумѣется, искать обѣда свободнѣе — отвѣчали голоса. «Прилично ли, господа? вѣдь мы званы.» — Такъ что же; не ужели намъ оставаться и слушать его заунывныя пѣсни?... Прошло идолопоклонство! — Тамъ раздавался голосъ: «Эй, господа! вспомните старую хлѣбъ-соль. У него всегда обѣды славныя и вина вдоволь. Живое оставляете, а мертваго ищете.» — Здравствующій откупщикъ лучше всякаго губернатора. Откупщикъ звалъ казенную палату, достанетъ и на верхнюю расправу — отвѣчали другіе, и каждый, каждый уходилъ съ какимъ-либо колкимъ замѣчаніемъ. Совѣтникъ же, ссорившійся съ губернаторомъ, торжествовалъ болѣе всѣхъ. Онъ уже безъ всякаго зазрѣнія говорилъ, что это онъ ссадилъ его превосходительство; что благодарные чиновники должны ему воздвигнуть монументъ за освобожденіе губерніи отъ такого губернатора; что теперь-то онъ его прижметъ и потребуетъ, чтобы его превосходительство сего же дня очистилъ казенный домъ — и много тому подобнаго говорили уходящіе.

Съ большою грустью я вошелъ въ опустѣвшую залу. Въ ней только и остались: губернской предводитель, председатели обѣихъ палатъ и уголовного департамента верхняго земскаго суда, совѣстный судья, засѣдатель, о которомъ губернаторъ такъ много говорилъ, одинъ совѣтникъ палаты и два или три ассессора, также палатскихъ.

Развалины бывшаго многочисленнаго собранія являли жалкій видъ. Каждый изъ оставшихся стоялъ особо, погруженный въ горестныя мысли.... вдругъ дверь открылась... вошелъ отставной губернаторъ и уже въ полномъ мундирѣ. Кажется никто, кромѣ меня, не замѣтилъ, что у него шитье на мундирѣ уже было не генераль-майорское, а генераль-поруческое. Войдя въ залу и окинувъ ее глазами, онъ, при важномъ своемъ видѣ, не

могъ удержаться и, захохотавъ, сказалъ: «Ахъ, какъ я отгадалъ!»

Губернскій предводитель скоро подошелъ къ нему и началъ говорить что-то очень хорошо: что кромѣ того, какъ онъ былъ полезенъ губерніи, какъ усердно очищалъ ее отъ недостойныхъ чиновниковъ и какъ удачно умѣлъ избирать достойнѣйшихъ, дворянство, вновь рожденное чрезъ дарованныя ему милости, имѣло въ немъ опытнаго руководителя, наставника въ новой для него службѣ и ревностнаго защитника правъ его; и потому изъявлялъ всеобщее сожалѣніе, что губернія лишается такого начальника...

«Погодите, погодите!» сказалъ ему губернаторъ, обнимая его: вы увидите неожиданную развязку»...

Предсѣдатель гражданской палаты подошелъ и началъ что-то говорить въ извиненіе ушедшихъ.

Губернаторъ прервалъ его и сказалъ: «Этотъ урокъ для васъ. Не забывайте никогда сегоднешняго ихъ поступка.» Потомъ, оборотясь къ уголовному предсѣдателю, сказалъ: «простите меня великодушно: я вчера предположилъ, что вы будете въ числѣ ихъ... я краснѣю отъ подобной мысли!... Но мы всегда ссорились съ вами...»

— Ваше превосходительство наставляли меня въ моей должности, и если я возражалъ вамъ, такъ для того, чтобы болѣе воспользоваться вашими совѣтами. — Такъ отвѣчалъ ему предсѣдатель, и они дружески пожали другъ другу руки.

«И совѣсть меня не оставила!» сказалъ губернаторъ совѣстному судѣ.

— Совѣсть является и безъ призыву, отвѣчалъ судья; но, бывъ призвана, тѣмъ болѣе она не должна оставлять имѣющаго въ ней надобность, хотя бы это было для одного только обѣда. Но я вижу, что вы, не боясь упрековъ совѣсти, надѣли на себя лишнее шитье, и

сгараю отъ нетерпѣнія знать скорѣе развязку. Конечно, вы не губернаторъ нашъ; вы это намъ объявили; но обрадуйте скорѣе, не больше ли вы для насъ?... —

«Такъ точно, друзья мои! сказалъ губернаторъ съ большимъ чувствомъ: служба моя удостоена Монаршаго вниманія. Я генераль-поручикъ и къ большому моему удовольствію, не разстанусь съ вами. Миѣ повелѣно въ этой области быть правящимъ должностъ намѣстника...»

Радостный крикъ заглушилъ дальнѣйшія слова его. Маленькое это общество благородныхъ людей въ полнотѣ чувствъ своихъ забыло приличія, бросилось обнимать своего начальника, облеченнаго еще въ большую власть, и искреннія слезы омочили прекрасно сшитый, богатый генераль-поруческій мундиръ...

Я также не выдержалъ и, право, ни отъ кого не научаемый, подбѣжалъ къ высокому своему начальнику, и, не смѣя обнять его, цѣловалъ въ полной радости руку его высокопревосходительства. Онъ замѣтилъ меня и — вотъ, истинно, не лгу! — извоилъ обнять меня и сказалъ: «спасибо, братъ, за усердіе! Я замѣтилъ твои искреннія слезы.»

Совѣстный судья первый началъ говорить: — Что почувствуютъ ушедшіе, когда узнаютъ!.. Противъ воли узнаютъ совѣсть... —

«Пора и ихъ вывести изъ недоумѣнія. Я получу полное удовлетвореніе, сказалъ намѣстникъ; они всѣ остановлены у подъѣзда, и вы увидите новую картину. Столбиковъ! Сойди внизъ и объяви господамъ, чтобы воротились выслушать Высочайшія повелѣнія; но не говори ни слова о бывшемъ здѣсь.»

— Слушаю, ваше высокопревосходительство! — сказалъ я по нашему, по военному, громко, бодро, отрывисто и съ полною радостію въ душѣ и сердцѣ. —

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

въ коей описываются послѣдствія
случившагося.

Сошедъ къ подъѣзду, я нашелъ тамъ страшную суматоху. Сколько господа чиновники ни требовали къ себѣ экипажей, но частный приставъ не дозволялъ въѣзжать имъ во дворъ и, приказавъ запереть ворота, объявилъ, что отъ намѣстника-де приказано не отпускать никого до особаго повелѣнія, очень скоро имѣющаго послѣдовать.

Вице-губернаторъ чухарился и кричалъ громче частнаго: «Какой намѣстникъ? онъ отсюда далеко; губернаторъ отставленъ, слѣдовательно я занимаю его мѣсто; я вамъ приказываю.»

— Слушаю-съ. Справедливо изволите говорить, со всѣмъ почтеніемъ докладывалъ частный: но отпустить васъ не могу. —

«Не думаютъ ли насъ противъ воли заставить здѣсь обѣдать?»

— Не могу знать-съ. —

«А между тѣмъ уха съ живыми стерлядьми протыиваетъ, и откупщикъ, потерявъ терпѣніе, перестанетъ насъ ожидать», вздохнувши сказалъ директоръ экономіи.

Вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ: «да что это такое? мы арестованы, что-ли? Мы рѣшительно не хотимъ обѣдать у отставнаго губернатора...»

— Который приказалъ объявить вамъ, чтобы пожаловали наверхъ для выслушанія Высочайшихъ повелѣній — сказалъ я офиціальнымъ тономъ, и заставилъ всѣхъ умолкнуть.

«Пойдемте, господа, сказалъ вице-губернаторъ; что за чудеса съ нами дѣлають?» и за нимъ, хотя съ маленькимъ ропотомъ, всѣ пошли.

«Мнѣ очень жаль, господа, что вы отказались доставить мнѣ удовольствіе провести день съ вами...» началъ-было говорить намѣстникъ, еще имъ необъявленный, какъ изъ толпы послышались голоса: — что же дѣлать! у каждого свои обязанности... — но намѣстникъ продолжалъ:

«Я долженъ былъ объявить вамъ Высочайшія повелѣнія; а какъ вы прежде времени оставили меня, то я рѣшился васъ пріостановить и просить собраться опять здѣсь. Г. вице-губернаторъ! вы даже не дождались принять отъ меня Всемилоостивѣйше пожалованный вамъ орденъ св. Владиміра четвертой степени, на который вы получили право долговременною, усердною вашею службою. Замѣьте, что въ торжество пожаловано только четырнадцать такихъ крестовъ. Пріятно мнѣ оканчивать службу въ губернаторскомъ званіи, вручая и объявляя царскія награды. Г. председатель гражданской палаты! ваша отличная служба награждена: управленію вашему ввѣряется эта губернія. Вотъ указъ, а послѣ обѣда примите отъ меня вполнѣ губернаторскую должность.»

Вице-губернаторъ, въ это время vzdѣвавшій крестъ, до того задрожалъ и смѣшался, что не зналъ, какъ и быть ему. Блѣдность въ лицѣ и большое смущеніе ясно открывали, что онъ недоволенъ былъ такимъ назначеніемъ.

Намѣстникъ продолжалъ къ новому губернатору: «Вы будете имѣть хорошаго помощника по намѣстническому правленію. Вамъ назначенъ въ совѣтники этотъ господинъ» — и подвелъ къ нему того засѣдателя, котораго всегда хвалилъ. «Онъ опредѣленъ на мѣсто совѣтника» — и указалъ на ссорившагося съ нимъ — «который

за злоупотребленія, извѣстныя правительству, за клевету, разсѣваемую имъ на начальствующія лица, отрѣшается отъ должности, и если не преданъ суду, такъ единственно изъ уваженія къ ходатайству моему. Вамъ, г. предсѣдатель уголовной палаты, въ уваженіе недостаточнаго состоянія, пожаловано сто душъ крестьянъ въ новоприсоединенной Бѣлоруссіи. Прочимъ гг. чиновникамъ, о коихъ я ходатайствовалъ, повелѣно объявить слѣдующіе чины. Пріятнѣе для меня всего то, что я не расстаюсь съ вами, и какъ вашъ генераль-губернаторъ...»

Онъ силился продолжать, но ему не дали... самыя громкія, искреннія поздравленія полились рѣкою. Слова: «достойному достойное!... какъ мы счастливы!... отдана справедливость... это награда намъ!...» всего, слышаннаго тогда, и не перескажешь. Не опишешь также и быстрой переменъ, какую приняли всѣ тутъ бывшія лица: натянутая радость, принужденная веселость, притворное участіе... О-охъ, какихъ чудесъ насмотрѣлся я въ это утро!... О, XVIII-й вѣкъ!...

Намѣстникъ отвернулся отъ нихъ и тѣмъ пресѣкъ изъясненія «чистосердечной ихъ радости». Когда они умолкли, онъ продолжалъ: «я еще вчера узналъ о всѣхъ сихъ наградахъ и о новомъ мнѣ назначеніи, и поручилъ пригласить васъ, чтобы вмѣстѣ раздѣлить общую радость; но вы не дослушали меня, дали волю скрываемымъ до того чувствамъ и по нимъ поступили. Извините меня... желаю вамъ добраго аппетита. Завтра вступлю въ новую должность. Кому изъ васъ до сего совѣтовалъ, теперь требую, подать въ отставку. До свиданія. Предоставьте намъ воспользоваться обѣдомъ, для васъ приготовленнымъ.» Сказавъ почти такъ, онъ съ чиновниками, не оставлявшими его, ушелъ въ гостиную.

Всѣ, пристыженные, не знали, какія принять роли. Иной говорилъ: «Это вы, Иванъ Ивановичъ, меня ответи; я располагалъ непремѣнно здѣсь обѣдать.» Другой твердилъ:—Предостойный начальникъ! жаль, что мои злодѣи поселили въ немъ такое обо мнѣ заключеніе! — И много, какъ водится въ такомъ случаѣ, подобнаго говорили, но все-таки ушли.

Вскорѣ подали намъ обѣдъ... да какой? подлинно генералъ-губернаторскій! Къ столу вышла и генералъ-губернаторша. Мужъ рассказывалъ гостямъ о вчерашнемъ съ нею разговорѣ, и какъ онъ, получа извѣстіе о новомъ своемъ назначеніи, рѣшился показать женѣ, каковы бываютъ люди. Жена къ этому была равнодушна. Ее, какъ жену и женщину, занимало возвышеніе мужа; а мужъ напротивъ все рассказывалъ, какъ онъ боится новой должности, трудной, тяжелой, важной, влекущей за собою, въ случаѣ, большія непріятности, и подвергающей отвѣтственности Богу, Царю, обществу и совѣсти.

Чего бояться? думалъ я, управляясь съ отличнѣйшими соусами; когда дослужусь до генералъ-губернаторства, со всею охотою, безъ робости вступлю въ должность. Не знаю, съ какимъ аппетитомъ обѣдали чиновники въ другихъ мѣстахъ, но я, на радости, пообѣдалъ знатно до того, что повторилъ стихъ безсмертнаго Сумарокова:

«Наполненъ нашъ животъ
Премножествомъ суетъ!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ-НАДЕСЯТЬ

О томъ, какъ мы съ намѣстникомъ

обозрѣвали намѣстничества.

У! да и принялся же нашъ генералъ-губернаторъ тасовать чиновниковъ! Многіе полетѣли съ мѣстъ, а дру-

гіе поступили въ высшія должности. Даже тѣ, которые не такъ ловко отказались отъ его обѣда, по достоинствамъ и способностямъ ихъ, были имъ отличены и уважаемы.

— Меня намѣстникъ оставилъ при себѣ. Особеннымъ счастьемъ я ловко чинилъ перья на его руку, при чемъ выучился дѣлать конверты; а отъ того лишь только его высокопревосходительство займется дѣлами, то я уже непременно долженъ былъ находиться при немъ въ запертомъ кабинетѣ, куда и самъ секретарь не иначе смѣлъ войти, какъ по призыву моему... разумѣется, съ приказанія намѣстника. Еще былъ случай: когда намѣстникъ писалъ какое-то очень важное секретное донесеніе, въ то время пріѣхалъ къ нему нужный чиновникъ, и намѣстникъ, забывъ о важности бумаги и оставивъ ее на столѣ, самъ вышелъ къ чиновнику, а я остался въ кабинетѣ. Скоро возвратился намѣстникъ и, взглянувъ, что я въ кабинетѣ, даже перемѣнился въ лицѣ и робко спросилъ меня: «Столбиковъ! скажи правду... читалъ?»

— Что такое, ваше высокопревосходительство?... — «Эту бумагу?»

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство; во первыхъ, я не любопытенъ къ новостямъ, а во вторыхъ, писанное хоть и прочту, но ничего не пойму. —

Его высокопревосходительство изволилъ расхохотаться и принялся испытывать меня. Давалъ мнѣ читать разныя бумаги, которыя хотя и могъ я прочесть, но содержанія точно не понималъ. Тутъ его высокопревосходительство отозвался обо мнѣ въ этихъ лестныхъ словахъ: «Ты золотой человѣкъ для кабинета.» Вскорѣ отдано было приказаніе, всю секретную переписку сдать мнѣ для храненія и такого рода бумаги передавать къ намѣстнику чрезъ меня.

Какъ лестно было для меня слышать, когда спрашивали обо мнѣ, по какой части я у намѣстника?

и канцелярскіе отвѣчали: «по секретной». Всѣ смотрѣли на меня съ почтеніемъ. Даже самъ секретарь, прибывшій съ канцеляріею прежняго генералъ-губернатора, относился ко мнѣ съ аттенціею.

Въ одно утро, при завтракѣ, намѣстникъ не оставилъ хвалиться и женѣ своей, какого имѣетъ во мнѣ чиновника. «Всѣ почитаютъ его моимъ собственнымъ секретаремъ и ищутъ чрезъ него протекціи, хотя онъ самъ этого и не замѣчаетъ. Я очень радъ такому мнѣнію. Ни одинъ начальникъ не избѣгнетъ заключенія, что онъ имѣетъ при себѣ человека, управляющаго имъ. Такъ пусть лучше почитаютъ Столбикова моимъ руководителемъ, нежели кого изъ бойкихъ. Такое заключеніе для меня выгоднѣе.»

Столь милостивое мнѣніе и сладостныя для меня слова начальника я принялъ съ достодолжнымъ уваженіемъ, благодарилъ, и больше бы сказалъ, но чувствительная слеза выкатилась у меня изъ глазъ... Самъ намѣстникъ конечно растрогался и изволилъ отворотиться къ окошку; а жена его—что за превеселая душа!—хохотала отъ чистаго сердца. Они оба очень любили меня.

Устроивъ здѣшнее намѣстничество, генералъ-губернаторъ объявилъ, что мы поѣдемъ обозрѣвать другое, подчиненное ему. Я, какъ и должно было ожидать, былъ назначенъ находиться въ свитѣ его.

Мы съ намѣстникомъ выѣхали довольно скромно, не болѣе какъ въ двухъ экипажахъ. Лошадей нигдѣ не заготовляли, потому что никто не зналъ, куда мы изъ осмотрѣннаго города поѣдемъ, и часто мы являлись тамъ, гдѣ насъ вовсе не ожидали... И пошла переборка!

Но всѣхъ лучше было мнѣ. Намѣстникъ озабоченъ былъ дѣлами и велъ себя скромно и уединенно; напротивъ канцеляріи его шло отличное угощеніе какъ въ обѣды, такъ и въ ужины. Мнѣ же всегда было и первое мѣсто, и

первая чашка чаю, и первая тарелка за столомъ. Со мною и говорили даже въ полголоса и всегда выражались: «какъ я изволю располагать, не угодно ли того», а ужъ «имѣю честь», такъ это за-урядъ шло. Иначе и быть не могло, потому что меня часто призывали, случалось, вызывали и изъ-за обѣда прямо къ намѣстнику. А тотъ, бывало, и скажетъ: «очини-ка, Петруша, мнѣ перышко, да будь здѣсь пока; надобно будетъ кого кликнуть, такъ я тебя пошлю.» Вотъ и сидишь, пока отпустить. Лишь выйдешь изъ кабинета, всѣ и кинутся съ вопросами.... самъ секретарь спрашиваетъ: «подписалъ мою бумагу?» Капитанъ-исправникъ съ вопросомъ: «не говорилъ ли чего его высокопревосходительство о мостикѣ, чрезъ который вчера проѣзжали?» Судьи, уѣздный и расправной: «не изволили ли чего замѣтить, какъ его высокопревосходительство разсматривалъ вѣдомости наши о дѣлахъ?» И у меня былъ всѣмъ одинъ отвѣтъ: — не знаю... не замѣтилъ... не слышалъ.... — А секретарь дѣлалъ прочимъ свое замѣчаніе: «отъ него не много узнаете».

Наконецъ мы пріѣхали въ другой нашъ намѣстническій городъ. Намѣстникъ остался вдвоемъ съ губернаторомъ, а насъ отпустилъ до завтраго. Городничій привелъ насъ въ отличную квартиру и предложилъ намъ разнаго рода угощенія. Просилъ насъ приказывать и спрашивать всего, какъ дома; для исполненія нашихъ требованій оставилъ при насъ частнаго, а самъ поѣхалъ оповѣщать чиновниковъ, чтобъ завтра явились къ намѣстнику въ 9 часовъ утра.

Батюшки-свѣты! Не успѣли мы еще осмотрѣться, какъ и начали пріѣзжать къ намъ чиновники, и пошли рекомендаціи, увѣренія въ почтеніи, просьбы о дружбѣ, причитанія въ родство, воспоминанія, что отцы наши или по крайней мѣрѣ дяди были между собою дружны, мы сами чуть ли гдѣ-то не видались — и все такое. Потомъ разговоръ перескакивалъ на намѣстника:

долго ли проживетъ, каковъ въ обращеніи, каковъ по службѣ, какъ принимаетъ упущенія, медленность; обращаетъ ли вниманіе на жалобы и какъ дѣйствуетъ.

Секретарь, ничего не могши сказать, указывая на меня, говорилъ имъ: «не знаетъ ли чего Петръ Степановичъ? Онъ всегда при его высокопревосходительствѣ, а это не по моей части.» И всѣ вѣжливости съ усугубленіемъ снова обращались къ Петру Степановичу; а Петръ Степановичъ ничего, по обязанности своей, не говорилъ имъ, кромѣ одного: «не могу сказать».

Какъ вотъ кликнули меня къ намѣстнику, и всѣ у насъ бывшіе господа возобновили увѣренія о почтеніи, просили одолжить, пожаловавъ на вечерокъ, ужинать, познакомиться съ семействомъ... «Съ большимъ удовольствіемъ... если время позволить... постараюсь.» Отпустишь имъ такихъ комплиментовъ и спѣшишь къ намѣстнику.

Ахъ, если бы всѣ эти господа знали, что я такъ торопливо позванъ къ его высокопревосходительству только перышко исправить, то не убыточились бы не только на ужинъ, на согрѣтіе самовара для чаю, но поскупились бы на всѣ эти учтивыя слова, которыми такъ щедро осыпали меня!.. Но тогда таковъ былъ свѣтъ.

На - утро собрались всѣ чиновники. Входятъ въ залу, охорашиваются, пуговицы мундирныя то застегнуть, то разстегнуть; шляпу держать сперва такъ, потомъ иначе; совѣтуютъ, толкуютъ, и у всѣхъ на лицѣ замѣтно безпокойство, какъ приметъ намѣстникъ... Не успѣлъ я показаться въ залъ, какъ меня всѣ окружили: вчерашніе знакомые спрашиваютъ о здоровьѣ моемъ, новыя лица знакомятся, просятъ полюбить... я же, взявъ на себя видъ озабоченнаго, пробирался въ кабинетъ намѣстника, слыша повсюду шопотъ: «это онъ... это люби-

мецъ... первый у него... имъ управляетъ!..» А я прошелъ чинить перышко...

Намѣстникъ писалъ, а я стоялъ въ углу, ожидая приказаній, какъ вотъ вошелъ губернаторъ и доложилъ, что всѣ чиновники собрались и ожидаютъ чести быть представленными. При чемъ губернаторъ, подавая намѣстнику бумагу, сказалъ: «Не угодно ли вашему высокопревосходительству разсмотрѣть замѣчанія мои о чиновникахъ?»

Намѣстникъ, улыбнувшись, отвѣчалъ: — Замѣчанія ваши согласны съ моими о нихъ свѣдѣніями. Изъ пріема моего вы увидите, что я очень хорошо знаю вашихъ чиновниковъ. —

«А отъ того я просилъ бы ваше высокопревосходительство хотя на первый случай быть къ нимъ снисходительнѣе.»

— Это не въ моихъ правилахъ. Вы сами начальникъ губерніи и очень хорошо знаете, какъ тяжело имѣть на должности чиновника неблагонадежнаго. Чѣмъ же мнѣ другимъ показать всему обществу, что я знаю все о каждомъ, какъ не обращеніемъ моимъ? Пока достойный получить награду или неспособный униженіе, надобно, чтобы сотоварищи знали, какъ разумѣть о немъ начальство. Не угодно ли? Выйдемъ. Столбиковъ! раствори дверь и слѣдуй за мной. —

Замокъ щолкнулъ, дверь настезъ... и мы съ намѣстникомъ вышли... Батюшки мои! Какъ ясно выражали физіономіи чиновниковъ всѣ надежды и опасенія ихъ! Иной спокойно и съ удовольствіемъ разсматривалъ наружность и важную поступь намѣстника; другой равнодушно ожидалъ приближенія его и вопросовъ; а нѣкоторые терялись въ придуманіи отвѣтовъ на неизвѣстные вопросы. Любопытно было замѣчать различныя физіономіи!

Нѣкоторыхъ по виду мнѣ жаль было; и будь я намѣстникъ, я бы просто сказалъ имъ: «идите, и отсель не согрѣшайте, да не приключится вамъ что горшее...»

Губернаторъ представлялъ каждому чиновника. Совѣтникамъ намѣстническаго правленія генераль-губернаторъ пожалъ руки и благодарилъ ихъ за службу. Одинъ изъ нихъ былъ старичокъ: его тронуло такое вниманіе, и слезы показались на глазахъ. Вице-губернатора намѣстникъ обнялъ; это былъ заслуженный генераль-маіоръ, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ и съ Владимірскимъ на шеѣ, а это не бездѣлица! Прочихъ членовъ казенной палаты принялъ на-сухихъ. Потомъ и пошелъ далѣе: кому привѣтное слово, кому руку пожметъ, кому поклонится и молча пройдетъ; кому изъяснить сожалѣніе, что хозяйство безъ него разстроивается и пребываніе его въ деревнѣ было бы для него полезнѣе; у инаго спросить о цѣнѣ сахара, о выгодѣ чрезъ промѣнъ денегъ, о имени секретаря; у другаго — о чемъ гласить такой-то указъ? Нѣкоторымъ удивлялся, что еще и по сіе время на службѣ... Много всего тамъ было; точно «досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.» Губернаторъ, слушая все это, восхищался...

Когда кончилось представленіе, губернаторъ просилъ намѣстника пожаловать къ нему откусать.

«Извините меня, ваше превосходительство, и вы всѣ господа, отвѣчалъ намѣстникъ. Правило мое — ни у кого не обѣдать. Я очень увѣренъ, что каждый изъ васъ, иной по личному усердію ко мнѣ или изъ уваженія къ званію моему, захочетъ угостить меня отлично; иному это можно, другому будетъ въ тягость. При томъ же и долгъ мой заботиться объ истребленіи роскоши; а пирами и гуляньями мы умножимъ ее. Я же съ своей стороны буду васъ угощать у себя по безпристрастному выбору моему.» Съ тѣмъ и раскланялся.

Когда мы возвратились въ кабинетъ, губернаторъ не находилъ словъ благодарить намѣстника за такой пріемъ чиновниковъ, справедливый, должный по достоинству cadaго.

«А вотъ увидите далѣе», сказалъ ему намѣстникъ, и, оборотясь ко мнѣ, приказывалъ: «Столбиковъ! ступай за мною по присутственнымъ мѣстамъ. Если я, отдавая тебѣ бумагу, сдѣлаю такой знакъ, — то ты бумагу означь крестикомъ; а если отдамъ безъ знака, такъ отмѣть нулемъ. Поѣдемъ, ваше превосходительство!»

И мы поѣхали осматривать присутственные мѣста, намѣстникъ съ губернаторомъ въ каретѣ, а я за ними на дрожкахъ.

Вотъ важную-то роль игралъ я при обзрѣніи присутственныхъ мѣстъ! Съ какимъ уваженіемъ меня принимали, съ какимъ вниманіемъ смотрѣли на мои отмѣтки на подаваемыхъ намѣстнику бумагахъ! И какъ только намѣстникъ, войдя, приметъ бумагу и, не читавши ее, отдастъ мнѣ съ знакомъ, котораго впрочемъ никто и не замѣтитъ, тутъ я со всею важностью, отойдя въ уголъ, разверну ее и просматриваю съ удовольствіемъ на лицѣ, и, подумавъ будто о чемъ, отмѣчаю крестикомъ. Въ другомъ мѣстѣ приму бумагу не видя знака; тутъ я, рассматривая ее, долго качаю головою и, вздохнувъ замѣтно, отмѣчаю приказаннымъ знакомъ. Всѣ, наблюдавшіе за моими дѣйствіями, полагали, что судьба ихъ въ моихъ рукахъ, и какъ умильно глядѣли на меня!.. Да, въ жизни моей это былъ одинъ случай, что меня почитали за важную персону; а я и самъ не понималъ, что значили мои крестики и нули, и какія будутъ отъ того послѣдствія. Правду сказать, я не былъ рукою намѣстника, а просто карандашемъ въ его рукѣ.

Съ своей стороны намѣстникъ дѣйствовалъ необыкновенно при обзрѣніи судебныхъ мѣстъ. Въ иномъ займется съ предсѣдательствующимъ, а въ другомъ съ

однимъ изъ членовъ, а на прочихъ и не смотритъ; да ужъ когда же займется, такъ подлинно займется, всю исторію дѣлъ разспроситъ, и что, и какъ, и почему. Не удовольствуется одними отвѣтами, покажи ему на бумагахъ; а въ заключеніе попроситъ къ себѣ обѣдать. Тогда прочіе члены только хлопаютъ глазами... При входѣ въ иное судебное мѣсто, когда предсѣдательствующій подаетъ ему бумагу, онъ скажетъ: «не просьба ли это въ отставку?» Знай, понимай. Молодецъ начальникъ!

По осмотрѣ нами судебныхъ мѣстъ, мы возвратились въ квартиру, везя съ собой кипы какихъ-то бумагъ, тамъ принятыхъ. Намѣстникъ, придя въ кабинетъ, тотчасъ сѣлъ къ столу и отъ заботъ воскликнулъ: «ахъ, сколько мнѣ работы!..»

— За то вся Европа удивляется управленію вашего высокопревосходительства — сказалъ я отъ истиннаго усердія.

«Врешь, Петруша! отвѣчалъ онъ, по обыкновенію, дружески; и сосѣднія губерніи не знаютъ обо мнѣ, а ты уже и въ Европу заѣхалъ; подавай-ка бумаги.»

И мы занялись дѣлами: я подавалъ ему каждую бумагу, а онъ на важнѣйшую изъ нихъ писалъ что-то и откладывалъ, а другія оставлялъ до времени. Такъ работали мы часа два. Послѣ этого онъ все написанное приказалъ отнести къ секретарю и чтобъ поспѣшили съ перепискою.

«Послушай, Столбиковъ! отпуская меня, сказалъ онъ: скажи секретарю и всѣмъ канцелярскимъ, и самъ слушай: чтобы никто изъ васъ не смѣлъ здѣсь ни у кого обѣдать и даже на короткое время бывать на приглашеніяхъ, кромѣ того, если я къ кому пошлю. Ступай!»

И какъ на-бѣду дано такое приказаніе. Я нашелъ у себя множество приглашеній къ обѣду, на вечеръ, посѣтить, осчастливить своимъ знакомствомъ; нѣкоторые сами пріѣхали и ожидали моего прихода отъ намѣстника.

Конечно, это были не изъ первѣйшихъ чиновниковъ, но все же предсѣдатели верхнихъ расправъ, губернскихъ магистратовъ, прокуроры ихъ и другіе подобные; но ужъ конечно было бы у нихъ угощеніе отличное, какъ первому докладчику намѣстничьему (такъ меня величали). Скрѣпя сердце, я долженъ былъ отказаться за недосугомъ. Отпустивъ ихъ, я легъ отдыхать послѣ такого хлопотливаго дня.

Къ вечеру позвали меня къ намѣстнику, гдѣ увидѣлъ я и повѣреннаго, взявшагося хлопотать по моему дѣлу. Мы ожидали, пока намѣстникъ занимался съ губернскимъ прокуроромъ. Они пересматривали много бумагъ; намѣстникъ все только спрашивалъ, а прокуроръ говорилъ много, и видно дѣльно до того, что намѣстникъ просилъ его сѣсть, говорилъ ласково о постороннемъ и подчивалъ чаемъ.

Отпустивъ его, позвали насъ. Намѣстникъ пересматривалъ всѣ бумаги, принесенныя повѣреннымъ; дѣлалъ ему подробное наставленіе, какъ и гдѣ хлопотать по моему дѣлу. «Я дамъ вамъ письмо, говорилъ онъ, къ тѣмъ вельможамъ, которые точно займутся его дѣломъ; говорите съ ними прямо, откровенно. Когда раскроется предъ ними вся истина, они ужаснутся и не повѣрятъ, чтобы ничтожный человѣкъ рѣшился такъ играть узаконеніями и наклонять ихъ въ свою пользу. Изъ этого дѣла каждый увидитъ благодѣтельную пользу отъ учрежденія губерній; а наблюдающіе за исполненіемъ по нимъ замѣтятъ неполноту или неясность въ новомъ постановленіи и приступятъ къ исправленію. Дѣйствуйте свободно, благородно, твердо, какъ защитникъ угнѣтеннаго людьми по его безгласію и обидѣ отъ природы (за такіе милостивые отзывы я низко кланялся его высокопревосходительству, а онъ все продолжалъ). Берегитесь, какъ повѣренный, приставать къ той сторонѣ, отъ которой надѣетесь получить больше собственной пользы.

Это дѣло примѣрное, и, по новости учрежденія намѣстничествъ, на него смотрятъ другіе, кромѣ меня, чтобы замѣтить, не существуетъ ли въ узаконеніяхъ недостатка, который нужно пополнить. Конечно, однимъ почеркомъ пера можно бы все въ этомъ дѣлѣ поправить; но ему, для опыта, дается законный ходъ и форменный порядокъ къ окончанію. Столбиковъ же изъ своего ничего не теряетъ. Слѣдовательно, вы видите, что и кромѣ меня будутъ наблюдать за вашими дѣйствіями, такъ смотрите!..» заключилъ намѣстникъ, погрозивъ ему пальцемъ.

Со всѣмъ убѣжденіемъ увѣрялъ повѣренный, что не оставитъ ничего, могущаго послужить къ пользѣ моей, и прочее все такое.

Наконецъ началъ намѣстникъ милостиво отзываться и обо мнѣ: «Столбиковъ мнѣ не нуженъ и служба ему не нужна. Для себя, онъ уже въ приличномъ чинѣ и далѣе не пойдетъ, да и служба безъ него не потеряетъ ничего. Возьми его съ собою. Вотъ тысяча рублей на собственныя надобности его и нужныя издержки по дѣлу. Окопируй его прилично по его... ну, характеру. Не позволяй ему по Москвѣ франтить ни въ полицейскомъ, ни въ военномъ мундирѣ; онъ ихъ не украшаетъ.»

Наконецъ, откланявшись ему совершенно, я переѣхалъ къ повѣренному, съ которымъ вскорѣ выѣхали въ Москву.

ГЛАВА ВТОРАЯ-НАДЕСЯТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ Я НА ДОРОГѢ ВЪ МОСКВУ ГОСТИЛЪ У ДЯДЕНЬКИ МОЕГО.

Какъ хорошо ѣздить въ покойномъ экипажѣ и имѣть всѣ выгоды въ дорогѣ!

Мы ѣхали безостановочно; какъ проѣзжая одно намѣстничество, повѣренный спросилъ меня, не хочу ли заѣхать къ родственнику моему, живущему недалеко отъ дороги. Онъ-де будетъ вамъ полезенъ.

«Ну его! сказалъ я: если онъ также будетъ мнѣ полезенъ, какъ и Пахомъ Ивановичъ, котораго я еще выучилъ всѣмъ танцамъ въ совершенствѣ, такъ онъ мнѣ ни на что не нуженъ.»

— Напротивъ, отвѣчалъ повѣренный; я нѣсколько знаю Лаврентія Степановича Столбикова. Онъ любить родныхъ и обрадуется, что вы его отыскали. Когда хорошо приметъ насъ, то мы и отдохнемъ у него, а нѣтъ, такъ вы исполните свой долгъ. —

Я согласился съ повѣреннымъ, и мы поворотили въ деревню родственника моего, не зная даже, въ какой степени онъ родня мнѣ.

Посреди большого числа крестьянскихъ дворовъ, разбросанныхъ безъ порядка и безъ улицъ почти, мы увидѣли пространнѣйшій господскій домъ, деревянный, составленный изъ многихъ различного вида и мѣры пристроекъ, украшенныхъ разномѣрными окнами, расположенными безъ всякой симметріи, и съ семью выходами; два изъ нихъ были даже на одно крыльцо. Мы подъѣхали къ дому.

При входѣ нашемъ въ низенькія, небольшія, закопѣлыя комнаты, вышелъ старикъ бодрый, румяный, низенькій ростомъ, съ порядочнымъ брюшкомъ и отвислымъ подбородкомъ, въ стеганомъ халатѣ, въ вязаномъ колпакѣ съ огромною кистью на верхушкѣ, и старыхъ какого-то цвѣту туфляхъ.

«Кого я вижу у себя, позвольте спросить?» отнесся онъ ко мнѣ, какъ вошедшему прежде.

— Арміи отставной прапорщикъ, Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ. Проѣзжая въ Москву съ пріятелемъ,

долгомъ поставилъ явиться у васъ, полагая, что имѣю честь быть родственникомъ... —

«Чей сынъ, чей?.. какъ?.. я не разслушалъ.»

— Степановъ. —

«Изъ такого то намѣстничества?»

— Такъ точно. —

«Ну, такъ и есть. Не только полагай, но и считай меня близжающимъ родственникомъ. Вотъ я тебѣ экспликую. Марко Семеновичъ, первый пріобрѣвшій здѣсь помѣстья, имѣлъ трехъ сыновей: Карпа, Ивана и Семена. Семень, правда, холостякомъ умеръ, а у Карпа было пять сыновей, кромѣ дочерей: Степанъ, Петръ, Карпъ, Макаръ и Тимоѣей. Я знаю и Ивановыхъ потомковъ, но о нихъ послѣ расскажу. Такъ вотъ отъ нихъ у Карпа было три... нѣтъ, заговорился — пять сыновей; одинъ... ну, что до именъ! только третьяго звали Кондратій. У Кондратія изъ шести сыновей былъ Дороѣей; у Дороѣея Степанъ самъ-четвертъ. Отъ Степана родился я съ братомъ Козмою, близнецы; вотъ наше колѣно. Теперь у Тимоѣея, брата Карпова, твоего родоначальника, отъ двухъ женъ было восемь сыновей — нашъ родъ какъ-то многоплоденъ. Изъ нихъ у Кондратія сынъ Семень самъ-пять; у Семена отъ трехъ женъ только три сына; жены умирали все первыми родами, такъ тѣмъ и скуденъ былъ дѣтьми. Изъ нихъ Тимоѣей имѣлъ сына Петра самъ-шеста; у Петра Степанъ самъ семь, и это былъ любезнѣйшій родитель твой. Такъ вотъ, не мудрено расчитать, какъ мы близки съ тобою: ты мнѣ, если не больше, такъ пятіуродный племянникъ. Брата моего, твоего батюшку, я зналъ и съ нимъ друженъ былъ; не чуждайся и ты насъ. Жена, дѣти, выходите сюда! Обними, жена, племянника; а вы, саранча, цѣлуйте братца!»

Съ первымъ его воззваніемъ изъ шести дверей, бывшихъ въ комнатѣ, отворились только четыре. Въ однѣ вошла старуха, а въ прочія высыпала точно саран-

ча... взрослые дѣвушки и парни, штукъ восемь обоого пола дѣтей... и все это бросилось на меня. Тетенька, вскрикивая: «любезный, дорогой племянничекъ! велѣлъ Богъ тебя увидѣть!» цѣловала меня въ голову. Два взрослыхъ брата хотѣли-было цѣловать меня, но сестрицы, повернувъ голову мою къ себѣ—и еще одна у другой отнимая—цѣловали меня на-подхватъ, приговаривая: «милый, любезный братецъ!» Изъ нихъ нѣкоторые даже орошали меня слезами. Мелюзга же, малыя дѣти, не доставая моего лица, цѣловали руки и даже брюхо мое, признавая меня, по пузатости моей, близкимъ родственникомъ тятенькѣ ихъ. Истинно родственный былъ пріемъ и ласки.

Наконецъ дяденька приказалъ оставить все и усадить меня. Старшія сестрицы обсѣли меня и, держа за руки, чуть только къ слову приходило, опять начинали меня цѣловать.

Тетенька потомъ спросила: «Скажи же мнѣ, Лавруша, что это за племянникъ твой и какъ онъ тебѣ близокъ?»

Дяденька повторилъ всю родословную со всею подробностью; называлъ по именамъ уже всѣхъ моихъ пра-пра-дѣдушекъ; рассказывалъ, какъ и по какому случаю они женились на моихъ пра-пра-бабушкахъ; приплеталъ разныя бывшія при томъ происшествія (чудесная, рѣдкая память!), и когда дошелъ до рожденія моего, тутъ тетенька и сестрицы снова принялись цѣловать меня, какъ будто въ-первые увидѣли.

«Потчуйте же пріѣзжаго гостя!» провозгласилъ дяденька—и началась потѣха! Нанесли яблокъ, простокваши, медоваго варенья; успѣли состряпать яичницу; пастилы, орѣхи, домашняго издѣлія балыкъ, все шло вмѣстѣ; каждая сестрица потчивала особымъ лакомствомъ, какъ наконецъ поспѣлъ и чай, какъ водится, для пріѣзжихъ изъ дальней дороги.

Угощеніямъ не было конца. Кромѣ сытныхъ и изобильныхъ обѣдовъ, ужиновъ, частыхъ закусокъ, разнаго рода лакомства не сходили со стола. Тетенька все хвалила меня и, любуясь, говорила, что я «молодецъ.» Братцы зазывали меня на охоту, на конюшню, послушать, какъ вечеромъ «ребята» станутъ пѣсни пѣть; и если бы я и согласился итти съ ними, какъ они называли, «погулять», такъ любезныя сестрицы—точно говоря—не выпускали меня изъ рукъ. Онѣ, кромѣ уже того, что безпрестанно меня кормили всѣмъ, еще водили меня въ свои сады, дикіе, но напичканные плодовыми деревьями. Я обошелъ съ ними всѣ огороды, цвѣтники, и чтобъ показать имъ, что я жилъ въ свѣтѣ и знаю всѣ приличія, хвалилъ все безъ разбора. Съ своей стороны, за мою любезность онѣ усердно цѣловали меня, отъ чего я не былъ прочь, потому что онѣ были миловидненькія смугляночки, съ полными, красными щочками и пухлыми, алыми губками, что мнѣ въ нихъ очень нравилось. Одна изъ нихъ—даже и теперь помню — Оенюша, когда прочія сестры ушли, сказала: «Вы такой братецъ, что вамъ можно жениться на мнѣ», и при этомъ, крѣпко обнявъ, страстно поцѣловала меня; но я былъ твердъ, и не допустилъ сердца моего влюбиться ни въ одну изъ нихъ. Однимъ словомъ, мнѣ было «не житье, а масляница.» Такъ прогостилъ я у нихъ три дня.

Для занятія дяденькѣ оставался повѣренный, котораго онъ очень полюбилъ и нашелъ разумнымъ, потому что тотъ хвалилъ его самага, семейство, домъ, усадьбу и все, на что только ни взглядывалъ. Дядюшка захватывалъ и меня иногда въ свою бесѣду, и тутъ-то много наставительнаго говорилъ мнѣ.

Удивясь очень, что ни въ одной Россійской исторіи ни слова не упомянуто о древнемъ и знаменитомъ нашемъ родѣ, онъ сказалъ: «Если раскашки исторій это пропустили, то я ни одной ихъ исторіи не вѣрю.

И можно ли повѣрить мелочамъ, когда они важное «манкировали?» Если, продолжалъ онъ, родоначальникъ нашъ и не сдѣлалъ ничего важнаго въ жизни своей, такъ уже и тѣмъ велика заслуга его отечеству, что отъ него пошло многочисленное поколѣніе.»

Потомъ рассказывалъ и о себѣ.

«Мнѣ какъ-то, подь блажной часъ, показалось, что я родился храбрецомъ; вотъ я и бухнулъ въ военную, да насилу изъ нея, благодаря указу о вольности дворянства, выкарабкался и отставленъ изъ прапорщиковъ къ статскимъ дѣламъ титулярнымъ совѣтникомъ и причисленъ къ герольдіи не у дѣлъ, гдѣ вотъ уже тридцать лѣтъ тяну службу безъ всякой награды. Благодарю себѣ и правиламъ моимъ: не уронилъ «реноме» фамиліи нашей; продолжаю службу честно, безпорочно и безъ всякихъ непріятностей.

«Вышедъ въ отставку на 18 году, я, чтобъ не остаться холостякомъ, поспѣшилъ жениться. Проѣзжалъ какой-то вельможа съ семьею и воспитанницею; объявили, что столько-то именно за нею приданаго. Поглядѣлъ я: ни рожи ни кожи, вотъ какъ самъ видишь, твоя тетенька; но сумма важная при ней... Была не была! Отобралъ прежде все обѣщанное сполна, припряталъ въ кладовую, да и къ вѣнцу.

«Знакомясь послѣ брака съ женою, къ большому обрадованію нашелъ ея умъ—середка на половинѣ, какъ должно для жены, и пошелъ съ нею жить, не думая, не гадая ни о чемъ. Чѣмъ убыточиться на постройку новаго дома, я къ дѣдовскому пристроилъ залу. Къ году у насъ Тимоша — я съ другаго угла приклеилъ дѣтскую. Какъ пожаловала Матреша, потомъ Оенюша—вижу, что будетъ тѣсна дѣтская, я давай приваливать со всѣхъ концовъ. Съ умноженіемъ фамиліи умножился и домъ. Отъ того-то онъ такъ страненъ въ наружности, а особливо крышами разной высоты и съ разными углами; да ничего, и въ такомъ домѣ живемъ припѣвающе и не

женируемся ни въ чемъ. Ёсть-пить станетъ на все наше семейство, постели мягкія, комнаты теплыя, ставни плотныя, спимъ-себѣ въ-волю. Что же нужно болѣе въ жизни человѣческой?

«Помни, мой любезнѣйшій племянникъ, и твердо вѣрь, что въ человѣческой жизни первое благо: теплыя комнаты, сытный столъ, денегъ вдоволь, мягкая постель и жена. Вотъ для чего человѣкъ живетъ. Многочисленное семейство—слѣдствіе беззаботной жизни. Не неси за другими жизни на убой и тѣла на увѣчье. Не обрекай себя и на полосканье въ чернилахъ для того, чтобы разобрать, кто изъ спорящихъ правъ и кто виноватъ. Гинь ихъ голова! Свое здоровье предпочитай всему. Слѣдуй этому мудрому правилу: что я для меня паче всего. Избѣгай честолюбія. Не ищи чиновъ и почестей, прибрѣтаемыхъ трудами на службѣ; но не отказывайся, буде изъ нихъ что можно получить за «такъ», по счастью. Если встрѣтятся двѣ должности, выбирай ту, которая прибыльнѣе. Пользуйся ею, сколько достанетъ твоего умѣнья, и спѣши пользоваться, чтобы не быть отрѣшену безо всего. Выгонять изъ службы—но ты съ запасомъ. Опишутъ тебя нерадивымъ, даже зловреднымъ для пользы общей—махни рукой: пусть пишутъ, что душѣ угодно; люди прочтутъ и забудутъ во множествѣ; не ты одинъ, а ты при своемъ. Большаго наказанія тебѣ не могутъ сдѣлать; ты родовой дворянинъ.

«Тебя обидѣлъ опекунъ, раззорилъ и почти отнялъ имѣніе; не хлопочи о томъ больше разсказовъ; пойдетъ по судамъ, тамъ и безъ твоихъ хлопотъ правда возьметъ верхъ и ты получишь свое; къ чему хлопотать?

«Не ищи жены, она сама найдетъся. Ты богатъ, такъ не дадутъ тебѣ быть холостякомъ. Не разбирай, умна ли, скормна, сварлива, вѣтрена, или постоянна; гляди, лишь бы богата была. Пока онѣ въ невѣстахъ, такъ «подай Господи!» а стала женой, «избави Господи!»

достатокъ же вещь фундаментальная. Глупая и умная одинаково надоѣдаетъ; отъ такой прячешься въ кабинетъ; подъ говоръ болтливой дремли въ своихъ креслахъ; вѣтрена, рыскунья? пусти ее на всѣ четыре стороны: покойнѣе для тебя, никто не помѣшаетъ тебѣ считать ея деньги. Съ бѣдною же женою бѣда! нѣтъ никакой «консоляціи».

«Окружать дѣти? не тужи; было бы ихъ гдѣ помѣстить, да чѣмъ накормить. Пусть растутъ-себѣ въ волѣ и занимаются безъ принужденія. Пусть знаютъ съ дѣтства и не забываютъ никогда, что они благороднаго происхожденія. Не хлопочи опредѣлять ихъ въ знаменитыя училища. Чѣмъ громче учитель, тѣмъ дороже беретъ; а и у него, и у всѣхъ, и даже у послѣдняго пономаря, обучающаго дѣтей, все буки-азъ-ба — ба, никакъ не иначе. Наука вездѣ наука. Дѣвокъ не учи грамотѣ далѣе молитвенника. Грамота ножъ въ рукахъ безумнаго! Выучится писать, да вмѣсто счетовъ талькамъ и выдачѣ масла примется пописывать любовныя письма, да добро бы къ офицеру, или къ другому кому чиновному, а то пописываетъ къ кому зря... Охъ! знаю я это по опыту! Помни, что онѣ до возраста работницы, а выдашь за мужъ — почетъ и уваженіе отъ зятьевъ. Слѣдуй моимъ правиламъ, и проживешь вѣкъ свой счастливо.»

Съ большимъ вниманіемъ выслушалъ я благоразумныя наставленія опытнаго и мудраго старца, дяденьки моего, и, вставъ, съ уваженіемъ и благодарностью поклонился и съ почтеніемъ поцѣловалъ руку его, обѣщаясь слѣдовать во всемъ безпримѣрнымъ правиламъ его.

Три дня прошли какъ три часа. Наконецъ я, поѣвши сладко, поспавъ вдоволь, наслушавшись дяденькиныхъ наставленій, осыпанный обвинаньями тетенькиными, заласканный братцами, зацѣлованный хорошенькими сестрицами, выѣхалъ съ повѣреннымъ въ Москву.

ГЛАВА ТРЕТІЯ-НАДЕСЯТЬ

О томъ, что случилось со мною въ первые дни пребыванія моего въ Москвѣ.

У! какой обширный городъ Москва!.. гораздо обширнѣе, нежели могъ я вообразить!.. Когда я взглянулъ на него съ горы, при въѣздѣ, у меня захватило духъ, словно былъ брошенъ въ глубокую рѣку... А сколько философическихъ разсужденій родилось въ моей головѣ при разсматриваніи этой массы!.. Вотъ городъ, думалъ я, такъ городъ! не нашему намѣстническому чета! Сколько въ немъ улицъ, сколько въ улицахъ домовъ, сколько въ домахъ людей, сколько въ ихъ головахъ мыслей, идей, замысловъ, размышленій, намѣреній, предпріятій, интригъ, хитростей!.. Съ гордостью посматривалъ я и на себя, что черезъ часъ буду жителемъ столичнаго города Москвы. Тутъ, такъ мечталось мнѣ, непостижимымъ для меня образомъ переменится моя судьба, пойдетъ уже во всемъ счастье... Съ такими утѣшительными мыслями въѣхалъ я въ улицы Москвы... и, какъ капля воды, канулъ въ этотъ океанъ!..

Когда везли меня по улицамъ города, я не успѣвалъ разсматривать мелькавшихъ мимо меня строеній, не зналъ, чѣмъ любоваться... и вотъ привезли меня къ красивому дому, гдѣ квартировалъ родственникъ мой, всегда покровительствовавшій и теперь долженствующій принять меня, Столбиковскій.

«Что я вижу?.. Физику съ молокомъ привезли къ намъ въ Москву!» закричалъ добрый Столбиковскій, увидя меня, входящаго въ комнату съ повѣреннымъ. «Какими судьбами? За чѣмъ и почему?»

Я—или больше повѣренный—разсказалъ причины, по коимъ должно было привезти меня въ Москву. Добрый мой родственникъ радовался отъ души встрѣчѣ со мною и предвѣщалъ себѣ тысячи удовольствій. Наконецъ вспомнивъ, что я былъ главнѣйшимъ дѣйствующимъ лицомъ въ женитьбѣ его, повелъ меня къ женѣ, крича: «Машеръ! не хочешь ли ты физики съ молокомъ?»—Что еще за новое тамъ дурачество? — раздался серебристый, пріятно-сердитенькій голосочекъ, и къ намъ вышла молодая дамочка... въ коей я тотчасъ узналъ ту самую барышню, за которою посыланъ былъ, и вмѣсто того, чтобы увезти ее, угораздило меня сманить старую тетушку: отъ чего и всѣ бѣды произошли и конецъ чуть не былъ плачевный.

Прекрасная моя родственница сначала смотрѣла на меня сухо и безъ вниманія; но когда Столбиковскій разсказалъ все, она принялась хохотать, вспоминая всѣ подробности этого произшествія: страхъ, въ какомъ она находилась, и счастливый оборотъ, какой приняло это дѣло, благодаря лицемерной наружности, принятой на тотъ разъ Столбиковскимъ, до того, что старики ввѣрили ему дѣвушку; и какъ онъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ предводителю, въ ту же ночь обвѣнчался съ нею и привезъ ее къ матери своей, откуда уже, не возвращался въ полкъ и вышелъ въ отставку.

Посмѣявшись надъ всѣми этими приключеніями, разспрашивали они меня, какъ я провелъ время, и очень смѣялись, когда я разсказывалъ, какую важную роль игралъ я при намѣстникѣ. Потомъ Столбиковскій, назначивъ мнѣ комнату, позволилъ расположиться въ ней какъ дома, и тутъ же далъ мнѣ истинно родственный совѣтъ.

«Ты, Петруша, береги свое драгоцѣнное здоровье и не хлопочи ни о чемъ. Квартира тебѣ есть и будетъ, пока я здѣсь. Ышь и пей все мое; повѣренный все ула-

дигъ лучше насъ съ тобой. Деньги у тебя есть, а я тебя приодѣну и пущу въ люди. Берегись только Московскихъ шалуновъ; они такъ спроказничаютъ надъ тобою, что увѣрятъ тебя, что ты не Столбиковъ.»

И мнѣ у Столбиковскаго точно было хорошо и покойно. Кузина (такъ позволила себя называть жена его) принимала меня ласково, какъ покровительствуемаго ею родственника; хохотала до-упаду, когда мужъ рассказывалъ ей приключенія, бывшія со мною въ службѣ; сожалѣла о бѣдствіяхъ моихъ въ дѣтствѣ; о жизни же нашей въ пенсіонѣ мусье Филу Столбиковскій умалчивалъ, и если я что вспоминалъ, то онъ спѣшилъ прервать разговоръ. Вообще же кузина не могла глядѣть на меня безъ смѣху: и приключенія мои, и наружность, и сужденія мои, все ее смѣшило. Она была веселаго нрава и добраго сердца, любила мужа и руководствовалась его совѣтами; онъ также любилъ ее много, но иногда... но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Ожидая, пока меня приодѣнутъ — или, какъ выражался дядюшка Лаврентій Степановичъ, окопируютъ — я только и выходилъ что за ворота дома нашего; глядѣлъ на кучи удивительныхъ строеній, на ѣдущихъ и проходящихъ во множествѣ людей, и до того засматривался, что иногда не чувствовалъ, какъ мимоидущіе толкали меня. И въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ намѣстническомъ городѣ не увидишь такихъ чудесъ, какими наполнена Москва. Куда!..

Нѣкоторые изъ проходящихъ, осматривая меня, познакомились со мною, а особливо одинъ нѣкто, вовсе мнѣ незнакомый, даже подружился; выпросилъ меня, кто я, откуда, зачѣмъ пріѣхалъ въ Москву, и каждый разъ убѣждалъ меня погулять съ нимъ по городу. Не имѣя еще моднаго платья, я не рѣшался; но пріятель мой увѣрялъ меня, что это-де ничего. Наконецъ убѣдилъ меня, взявъ съ собою деньги, итти съ нимъ купить шляпу,

увѣряя, что будто мой дорожный картузь до того странный и смѣшонъ, что всѣ проходящіе замѣчаютъ его и смѣются.

Склонясь на просьбу этого пріятеля моего и взявъ пятидесяти-рублевую ассигнацію, я пошелъ съ нимъ купить себѣ шляпу. Ужъ онъ меня вель-вель, ужъ мы шли-шли... ужасъ какъ далеко зашли... и наконецъ пришли въ одну маленькую лавочку, гдѣ продавались однѣ шляпы. Выбравъ себѣ по головѣ и увѣрясь на слова купца, что это самой послѣдней моды, я спросилъ о цѣнѣ. «Двадцать рублей», запросилъ съ меня купецъ. Не зная Московскихъ цѣнъ и правилъ, какъ въ Москвѣ торгуются, я спросилъ у пріятеля, что мнѣ давать за шляпу? Онъ сказалъ: «дайте осьмнадцать; шляпа больше не стоитъ.» Я предложилъ, и купецъ согласился; но ассигнаціи не принималъ, за неимѣніемъ сдачи. Я былъ въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать; но пріятель мой немедленно вызвался промѣнять ассигнацію и принести монетою. Взявъ ассигнацію и картузь мой, чтобы во что сложить мелкія деньги, пошелъ отъ меня скоро.

Я ожидалъ пріятеля часъ... нѣтъ его!.. два прошло... нѣтъ!.. три, четыре часа минуло — пріятель мой не возвращался съ деньгами! Вечерѣло. Купецъ напоминалъ, что пора лавку запирасть. Я объявилъ ему безпокойство свое, не сдѣлалось ли съ пріятелемъ моимъ какого несчастья? Онъ мнѣ совѣтовалъ лучше итти къ нему и провѣдать его; но когда я сказалъ купцу, что я не знаю, кто онъ и гдѣ живетъ, тутъ купецъ поздравилъ меня обманутымъ и окраденнымъ, въ чемъ увѣрялъ, рассказывая много подобныхъ приключеній, ежедневно въ Москвѣ случающихся; потомъ оставилъ меня безъ вниманія и началъ запирасть лавку.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Въ Москвѣ, вечеромъ, въ неизвѣстной части города, не зная, какъ назвать мѣсто квартиры моей, безъ картуза и безъ копейки

денегъ — очень естественно, что я терялся совершенно. Никто не принималъ во мнѣ участія. Еще тутъ же другіе лавочники, заперши свои лавки, подошли ко мнѣ и, отводя подалѣе, сказали: «Молодецъ! иди-ка себѣ въ другое мѣсто; скоро придутъ наши сторожа, такъ чтобъ не управились съ тобою иначе. Нынѣче ужъ и ихъ не проведешь.»

Сердце мое облилось кровью! Меня называютъ лавочники «молодцомъ» и подозрѣваютъ въ честности! Въ справедливомъ негодованіи я отбѣжалъ отъ нихъ на нѣсколько сажень по улицѣ. Тутъ куча мальчишекъ подбѣжала съ крикомъ: «Баринъ, надвинь шляпу-то побольше на голову, чтобъ вѣтеръ не унесъ.» И много тому подобныхъ насмѣшекъ кругомъ себя слышалъ я.

Въ такой круглой бѣдѣ я бросился къ первому попавшемуся мнѣ извозчику. «Вези меня на квартиру», сказалъ я почти сквозь слезы.

— А сколь далеко? — спросилъ онъ.

«А вотъ... гдѣ квартируетъ Столбиковскій...»

— Да гдѣ же это и въ какой части? —

«Не знаю», сказалъ я.

— Пропадай же съ своимъ Столбировскимъ. Слѣзай съ дрожекъ и улепетывай отсель, чтобъ треухами не покрыли твоей головы. —

Вообразивъ, въ какое впалъ униженіе чрезъ подлой со мною поступокъ мнимаго пріятеля, я готовъ былъ плакать. Толпа извозчиковъ остушила меня; кто трунилъ надо мною, кто грозилъ свести на съѣзжую, какъ одинъ добрый старичокъ — дай Богъ ему здоровье! — сжалился надо мною, расспрашивалъ у меня обо всемъ обстоятельно и потомъ вывѣдывалъ, не слыхалъ ли я, въ какомъ живу приходѣ?

«Въ Харитоновомъ огородѣ, часто что-то называли квартиру нашу», сказалъ я. Тутъ извозчикъ, взявъ меня за руку, повелъ къ своимъ дрожкамъ и сказалъ: «Са-

дись, баринъ; хоть Москва и велика, да вѣдь дома не булавки, найдемъ и твой.»

Вотъ онъ меня и помчалъ. Долго возивши, пріѣхалъ къ будкѣ, и, разспросивъ по моимъ примѣтамъ о домахъ въ этой части, привезъ меня въ квартиру. Удивляюсь, какъ онъ нашелъ ее въ такой путаницѣ улицъ и между множествомъ одинъ на другой похожихъ домовъ!

Было около полуночи, когда меня привезли къ Столбиковскому, безпокоившемуся очень о моемъ отсутствіи. Сначала онъ, а еще больше жена его, смѣялись моему приключенію; а послѣ онъ мнѣ сдѣлалъ порядочной напругай, и наставлялъ, какъ беречься Московскихъ обманщиковъ. Хотя я все увѣрялъ его, что пріятель по виду честный человѣкъ и не обманетъ меня, а можетъ завтра принестъ деньги; но Столбиковскій рѣшительно утверждалъ, что онъ уже никогда глазъ не покажетъ ко мнѣ. Жаль будетъ; 50 рублей пропадетъ за нимъ, да извозникъ потребовалъ ужасную сумму за доставленіе меня; и такъ этотъ день мнѣ дорого обошелся.

Наконецъ меня съ ногъ до головы одѣли совершенно по модѣ. Прекраснаго, полосатаго, голубое съ лиловымъ сукна а ле клипсъ фракъ; пуговицы стальные, блестящія; жилетъ, вышитый шелками; сапоги съ бѣлыми отворотами и длинно висячими ушами; шляпа, трость, часы съ длинною цѣпочкою и съ привѣсками изъ масонскихъ знаковъ — я самъ выбралъ такую, чтобы каждый зналъ, что я масонъ — ну... право, я самъ собою не могъ налюбоваться!... Все было на мнѣ отличное и все къ лицу. Покрой фрака немного конфузилъ меня, потому что не только фамильное мое брюхо не было скрыто, но какъ-то болѣе выставлялось отъ вырѣзки полъ у фрака.

Любуясь собою, я ходилъ по городу всегда невдалекѣ отъ квартиры, чтобы не растеряться въ этихъ

безтолковыхъ улицахъ и безчисленныхъ переулкахъ. Выйдя со двора, я шелъ на замѣтную колокольню или домъ, оттуда бралъ другой предметъ, далѣе третій, четвертый, и, найдя ихъ, по тѣмъ же предметамъ возвращался домой.

Съ удовольствіемъ замѣчалъ я, что многіе на меня посматривали, и даже къ утѣшенію моему слышалъ, какъ нѣкоторые говорили: «Вотъ и видно пріѣзжаго; долженъ быть изъ Украины.» Нѣкоторые вступали со мною въ разговоръ; спрашивали меня, и я объяснялъ имъ о себѣ, что нужно было; при чемъ вынималъ свои серебряные часы, поглядывалъ на нихъ, утирался батистовымъ платкомъ, доставалъ изъ кармана и опять клалъ — будто въ разсѣяніи — свою новенькую красную сафьянную съ стальнымъ замочкомъ записную книжку, хотя въ ней не было ни одной ассигнаціи, потому что Столбиковскій, опасаясь, чтобы какой пріятель еще не услужилъ мнѣ, не позволялъ носить съ собою денегъ.

Въ одно утро, вырядясь по обыкновенію, я пустился ходить по городу. Замѣтилъ я, что пріятель мой, поддѣвшій меня при покупкѣ шляпы, съ другими двумя, изъ которыхъ одинъ былъ уже мнѣ по уличнымъ встрѣчамъ знакомъ, преслѣдуютъ меня и что-то говорятъ все, какъ видно, обо мнѣ. Полагая, что они любятъ моимъ убранствомъ, я продолжалъ передъ ними выфантаживать и часами, и тросточкою, и платочкомъ... Какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, мнѣ еще незнакомый, забѣжавъ впередъ и идучи ко мнѣ, сказалъ съ большою ласкою:

«Здравствуйте, Петръ Степановичъ! Узнали ли вы меня?»

— Никакъ не узнаю — отвѣчалъ я, пристально его осматривая и все таки не узнавая.

«Не стыдно же вамъ не узнать своего товарища...»

— По пенсіону? — прервалъ я, предчувствуя пріятную встрѣчу.

«Да, да, по пенсіону. И будто не узнали?»

— Никакъ не узнаю. —

«Я Кукарекинъ.»

— Фамиліи-то я ни чьей не знаю; у насъ были свои прозванія... Да не вы ли тотъ, кого мы называли «косолапый Литвинъ?»

«Какже, это я, я самый.»

— Что же вы побѣлѣли лицомъ и волосы ваши стали рыжіе, а въ пенсіонѣ были черные?—

«Такъ... это болѣзнь... несчастныя обстоятельства меня измѣнили... послѣ расскажу... Знаете ли? сестрица ваша здѣсь.»

— Какая? я не знаю никакихъ сестрицъ, кромѣ дочерей Лаврентія Степановича; но тѣ никогда не поѣдутъ въ Москву. —

«Нѣтъ; это дочь своей матери, тетки вашей родной.»

— Не знаю въ Москвѣ никакой тетки и сестрицы. —

«Вотъ хорошо. Такъ стало Марфы Егоровны не знаете вовсе?»

— Во все не знаю, что это за Марфа Егоровна. —

«Премилая дѣвушка; какъ живетъ хорошо! Она узнала, что вы здѣсь, и поручила мнѣ пригласить васъ къ себѣ сегодня откусать.»

Даже и за глаза уважая всѣхъ своихъ родныхъ, я вдругъ почувствовалъ тайное влеченіе къ сестрицѣ Марфѣ Егоровнѣ и началъ питать къ ней родственныя чувства; а предполагая, что и съ Марфою Егоровною будетъ у меня такое же пріятное обращеніе, какъ съ Еленюшкою, дочерью Лаврентія Степановича, я съ радостію согласился итти къ ней.

Домъ, гдѣ жила сестрица, былъ очень обширный. Мы проходили много комнатъ, гдѣ сидѣли разнаго рода люди: иные обѣдали, другіе только закусывали, въ дру-

гой комнатѣ играли въ билиардъ; наконецъ чрезъ коридоры, лѣстницы и довольно загроможденные мѣста мы дошли до запертыхъ дверей. Мой прежній товарищъ, косолапый Литвинъ, какъ онъ просилъ всегда такъ его называть, пошелъ сыскать дворецкаго, съ которымъ что-то поговорилъ, указывая на меня, и тотъ отперъ намъ дверь въ комнаты, порядочно и со вкусомъ убранныя.

Товарищъ мой сказалъ мнѣ, что сестрицы моей нѣтъ дома, она въ гостиномъ дворѣ за покупками, и что онъ сейчасъ поѣдетъ за нею. При чемъ рассказалъ мнѣ, что сестрица очень богата; имѣя пропасть жильцовъ въ этомъ домѣ и содержа ихъ на своемъ столѣ, получаетъ ужасные доходы. «Пока я за нею съѣзжу, прибавилъ онъ, прикажите сюда подать закуску и скажите, чтобы подали все наилучшее и побольше всего.» Съ этимъ словомъ онъ ушелъ.

Не успѣлъ я приказать дворецкому, какъ и поданъ былъ огромный завтракъ. Часа черезъ два пріѣхала сестрица... Сцена свиданія нашего была трогательная! Она бросилась ко мнѣ на шею, крича: «братецъ, любезнѣйшій братецъ! Наконецъ я тебя увидѣла!..» Я отъ полноты чувствъ не могъ промолвить слова и, вообразивъ, что мы такіе близкіе, какъ она говоритъ, родные въ первый разъ видимся, не выдержалъ, слезы меня проняли... И сестрица также разчувствовалась и утирала глаза платкомъ... Съ ней пріѣхалъ какой-то офицеръ и мой Литвинъ. Они, какъ сторонніе, не могли имѣть чувствъ, подобныхъ нашимъ, бросились на закуску и порядочно почистили ее.

Сестрица посадила меня подлѣ себя на софу и принялась рассказывать о множествѣ дядюшекъ, братцовъ, сестрицъ, о которыхъ я никогда и не слыхивалъ. Рассказывала всѣ ихъ похождения, житье-бытье и приключенія, продолжая также исправно завтракать.

«Милый братец! говорила она, будьте у меня какъ дома; замѣните меня, прикажите подать водку. Прикажите подавать обѣдать. Спросите, братецъ, вина такого и такого...» И я, послушный братецъ, дабы уго- дить милой сестрицѣ, бросался со всѣхъ ногъ, спраши- валъ, и все приносили ко мнѣ, а я уже подчивалъ доро- гихъ гостей нашихъ.

Отдавъ приказаніе въ буфетъ и возвращаясь въ столовую, я замѣтилъ ясно, что офицеръ съ вольностью цѣловалъ мою сестрицу. Я покосился на офицера, а на сестрицу взглянулъ съ упрекомъ. Сестрица улыбнулась, офицеръ запилъ виномъ. Въ другой разъ, къ концу обѣ- да, когда уже было порядочно выпито (сестрица служи- ла примѣромъ), я увидѣлъ между ними еще большую вольность.. родственная кровь во мнѣ закипѣла, я не вы- держалъ и, подойдя къ сестрицѣ, шепнулъ ей: «вспомни, сестрица, о своей чести!» Милая сестрица такъ и пока- тилась со смѣху, а офицеръ выпрыснулъ назадъ покалъ шампанскаго, только что влитаго въ ротъ. Я сконфузил- ся, какъ говоритъ дядюшка Лаврентій Степановичъ, и по- думалъ; «это видно Московское обращеніе!» и ничего- себѣ.

Послѣ обѣда милая сестрица, принявъ благодаренія за превкусный и роскошный обѣдъ, сказала, что идетъ въ гостинной дворъ окончить покупки, а меня просила подождать здѣсь, заказавъ къ ея приходу мороженое.

Проводивъ ее, до свиданія, я пришелъ въ буфетъ и требовалъ мороженаго. Дворецкій приказалъ, и тутъ же вписавъ на листѣ бумаги, подалъ мнѣ ее... Что же я увидѣлъ? «Счетъ изъ Петровскаго трактира!» Тутъ было поставлено все, чѣмъ насъ угощала сестрица, и за все это требовали съ меня 120 руб. 38 коп... О, ужасъ!..

Со всею силою моего краснорѣчія я доказывалъ, что это домъ сестрицы, что въ домѣ все ея и что она меня, а не я ее угощала. Но мнѣ ясно и чисто доказали,

что это трактиръ, что моей сестрицы не знаютъ, а спрашивалъ-де все я... Увѣрившись, что я обмануть, началъ торговаться; уступки никакой, и тутъ же требовалось и за мороженое, котораго никто и не ѣлъ. Я объяснился, что со мною денегъ нѣтъ; предлагалъ въ залогъ часы, хватаюсь за нихъ... тюти! и цѣпочки не осталось!.. Тутъ я вспомнилъ, что передъ отходомъ сестрица держала въ рукахъ цѣпочку и въ то же время офицеръ кликнулъ меня, я быстро повернулся и чувствовалъ, что у меня что-то какъ будто порвалось; анъ, видно, въ это время сестрица схимзила мои часики. Я въ боковой карманъ, чтобы увѣрить, что хотя у меня и есть записная книжка, но пуста... хватился!.. и книжки нѣтъ! Это мой товарищъ, проклятый косолапый Литвинъ, среди дружескихъ увѣреній, обнималъ меня, и я чувствовалъ его руку на моемъ сердцѣ, но относилъ это къ сильному его чувству. Въ батистовой мой платокъ сестрица навязала себѣ остатки отъ десерта и пирожнаго; палочку также унесли... Къ счастью, не обрѣзали фалдъ у славнаго моего фрака...

Я стоялъ какъ громомъ пораженный, а дворецкій равнодушно смотрѣлъ на мое положеніе и настоятельно требовалъ денегъ. Когда же увѣрился, что ихъ у меня нѣтъ, распорядился послать за квартальнымъ. Охъ! былъ и я квартальнымъ, и потому могъ судить, что меня ожидаетъ. Я предложилъ лучше послать къ Столбиковскому, чтобы онъ меня выкупилъ. Мнѣ и въ томъ не вѣрили, чтобы я имѣлъ порядочнаго родственника. Однако жъ послали мою записку — адресъ уже я зналъ — а самъ оставался въ залогъ... О, судьба! Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ, арміи отставной прапорщикъ, недавно важная особа при намѣстникѣ, теперь въ залогъ какъ крестьянинъ, какъ вещь, какъ тварь... Какова же Москва!

Столбиковскій поспѣшилъ пріѣхать. Кричалъ на меня ужасно, ссорился съ буфетчикомъ за высокія на все

цѣны; но, не могши ничего сдѣлать, расплатился, выкупилъ меня и привезъ уже благополучно домой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ-НАДЕСЯТЬ

О томъ, кого еще я встрѣтилъ въ Москвѣ и какія изъ того произошли послѣдствія.

Сколько же посыпалось на меня насмѣшекъ, когда возвратился я домой! Веселая моя кузина, та рѣшительно нѣсколько дней не могла взглянуть на меня, чтобы не расхохотаться. Со всею подробностью расспрашивала меня о любезнѣйшей сестрицѣ, хороша ли она, молода ли, какъ одѣта и цѣловалъ ли я ручку ея. Въ послѣднемъ я заперся; теперь же, какъ дѣло прошлое, по совѣсти признаюсь, что не только красную руку ея, но и прямо въ губки, по ея предложенію, нѣсколько разъ цѣловался, какъ водится у братцовъ съ сестрицами.

Столбиковскій же долго сердился на меня за растрату денегъ и на такія глупыя исторіи. Потомъ рѣшительно велѣлъ мнѣ избѣгать подобныхъ случаевъ; и если бы-де случилась какая встрѣча, осторожно разсматривать все, около происходящее, и чуть только замѣчу какое сомнѣніе, тотчасъ бы уходилъ оттуда. Москва изстари-де славится всякаго рода промышленными людьми.

Время по времени, я зналъ уже Москву такъ хорошо, что безошибочно могъ ходить всюду и находить желаемое мѣсто. Кузинѣ оказывалъ я, по ея части, большія услуги, а особливо по части модъ; рассказывалъ все, что новаго случалось, на примѣръ: какая мадамъ получила прямо изъ Парижа, столичнаго города Французскаго государства, новыя шляпки, матеріи, вещи; какой порт-

ной изъ иностранныхъ земель вновь пріѣхалъ въ Москву — и тому подобныя важныя извѣстія. Часто препоручала она мнѣ — ужъ конечно не купить что, все боясь, чтобъ меня не обманули, но пригласить мадамъ въ домъ для сятія мѣрки, сдѣланія головного убора, или для совѣта, чѣмъ обшить новое платье, и проч.

Въ одинъ день посланъ былъ я къ знаменитѣйшей изъ модныхъ торговекъ, мадамъ Оберъ-Шальме — если кто изъ современниковъ помнитъ ее — просить ее пожаловать къ г-жѣ Столбиковской и одолжить ее совѣтомъ, какой длины поставить фалбару на платье, приготавливаемомъ на гулянье. Куда! Мадамъ Шальме сдѣлала такую кислую рожу, что я смутился, и сказала, что она для такихъ пустяковъ не оставитъ своего заведенія и что она работаетъ только для знатныхъ.

«Но и моя сестрица не изъ подлыхъ!» вскричалъ я, обиженный униженіемъ нашего рода.

— О знатности сестрицы можно судить по братцу, сказала эта презрѣнная уже «оберъ-шельма», осматривая меня: для такихъ знатныхъ можетъ работать такая же знаменитая сосѣдка моя... — и съ этимъ словомъ скрылась.

Хорошо она сдѣлала, что скоро ушла отъ меня, иначе у насъ вышла бы исторія. Не могли переносить ея оскорбленія, я вышелъ изъ себя, плюнулъ ей въ слѣдъ и сказалъ тихонько, остерегаясь, чтобы она не услышала: «Чортъ тебя возьми, Французское зло! я пойду и къ сосѣдкѣ. Всѣ вы работаете на одинъ ладъ. У васъ у всѣхъ одна и та же мода.»

Отворяю некрасивую, скрипящую дверь, съ наклеенною бумагою вмѣсто стеколъ; звонокъ не зазвенѣлъ, и я споткнулся на неровномъ полу и отъ поставленныхъ не у мѣста коробокъ. Въ этомъ магазинѣ ничто не поразило меня; такъ всего было мало, и то не блестящее, расположенное безъ вкуса, и въ добавокъ, отъ тусклыхъ въ

окнахъ стеколь худо освѣщаемое. У прилавка сидѣла женщина. При входѣ моемъ она вскочила, протянула руки, разинула ротъ и не скоро вскричала съ удивленіемъ: «мусье Столбиковъ! васъ ли я вижу?»

— Меня, мадамъ! но кого я начинаю видѣть? — спросилъ я, не могши разсмотрѣть ее, потому что попалъ изъ свѣту въ полусвѣтъ.

«Ахъ, какъ вамъ не стыдно! Вы не узнали прежней знакомой вашей, мамзель Дороте?»

— Какъ! вскричалъ я, не могу сказать, съ радостью, потому что тутъ же вспомнилъ вытерпѣнное мною за нее. Такъ это точно вы? Какъ вы сюда попали? гдѣ вашъ батюшка, мусье Филу? Вы вѣрно уже родили, мамзель Дороте? гдѣ же ваше дитя? —

Не знаю, какой изъ вопросовъ сконфузилъ ее. Она смѣшалась, но не покраснѣла, потому что была подрумянена.

«Садитесь, любезный пріятель! сказала она, усаживая меня подлѣ себя, и, не отвѣчая на мои вопросы, сказала: мы много имѣемъ пересказать о себѣ другъ другу.»

Тутъ приказала подать для насъ мороженаго, распорядилась работами и занялась однимъ мною. Я разсматривалъ ее внимательно; одѣта она была щепетко, все по модѣ, все значительно, но это все было не изъ новаго, а изъ обносковъ. Сама же имѣла фигурку восхитительную, личикомъ еще красивѣе, нежели въ пенсіонѣ; глазки — канальскіе! улыбка — шалунья! пріемы — сахарные! Вокругъ ея во всемъ была явная бѣдность; но, какъ Француженка, и дрянную метелку умѣла прифрантить.

Съ ужимками кушая мороженое, она рассказывала мнѣ: «Мусье Филу — я не называю его отцомъ, потому что онъ лишенъ всякаго званія и сосланъ въ Сибирь за развращеніе въ своемъ пенсіонѣ юношества, что и справедливо, и такъ онъ — отправивъ меня такъ поспѣшно въ

Москву, не позаботился снабдить меня покойнымъ экипажемъ; и я, отъ непривычки къ дорогѣ, отъ тряски и безпокойныхъ мыслей, почувствовала... то есть, должна была остановиться въ городѣ... Тутъ... эта женщина... за неимѣніемъ медика, я пригласила женщину, помогающую... въ болѣзняхъ; она взвела на меня ужасныя нелѣпости, и я встрѣтила непріятности... Надобно было запрашивать мусье Столбиковскаго и васъ; но онъ, видно, какъ богатый человѣкъ, отвѣчалъ удовлетворительно за себя и за васъ только, потому что и безъ требованныхъ отвѣтовъ дѣло мое рѣшено, и я получила свободу; но какъ видно, мусье Столбиковскій въ отвѣтахъ своихъ не позаботился обо мнѣ, то меня... ахъ, что я вытерпѣла!.. Фи! это Русскимъ только свойственно!.. Но, какъ бы ни было, я получила свободу и прибыла въ Москву. Знакомая, къ которой я была адресована, приняла меня и совѣтовала или итти въ домъ гувернанткою къ дѣтямъ, или опредѣлиться въ модный магазинъ. Я выбрала первое, но не была ни гдѣ принимаема, даже въ губерніи не желали меня взять, не надѣясь, чтобы я, по молодости, могла имѣть способности. Какъ они худо понимали меня! И такъ я вступила въ магазинъ. По характеру моему я любила быть видимою, дѣйствовать сама, а тутъ я увидѣла себя не выше какъ въ пятихъ. Кое-какъ, при помощи... принимавшаго во мнѣ участіе благодѣтельнаго человѣка, я собрала столько, что могла открыть этотъ легонькій магазинъ, и вотъ живу съ нуждою пополамъ. По малоизвѣстности не имѣю важныхъ заказовъ, а работаю пока на горничныхъ, да иногда счастье пошлетъ барыню изъ провинціи, ищущую дешевизны. Вы какъ поживали и что происходило съ вами, мон-шеръ? расскажите все подробно.»

Но я рассказалъ ей о себѣ только поверхностно; объяснилъ, что хлопочу о возвратѣ мнѣ имѣнія и затѣмъ живу въ Москвѣ.

«Прекрасно! сказала она подумавши и, взявъ уже меня за руку, продолжала: мы съ вами, мон-шеръ Столбиковъ, старые друзья; будемъ откровенны. Оба мы имѣемъ нужду въ занятіяхъ; придумаемъ же что нибудь такое, чтобы намъ общими трудами пріобрѣтать. Собравши, что съумѣемъ, раздѣлимся и пойдемъ каждый своею дорогою. У меня много прекрасныхъ, выгодныхъ плановъ, но произвести ихъ не могу, бывъ одинока, притомъ же дѣвица и такъ молода. Приходите ко мнѣ завтра утромъ, я буду свободна. Да непременно же приходите. Мы выберемъ вмѣстѣ, что выгоднѣе намъ, идти ли въ домъ для ученія дѣтей или здѣсь устроить заведеніе учебное или торговое, магазинъ и тому подобное. Только ужъ я отъ васъ не отстану — и при этомъ взяла меня уже за обѣ руки и прижимала къ груди. Будьте моимъ защитникомъ, руководителемъ...»

— Все это хорошо, мамзель Дороте! сказалъ я, смущаясь нѣсколько ласками и предложеніями ея; но я не завишу отъ себя; живя у Столбиковскаго, я долженъ... —

«Гдѣ же мусье Столбиковскій?» почти вскричала она.

— Здѣсь, въ Москвѣ... —

И моя дѣвка совсѣмъ измѣнилась!.. глазки ея еще больше засверкали, румянецъ даже изъ-подъ румянъ разлился по полнымъ, бѣленькимъ щочкамъ ея, и она, хватая меня за руки, просила, умоляла, заклинала меня, доставить ей спокойствіе, счастье... и чего только она не наговорила! — сказать Столбиковскому, что она здѣсь, въ крайности, и какъ-нибудь довести его, чтобы онъ повидался съ нею...

«Но онъ женатъ», сказалъ я, подозрѣвая намѣреніе ея.

— Что до этого! отвѣчала она: только бы увидѣлся со мной. Мнѣ ничего болѣе не нужно, какъ чтобы

онъ извлекъ меня изъ теперешней нужды, снабдилъ бы меня необходимымъ, чтобы достигнуть мнѣ извѣстности... Только скажите ему... у него такое доброе сердце... состояніе позволяетъ ему поддержать меня... Умоляю васъ, скажите ему обо мнѣ, и завтра приходите непременно рассказать мнѣ, что онъ скажетъ вамъ... О, какъ я буду вамъ благодарна! —

— Ахъ, нѣтъ! вскричала она, увидѣвъ мою записку; я уже не Доротея Филу. Фамилію эту унижилъ тотъ, что былъ моимъ отцомъ. Я взяла прозваніе матери моей и выбрала имя благозвучнѣе, нежели Доротея. На вывѣскѣ и вездѣ я пишу: «M-lle Amelie Echantillon. Это просто и мило, не правда ли? Идите же, мон-шеръ! не теряйте времени, дѣйствуйте въ пользу мою, съ которою и ваша нераздѣльна. Не удастся отъ мусье Столбиковскаго получить чего, то надобно придумывать другія средства. Завтра утромъ ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ. —

И я пошелъ отъ нея, давъ слово говорить съ Столбиковскимъ и завтра принести отвѣтъ.

Кузины моей не было дома, и я могъ свободно рассказать Столбиковскому о встрѣчѣ моей съ мамзель Дороте. Услышавъ, что она здѣсь, онъ-было смутился, потужилъ о ея горестныхъ приключеніяхъ и готовъ былъ замолчать; но когда я принялся описывать наружность и ловкость ея, и какъ она много перемѣнилась въ свой «авантажъ», то Столбиковскій задумался, ходилъ по комнатѣ, спросилъ адресъ ея, и когда услышалъ возвратившуюся и идущую прямо къ нему жену, строжайше наказывалъ мнѣ, не говорить ей ни слова о Дороте и магазинѣ ея.

Я исполнилъ въ точности приказаніе его и, оставаясь съ нею цѣлый вечеръ одинъ — потому что Столбиковскій уѣхалъ, сказавъ, что будетъ домой очень поздно — много пересказывалъ ей о видѣнномъ и замѣченномъ мною въ Москвѣ, чѣмъ смѣшилъ ее много; но о мамзель Дороте

те или объ Амаліи Ешантильонъ не намекнулъ ей ни полсловомъ.

Столбиковскій возвратился поздно, въ веселомъ расположеніи духа, и былъ необыкновенно ласковъ къ женѣ. Конечно, сдѣлавъ доброе дѣло, вспомошествовавъ несчастной сиротѣ, какъ мамзель Ешантильонъ, онъ былъ спокоенъ въ душѣ и веселъ. И самъ я, приведя на память, что былъ причиною ея спокойствія, а ему доставилъ случай сдѣлать благодѣяніе, чувствовалъ сердечное удовольствіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ-НАДЕСЯТЬ,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЮТСЯ УСЛУГИ МОИ
ПОДОБНО КАКЪ И ВЪ ПЕНСИОНѢ.

Утромъ, чтобъ итти къ мамзель Амаліи, я вырядился какъ можно лучше, надушился, и зашелъ къ Столбиковскому. Увидѣвъ меня съ такими претензіями на любезничанье — я ему пересказалъ все, бывшее у меня съ нею — онъ много хохоталъ и подшучивалъ надо мною, предсказывая мнѣ тысячи наслажденій. Натѣшившись, какъ покровитель надъ зависящимъ отъ него, онъ скавалъ мнѣ: «Хочешь ли, я познакомлю тебя съ премиленькою особою и гораздо интереснѣе твоей Амаліи, которой я не успѣлъ еще отыскать, да что-то и не чувствую большой охоты узнавать объ ней.»

Когда я изъявилъ желаніе и далъ, по требованію его, страшную клятву, что о существованіи красавицы не скажу никому въ свѣтѣ, а тѣмъ болѣе моей кузинѣ, тутъ онъ вручилъ мнѣ коробочку съ бриліантовыми серьгами и адресъ дома, куда я долженъ былъ поѣхать,

поздравить хозяйку отъ его имени съ добрымъ утромъ и вручить ей «эту бездѣлку», сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ: «Служи мнѣ, Петруша, по этой части вѣрно, какъ служилъ еще въ пенсіонѣ, и раскаяваться не будешь. Не годится въ этихъ дѣлахъ употреблять слугъ: они болтливы и такое порученіе возвысило бы ихъ; болѣе всѣхъ тебѣ идетъ исполнять мои порученія.»

— А супруга ваша? — сказалъ я, пораженный тѣмъ, что слышалъ.

«Она отнюдь не должна знать объ этой связи.»

— Но... —

«Но... ничего болѣе. Я люблю жену, предпочитаю ее всѣмъ, а это связь... такъ, временная, порядокъ, принятый въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Ступай же скорѣе; я доставляю тебѣ удовольствіе видѣть красавицу.»

Я поѣхалъ въ его каретѣ. Но, подумалъ я, услуживая другимъ, не должно забывать и своихъ выгодъ. Прежде заѣду туда, гдѣ ожидаютъ собственно меня и безъ бриліантовъ. Оправляя на себѣ фракъ и охорашиваясь, я приказалъ везти меня прежде къ мамзель Ешантильонъ.

Важно подъѣзжаю къ магазину съ маленькимъ тщеславіемъ, надѣясь пышностью экипажа поразить старую знакомую, знавшую меня въ черномъ тѣлѣ... Но что это?... Магазинъ запертъ, вывѣска снята... Спрашиваю въ сосѣднемъ магазинѣ, и тамъ мнѣ съ злобными насмѣшками рассказываютъ о необыкновенномъ счастьѣ этой пустой, ничего не значущей мамзель Ешантильонъ: пріѣхалъ-де такой-то баринъ и скоро увезъ ее съ собою, набравъ въ другихъ магазинахъ разныхъ для нея платьевъ, уборовъ, украшеній.

«Ага! подумалъ я, уѣзжая отъ осиротѣвшаго магазина; скрою однакожъ отъ Стодбиковскаго о случившемся: пусть и онъ испытаетъ, подобно мнѣ, неудачу.»

По данному адресу я остановился у великолѣпнаго дома, взшелъ по нарядной лѣстницѣ, и когда приказалъ встрѣтившему меня лакею доложить барынѣ, что я присланъ отъ г. Столбиковскаго, то меня тотчасъ ввели въ богато убранныя комнаты. Вездѣ блескъ, вкусъ... и все прелестно! Въ гостиную, гдѣ я ожидалъ выхода красавицы, выскочила милая служаночка съ увѣдомленіемъ, что госпожа ея еще въ постелѣ и не можетъ принять меня; а если что «братецъ барышни» прислалъ со мной, такъ можно передать черезъ нее.

Я извинился, что не могу этого сдѣлать и что готовъ ожидать госпожи или барышни ея, сколько угодно, лишь бы исполнить порученное.

Послѣ часоваго ожиданія входитъ... «Кого я вижу?.. Мамзель Эшантильонъ!» вскрикнулъ я невольно.

— Что вамъ угодно? — спросила она серьезнымъ голосомъ и съ гордостью смотря на меня.

«Я никакъ не полагалъ, что это вы!» сказалъ я, уже смущающійся отъ такого ея приѣма.

— Что вамъ препоручилъ братецъ вручить мнѣ? — спросила она еще суровѣйшимъ голосомъ.

«Братецъ? изумляясь болѣе и болѣе, спрашивалъ я; такъ вы и мнѣ сестрица, милая Амалія?»

— Вспомните, сударь, о различіи нашихъ положеній. Вы служите у него, а я... Но что вамъ поручено? Мнѣ нѣтъ времени заниматься съ вами. —

«Вы же сами вчера пригласили меня на сегодняшнее утро.»

— Ахъ, какъ вы несносны! уже вскрикнула она, и сморщила свою миленькую рожицу. Оставьте ваши неумѣстныя воспоминанія и помните, кто я и кто вы. Подайте, что прислано, или скажите, что вамъ поручено, да и оставьте меня; вы меня беспокоите. —

Отъ такого обращенія я потерялся совершенно и почтительно поднесъ ей подарокъ, надѣясь, что она, полю-

бовавшись имъ и уваживъ цѣнность его, станеть ко мнѣ снисходительнѣе и расскажетъ мнѣ о случившемся съ нею переворотѣ; но ничего не бывало. Безсовѣстная, почти вырвала изъ рукъ моихъ футляръ и, даже не раскрывъ его, не взглянувъ на серьги, сказала только: — А! — и тутъ же оборотясь и уходя къ себѣ, говорила мнѣ съ большимъ небреженіемъ: — скажите братцу, что я буду благодарить его лично. —

Прекрасно, размышлялъ я, возвращаясь отъ прелестной Амаліи. И это та же самая Амалія, которая вчера такъ униженно выпрашивала у меня, какъ благодѣянія, напомнить объ ней Столбиковскому; пригласившая меня на сегодняшнее утро, чтобы услышать отъ меня рѣшеніе участи своей; черезъ меня получившая все, не только чего желала, но о чемъ и помыслить не смѣла — и теперь она едва глядитъ на меня, тяготится говорить со мною и безпрестанно напоминаетъ о разности между мною и ею. Вотъ какъ счастье перемѣняетъ людей!

По возвращеніи моемъ Столбиковскій тотчасъ замѣтилъ мое огорченіе и принялся выпрашивать о причинѣ, и какова показалась мнѣ дама, которой былъ я рекомендованъ? Разсказавъ ему о моемъ удивленіи, какъ онъ такъ скоро устроилъ это дѣло и какъ изумило меня нечаянное свиданіе, я тутъ же разсказалъ и о сдѣланномъ мнѣ грубомъ приѣмѣ, высчиталъ всѣ мои одолженія и потому права на благодарность ея; сказалъ, что не хочу служить ему въ этомъ дѣлѣ, ни за-что не буду у нея болѣе, и не потаилъ, что не ручаюсь за себя, чтобы подъ часъ не разсказалъ жалкой кузинѣ, которую онъ такъ безсовѣстно обманываетъ.

Столбиковскій во первыхъ напомнилъ мнѣ мои клятвы, которыхъ я, какъ «благородный человѣкъ», никогда не долженъ нарушать, а потомъ объяснилъ и доказалъ, что будетъ со мною, если онъ меня оставитъ. Съ горестью въ душѣ я долженъ былъ согласиться съ

нимъ; расчелъ, сообразилъ все, и, обдумавъ здраво, далъ наконецъ согласіе и обѣщалъ быть такимъ же усерднымъ повѣреннымъ, какъ и въ пенсіонѣ, но съ условіемъ, чтобы мамзель Эшантильонъ принимала меня безъ гордости и, какъ повѣреннаго, прилично.

Онъ тотъ же часъ написалъ письмо къ сестрицѣ и, объяснивъ общую во мнѣ ихъ нужду, просилъ быть со мною «благопривѣтливѣе.»

Къ вечеру отнесъ я это письмо и, правда, былъ принятъ лучше, но все-таки мамзель Эшантильонъ старалась выдерживать свой тонъ и объяснила мнѣ: «Мы, то есть, особы, находящіяся въ моемъ положеніи, мы должны поддерживать честь своихъ обожателей. Какъ же мнѣ, ставъ тѣмъ, что и онъ, сближаться съ людьми и фамиліарничать съ зависящими отъ него? Иное дѣло наканунѣ, я была вамъ равна: но теперь... другое дѣло (съ большою важностью говорила она); я имъ облагорожена, сравнена въ достаткѣ; все его можетъ стать моимъ, если только захочу того; чѣмъ и поставлена выше не только противъ слугъ, данныхъ мнѣ имъ, но и противъ васъ, мой любезный! И что вы въ нашей связи? Переносите наши записки, доставляете отъ него бездѣлушки, какъ поутру; вы такъ служили намъ въ пенсіонѣ, слѣдовательно тотъ же слуга, именно слуга!»

— Хуже, гораздо хуже!—слыша такое сужденіе, подумалъ я, но сказать не смѣлъ. При такихъ ея убѣжденіяхъ чувствовалъ я, что сердце во мнѣ три раза переверотилось, и я краснѣлъ до ушей, воображая, что несу должность, которую и назвать стыжусь. Чего не сдѣлаетъ съ нами зависимость отъ обстоятельствъ! Въ прописи, по коей я у отца Филиппа учился писать, былъ стишокъ: «праздность есть мать всѣхъ пороковъ.» Не ошибка ли? Не «бѣдность» ли?...

«Потому-то, мой любезный, не обижайтесь, такъ продолжала она: такъ должно быть. Конечно, я вамъ

одождена, что вы сказали ему, что я здѣсь живу, слѣдовательно были причиною моего... спокойствія, за-то я и отличаю васъ. Я вамъ говорю: вы «любезный», но больше расточать ласкъ мнѣ и не слѣдуетъ; я должна остерегаться, чтобы не уронить его... Помиримся же и будемъ исполнять каждый свое. Миръ!» и съ симъ словомъ, бестія! протянула мнѣ руку...

До того я былъ смѣшанъ и огорченъ ея сужденіями, что — о стыдъ! — приложился къ ея ручкѣ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ повелительницы своей: такъ она заговорила меня красными словами.

И мы исполняли свои должности какъ нельзя лучше. Я каждый день привозилъ ей то уборы, то платья, шали, то галантерейныя и драгоценныя вещи, которыя Столбиковскій бралъ отъ жены, будто для залога въ ломбардъ до полученія изъ деревни денегъ. И чего-то я не перевозилъ къ ней?! Ахти-хти!

И она также хорошо вела свои дѣла. Принимала все, что ни привозилъ я, принимала безъ разсмотрѣнія, но со мною обращалась всегда одинаково, не сближаясь никакъ, держала меня въ благородной отъ себя дистанціи. Однажды только, когда я, по требованію ея, привезъ билетъ на ложу, она, принявъ его и оборотась къ служанкѣ, сказала: «Даша! если есть чай, поднеси ему.»

Ему! Каково?..

ГЛАВА ШЕСТАЯ-НАДЕСЯТЬ.

Приближался день 17 Сентября, именины жены Столбиковскаго и рожденія мамзель Эшантильонъ, такъ намъ, воспитанникамъ мусье Филу, памятный по усерднымъ

подаркамъ, подносимымъ нами тогда мамзель Дороте. Недѣли за двѣ до того, Столбиковскій, забравъ всѣ бриліанты у мамзель Эшантильонъ, съ совѣтомъ и по вкусу ея заказалъ сдѣлать изъ всѣхъ полный и одинаковый приборъ на голову, шею, грудь и руки. Работа должна быть кончена непременно 17-го поутру; я ничего впрочемъ не зналъ, для кого приготавлиются вещи, а болѣе полагалъ, что Столбиковскій, давъ бриліантами натѣшиться своей Амаліи, теперь отобралъ и готовитъ для жены сюрпризъ. Я судилъ по натуральному, какъ бы должно быть. Столбиковскій привезъ меня къ мастеру и поручилъ отдать вещи, когда я пріѣду за ними.

Наканунъ этого торжественнаго дня, утромъ, когда убирали волосы Столбиковскому, онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: «Петруша! пора тебѣ жениться. Я нашелъ тебѣ невѣсту со всѣми выгодами.»

— Покорнѣйше васъ благодарю, сказалъ я со всею искренностью. Это новое доказательство милостиваго вашего обо мнѣ попеченія. Какія выгоды доставить мнѣ невѣста? —

«Фофанъ! спроси прежде, кто невѣста, тогда поймешь всѣ выгоды отъ этого брака. Невѣста — мамзель Эшантильонъ. Дѣла мои кончились, жить болѣе не зачѣмъ и—правду сказать—не-чѣмъ. Не могу разорвать связи, соединившей насъ почти отъ дѣтства, но взять ее съ собою совершенно невозможно. Разстаться съ нею не могу; затоскуюсь, брошу домъ, жену и черезъ то боюсь разстроиться вовсе. Женись на ней завтра и, какъ родственницу, введи въ домъ нашъ. Она поѣдетъ съ нами, а ты, якобы для своихъ дѣлъ, останешься здѣсь пока. Потомъ, когда я кончу свои планы, переѣду сюда на службу одинъ, жена моя останется въ деревнѣ, подъ предлогомъ смотрѣть за хозяйствомъ, а твоя жена прежде меня выѣдетъ къ тебѣ. За эту услугу ты будешь получать отъ меня полное содержаніе; а если не выи-

граешь своего процесса, то для обезпеченія жены твоей съ семействомъ укрѣплю ей въ вѣчность имѣніе, что въ Новгород-Сѣверскомъ намѣстничествѣ. Амалія на все согласна. Согласенъ ли ты, а?»

Я остолбенѣлъ, слушая все это!... Чувствовалъ, что вся кровь приступила къ головѣ моей... Но я былъ бѣденъ... и видя отъ меня неприличныя благородному человѣку услуги, могли сдѣлать мнѣ такое предложеніе!.. Скрывъ жестокую обиду и нанесенное мнѣ чувствительное огорченіе, я сказалъ: — подумаю. —

«Какое подумаешь? Завтра такой день; надобно ознаменовать его устроеніемъ участи ея. Берегись по-противорѣчить. Быть можетъ, послѣ завтра выѣду. Мое дѣло кончено, а твое на половинѣ дороги; заупрямишься, тогда все испорчу.»

Когда же такъ, мысленно сказалъ я, и ты грозишь, такъ ни за что не соглашусь, и потомъ сказалъ, запинаясь: — Завтра скажу свое рѣшеніе. —

«Завтра... завтра! говорилъ онъ, перекривливая меня. Авось завтра поумнѣешь, дуралей!»

Подобныя прилагательныя богатый родственникъ мой, по праву покровительства, отпускалъ мнѣ съ щедростью.

Къ вечеру Столбиковскій поручалъ мнѣ: какъ-де онъ за разными дѣлами не могъ быть у мамзель Эшантильонъ, о чемъ и сказалъ ей, а теперь вспомнилъ, что нужно сдѣлать распоряженіе на счетъ празднованія именинъ ея, отвезти къ ней записку и непременно получить отвѣтъ.

Вѣря всему и не подозрѣвая ничего, я отправился къ прелестной Амаліи, воображая, какъ она, не видя у себя обожателя и отъ того крѣпко скучая, утѣшится по крайней мѣрѣ запискою отъ него. Спящій въ передней слуга пробормоталъ мнѣ, что «барышня тамъ.» Я вошелъ въ гостиную — нѣтъ никого; въ уборную... тѣфу ты про-

пасть, какая роскошь! Моя кузина и въ половину не имѣетъ такого убранства во всѣхъ своихъ комнатахъ, что здѣсь соединено въ одной! И какъ мамзель Амалія должна быть благодарна моему Столбиковскому, что такъ балуетъ, утѣшаетъ, лелѣетъ ее... Готовился еще о многомъ размышлять, какъ услышалъ за шкафомъ голосъ мамзель Эшантильонъ, разговаривающей съ кѣмъ-то необыкновенно ласково и нѣжно... мужской голосъ отвѣчаетъ ей такъ же... Осматриваюсь... въ комнатѣ одна дверь, въ которую я вошелъ, другаго выхода нѣтъ, а голоса раздаются точно за шкафомъ, стоящимъ у стѣны; сообщенія съ живущими за стѣною не могло быть. Стою-себѣ и додумываюсь... веселый разговоръ продолжается... хохочутъ... и вотъ звуки поцѣлуевъ...

Кровь ужасно кипѣла во мнѣ отъ воображенія, какою гнусною неблагодарностью платить эта тварь своему благодѣтелю, и я былъ въ нерѣшимости, что предпринять мнѣ, какъ вдругъ одна половинка дверецъ шкафа открывается... и вѣроломная Амалія выходитъ изъ шкафа въ самомъ полномъ дезабилье... оглянувшись, увидѣла меня, вскрикнула и помертвѣла.

Внѣ себя отъ сильнаго негодованія, я схватилъ ее за руку и тащилъ даже чрезъ гостиную... въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ я не помнилъ ничего и полагалъ возможнымъ въ такомъ видѣ дотащить ее до самаго дому Столбиковскаго... но она упала на полъ, и тутъ посыпались отъ меня на нее проклятія, упреки, ругательства...

Она стояла предо мною на колѣнахъ, плакала, винила себя, раскаивалась, умоляла меня простить, не открывать *слабости* ея Столбиковскому, кидалась къ ногамъ моимъ, ловила руки мои, чтобы цѣловать ихъ... но я былъ твердъ, какъ гранитная скала! Я не умолкалъ, браня ея, топалъ ногами и все то дѣлалъ, все то же чувствовалъ, какъ будто бы обида нанесена собственно мнѣ, и

наконецъ, выведенный изъ терпѣнія подлостью, низостью, лицемеріемъ ея, я вырвался отъ нея, крича неистово, что иду прямо къ Столбиковскому, расскажу ему все... Она рыдала, кликала меня, убѣждала возвратиться; но я былъ неумолимъ, неупросимъ...

Выскочивъ изъ дому, не помня ничего, я хотѣлъ бѣжать по улицѣ, чтобы скорѣе отыскать Столбиковскаго и поспѣшить рассказать ему о гнусной измѣнѣ, какъ увидѣлъ Лаврентія, камердинера его, прижавшагося къ стѣнѣ у другаго подъѣзда того же дома. Зная, что Лаврентій иначе не бываетъ въ городѣ, какъ съ самимъ бариномъ, я сообразилъ, что онъ здѣсь недалеко, и потому рѣшительно, указывая на верхъ, спросилъ: «здѣсь баринъ?»

— Да — едва отвѣчалъ мнѣ Лаврентій, и я, въ полной радости, что скоро увижу его и открою ему объ ужасной измѣнѣ, бросился по лѣстницѣ вверхъ.

Жажда скорого и лютаго мщенія до того обладала мною, что я не распозналъ, что вбѣжалъ въ чужой домъ... Пробѣгаю переднюю, не замѣчаю чужихъ лакеевъ и, идя скоро впередъ, то и дѣло твержу: «гдѣ баринъ?... гдѣ баринъ?»

— Здѣсь, здѣсь... пожалуйста сюда... баринъ на своей половинѣ... — кричалъ лакей, едва поспѣвающій итти за мною и почти насильно отвлекшій меня отъ комнатъ, куда я въ запальчивости хотѣлъ итти, и повелъ меня въ другую сторону.

Дѣло прошлое и мнѣ преувеличивать уже не къ чему; но, ей! по-чести говорю, я шелъ и не помнилъ себя, не видѣлъ ничего, окружающаго меня и встрѣчающагося мнѣ... передъ глазами моими точно вертѣлись два пылающіе шара, холодный потъ обливалъ меня, волосы мои поднялись и конечно каждый изъ нихъ шевелился, какъ у Макара Тимофеевича, моего почтеннаго опекуна.

«Что вамъ здѣсь надобно?»

Едва услышалъ я, что кто-то сказалъ и передъ собою могъ замѣтить кого-то стоящаго, то въ запальчивости моей сочтя его за Столбиковскаго, вскричалъ: «Вообразите...» Но, разпознавъ, что это не онъ, замолчалъ и съ протянутыми руками стоялъ какъ вкопанный, стараясь привести себѣ на память: для чего и зачѣмъ попалъ я въ незнакомое мѣсто...

«Кого вамъ здѣсь надобно?» спросилъ опять стоящій передо мною господинъ.

Стараясь привести память и мысли свои въ порядокъ, я нашелся немного и сказалъ: — Извините... мнѣ нужно г. Столбиковскаго... онъ здѣсь. —

«Какъ? онъ опять здѣсь? почти заревѣлъ господинъ, и послѣ случившагося онъ еще осмѣлился..?»

— Здѣсь, здѣсь, именно здѣсь! — началъ уже я кричать, воспламеняясь прежнимъ гнѣвомъ, къ чему имѣлъ достаточную причину: мнѣ бросился въ глаза шкафъ, точнехонько такой, чрезъ который проходила неблагодарная Амалія... По положенію комнатъ я расчелъ, что этотъ шкафъ служитъ дверью въ уборную мамзель Эшантильонъ... а тутъ же стоялъ и вѣроломный диванъ... Сообразивъ все, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и если не кричалъ, то говорилъ громко, не помня, гдѣ и у кого я: — здѣсь Столбиковскій, здѣсь. Не скрывайте его отъ меня; я все расскажу ему. Гдѣ онъ? ведите меня къ нему. —

«Гдѣ онъ, я догадываюсь, сказалъ господинъ; но я удивляюсь его дерзости, какъ онъ смѣлъ...» и, говоря это, онъ поспѣшалъ проходить чрезъ комнаты, а я за нимъ...

Когда же господинъ подошелъ къ одной двери и нашелъ ее запертою изнутри, то закричалъ страшнымъ голосомъ: «Отоприте, или я выломаю дверь... Я знаю что вы здѣсь... отоприте!..» Дверь не отворилась, но отъ сильнаго удара господина должна была растворить-

ся, и въ этой комнатѣ нашлись Столбиковскій и молоденькая барыня, оба испуганные, блѣдные какъ смерть.

Не знаю за что, господинъ, такъ неучтиво вошедшій въ эту комнату, тотчасъ началъ кричать жестоко на барыню, упрекалъ ее въ вѣроломствѣ, не разслушалъ за что, потому что я, оставя чужія дѣла, кричалъ Столбиковскому о вѣроломствѣ мамзель Эшантильонъ, о сдѣланномъ мною открытіи въ тождествѣ шкафа. Столбиковскій не очень внимательно меня слушалъ, онъ отвѣчалъ господину и оправдывался въ чемъ-то, оправдывалъ и молоденькую барыню, которая одна между нами не могла выговорить ни слова, тряслась, ломала руки и, кажется, готова провалиться бы сквозь землю.

Наконецъ Столбиковскій, кинувшій господину нѣсколько словъ, принялся спрашивать меня, зачѣмъ я здѣсь и что хочу ему сказать. Среди крика господина на барыню и по временамъ на Столбиковскаго, я успѣлъ пересказать объ открытомъ мною вѣроломствѣ Амаліи и явной уликѣ сообщника ея... И тутъ сцена переѣнилась... Молоденькая наша барыня какъ вскрикнетъ своимъ голоскомъ: «Что? какъ?» Да какъ напустится на господина, какъ начала съ своей стороны упрекать его за какое-то вѣроломство, какъ засыплетъ его словами, все отборно-жалкими, да при этомъ какъ заплачетъ, такъ нашъ господинъ, что такъ грозно вошелъ-было и такъ громко кричалъ, началъ утихать, утихать; наконецъ сталъ, въ свою очередь, блѣднѣть, руки ломать, почти на колѣна кидается, и только можетъ выговаривать: — «милая, прости!.. минутное заблужденіе... неоцѣненная, прости!..»

Столбиковскій, какъ будто обрадовавшись, что у господина съ барынею завязалась своя исторія, хотѣлъ идти со мною, чтобы мстить невѣрной своей, какъ наша молоденькая барыня, оставя мужа, напала на Столбиковскаго и начала засыпать его словами еще жалчѣе, чѣмъ доставалось мужу. Пришла очередь и Столбиковскому

блѣднѣть и руки ломать; въ оправданіе свое онъ силился что-то сказать и какъ будто хотѣлъ ссылаться на меня, чего я крѣпко испугавшись, поскорѣе ушелъ отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не очень весело было бы мнѣ, бывъ между ними, одному правымъ, противъ воли всѣ ихъ вины взять на себя и за нихъ отвѣчать передъ всѣми раздраженными. Пропадай ваша голова! говорилъ я самъ себѣ, вырвавшись изъ этого страннаго и шумнаго дома. За что у нихъ случилось, какое другъ другу сдѣлали вѣроломство, я не понимаю ничего. Я доволенъ тѣмъ, что достигъ главной цѣли своей: высказалъ Столбиковскому коварство Амаліи; онъ отберетъ у нея все, прогонитъ ее, возвратится къ своей милой женѣ, и они будутъ счастливы, не подозрѣвая даже, что всему я причиною. Какъ пріятно сдѣлать подобное дѣло!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ-НАДЕСЯТЬ

О томъ, какъ я поступилъ въ критическихъ моихъ обстоятельствахъ.

Придя утромъ къ Столбиковскому и поздравя его съ именинницею, я нашелъ его покойнымъ и веселымъ. «Съ чего тебѣ вздумалось вчера поднять такую тревогу? сказалъ онъ, смѣясь надо мною: ничего этого не было. Пошала Даша, горничная Амаліи. Можно ли только на нее и помыслить подобное? Кончивши всѣ исторіи съ Марьею Семеновною и разставшись съ нею навсегда, я зашелъ къ Амаліи, чтобы погонять ее хорошенько, какъ она встрѣтила меня хохоча и рассказала мнѣ, какъ ты Дашу принялъ за нее. Показывала мнѣ этотъ шкафъ, на который ты имѣлъ подозрѣніе. Шкафъ этотъ фальшивый и сквозь него не только пройти человѣку,

но и мухъ пролѣзть невозможно. Все это такъ чисто и ясно. Бѣдняжка наконецъ даже заплакала, что ты имѣешь о ней такія черныя мысли. Съ твоей стороны надобно все исправить.»

Слушая его, я только удивлялся, какъ плутовка успѣла такъ ловко обольстить его и, бывъ кругомъ виновата, своротила все съ себя и довела до того, что мнѣ же приходится просить у нея прощенія или рѣшиться на большее дурачество. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я, чѣмъ прикажетъ Столбиковскій исправлять мою вину предъ нею; но онъ къ успокоенію моему сказалъ: «Но о томъ послѣ; теперь поспѣши за вещами и доставь мнѣ. Я знаю, какъ уладить все дѣло.»

Изволите слышать, сказалъ: отдать именно ему.

Я-себѣ и поѣхалъ.

Когда я возвратился съ вещами, къ рѣчи пришлось сказать, чудесно обдѣланными, Столбиковскій былъ еще въ своей уборной. Раскрывъ всѣ ящики, торжественно вступаю въ комнату, гдѣ была и кухня моя. Столбиковскій, увидѣвъ бриліанты, мною выставленные, смѣшался, отъ досады и гнѣва покраснѣлъ... хотѣлъ прикрикнуть, но посоветился обнаружить истину... Жена же его, милая жена также поражена была видомъ бриліантовъ; но чувство, совсѣмъ противное мужнему, овладѣло ею. Радость, изумленіе, благодарность, нечаянность... все въ ней замѣтно было. Въ первую минуту она до того поражена была, что не знала, что дѣлать ей; наконецъ бросилась къ мужу на шею, цѣловала его, отирала слезы, смѣялась, лепетала несвязно благодарность за такой восхитительный сюрпризъ... «Я страдала душою, наконецъ говорила она, видя, что мы проживаемся и что часть бриліантовъ нашихъ пошла подъ залогъ; а ты, милый шалунчикъ, вотъ что напроказилъ! И сколько добавилъ камней! какъ это все прелестно, мило!... жизненочекъ мой!...» Съ сими словами бросилась она цѣловать его, а

онъ стоялъ неподвижно и крѣпко влился на такой неожиданный и весьма непріятный для него случай. Подумавъ немного, пустился на хитрости и сказалъ:

— Но знаешь ли, дружокъ! Камни вовсе не почищены. Отдай все это мнѣ; я свезу къ мастеру, прикажу вычистить и къ вечеру все будетъ готово. —

«Ни за что на свѣтѣ! вскричала она, прижимая вещи къ груди своей; ни за что не отдамъ. Сей же часъ убираюсь ими и двѣ недѣли буду въ нихъ ходить, пока совершенно натѣшусь.»

Столбиковскій въ видимой досадѣ ходилъ по комнатѣ, и когда жена не занималась имъ, онъ, проходя мимо меня, сказалъ мнѣ въ полголоса: «Дуралей! что ты надѣлалъ?»

Опять я безъ вины виноватъ.

Я пошелъ къ себѣ и видѣлъ Столбиковскаго, скоро послѣ того уѣзжающаго въ большой досадѣ.

Когда кузина вышла въ гостиную для пріема приглашенныхъ на праздникъ, я пришелъ къ ней и старался въ отборныхъ выраженіяхъ принести ей мое поздравленіе со днемъ ея ангела и пожелать ей всякаго благополучія, какъ она, къ удивленію моему, очень сухо приняла мои привѣтствія, даже съ неудовольствіемъ, и сказала сурово: «Господинъ Столбиковъ! мужъ мой очень недоволенъ вами; даже жаловался, что вы все, какъ будто съ умысломъ, дѣлаете противъ воли его и даже вопреки приказаній, вамъ данныхъ. Стыдно вамъ, очень непохвально! Онъ такъ много печется о пользахъ вашихъ, а вы платите ему неблагодарностью. Онъ не хочетъ видѣть васъ, а поручилъ мнѣ объявить вамъ, что если вы не согласитесь на послѣднее его предложеніе, такъ онъ болѣе знать не хочетъ васъ. Согласны ли?» спросила она меня съ сердцемъ, какъ будто требуя отъ меня согласія.

Бѣдненькая! И она же требуетъ, чтобы я согласился!

— Не могу, отвѣчалъ я, подумавъ; никакъ не могу. Если бы вы знали... —

«Я ничего знать не хочу. Мужъ запретилъ мнѣ входить въ подробности, а поручилъ настоять, чтобы вы согласились на требованіе его. Вы не уважаете даже моей просьбы, такъ оставьте меня и не приходите ко мнѣ, пока не исправите несносныхъ своихъ поступковъ. Вы очень заумничали. У насъ сегодня обѣдаютъ гости, вы останетесь у себя; къ намъ прошу не жаловаться.» Съ этими словами она ушла отъ меня, а я пошелъ къ себѣ.

Вотъ каковъ вѣкъ! размышлялъ я; но я не виню ее. Такъ ей внушено. То ли бы она мнѣ сказала, такъ ли бы обращалась со мною, если бы знала все дѣло въ сущности!

О старый, безпутный, безтолковый XVIII-й вѣкъ, развратный старичишка! сгинь твоя голова! Проходи быстрѣе и уноси съ собою даже память твоего характера! Уступи скорѣе мѣсто юному, прекрасному XIX-му столѣтію! При немъ люди сдѣлаются отличными отъ теперешнихъ. Будутъ умны, честны, добродѣтельны, въ супружествѣ вѣрны, въ обязанностяхъ постоянны... все, все пойдетъ иначе. О, приходи скорѣе желаемый XIX-й вѣкъ!..

Такъ размышлялъ я въ одиночествѣ, въ своей комнатѣ, когда наверху, въ залѣ, шумѣли и веселились гости. Слуги говорили мнѣ, что баринъ, т. е. Столбиковскій, возвратясь домой только къ самому обѣду, былъ очень невеселъ, нездоровъ или сердитъ на кого, неизвѣстно. Все торопилъ, чтобы обѣдъ скорѣе оканчивался.

ГЛАВА ОСЬМАЯ-НАДЕСЯТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ Я ЛИШИЛСЯ МИЛОСТЕЙ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВА РОДСТВЕННИКА МОЕГО.

Скоро послѣ обѣда разѣхались гости, и Столбиковскій позвалъ меня къ себѣ.

«Что ты надѣлалъ съ бриліантами, глупецъ! вскричалъ онъ при входѣ моемъ. Какъ можно поступить такъ глупо, выставить такой подарокъ на глаза женѣ! Необходимость заставила подарить ей.»

— Я не зналъ, для кого вы ихъ заказывали — отвѣчалъ я безъ робости.

«Не зналъ. Можно бы уже тебѣ понимать, что такихъ вещей не дарятъ женамъ. Ты не сегодня живешь въ свѣтѣ. Ты ужасъ какъ разстроилъ меня. Амалія, услышавъ отъ меня, кому достались бриліанты, для нея приготовленные, въ первомъ жару гнѣва взбѣсилась просто, разругала меня, перебила много дорогихъ вещей, даже хотѣла бѣжать къ женѣ, чтобы требовать у ней или даже отнять свои вещи. Она была ужасна! Сколько мнѣ было трудовъ, чтобы хотя нѣсколько успокоить ее. Я стоялъ на колѣнахъ, умолялъ ее и въ-силу могъ успокоить, поклявшись ей, что къ вечеру привезу тебя къ ней, обвиняю васъ и тутъ же выдамъ бумагу ей на имѣніе. Теперь же послушай, Петруша! бумаги я не могу выдать, все имѣніе въ залогъ; но ты, какъ мужъ, какъ повелитель своей супруги — прибавилъ онъ смѣясь — можешь убѣдить ее, чтобы она увѣрилась на мое обѣщаніе. Я же васъ точно не обману, даю въ томъ честное слово. Теперь принарядись, какъ должно къ вѣнцу, и поѣдемъ за невѣстою. Я буду у васъ посаженнымъ отцомъ.» При чемъ хохоталъ усердно.

— Ни за что въ свѣтѣ не поѣду! — собравши всю свою твердость, сказалъ я громко и рѣшительно.

«Какъ? закричалъ онъ требовательнымъ голосомъ. Какъ ты смѣешь не повиноваться мнѣ? Почему не хочешь жениться на ней?»

— Я, Столбиковъ, сказалъ я съ гордостью; а она...

«Она иностранка, Француженка; слѣдовательно она благороднѣе всѣхъ Столбиковыхъ на свѣтѣ. Ея красота, нравъ, достоинства, коими она обладаетъ, превышаетъ все.»

— Но... ея упражненія (я не придумалъ, какъ лучше выразиться)... не доставляютъ благородства... —

«Не забудь, что ты теперь нищій, а я тебя озолочу.»

— Теперь нищій, но придетъ время, и я буду имѣть возможность озолочивать другихъ; но каковъ бы я ни былъ, мнѣ не нужна ничья позолота: достоинства мои блещутъ сами собою. —

«Какая гордость! На грошъ аммуниціи, а на рубль амбиціи.»

— Точно такъ-съ. Никогда не забуду, чѣмъ я обязанъ роду своему. —

По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, походивши нѣсколько по комнатѣ и безпрестанно потирая лобъ: изъ состраданія ко мнѣ рѣшись на это. Ты не можешь обдумать, въ какомъ я крайнемъ положеніи! Услышавъ о моемъ отказѣ, она рѣшится на всѣ крайности и уже конечно прибѣжитъ къ женѣ моей и надѣлаетъ страшныхъ сценъ. Къ несчастью я не имѣю денегъ и не могу достать ихъ скоро, чтобы успокоить ее. Войди въ мое положеніе, спаси меня отъ крайней бѣды. Ты все это напроказилъ съ бриліантами, ты долженъ и поправить. Вспомни, Петруша, что я дѣлалъ и дѣлаю для тебя; ты

увидишь, что я сдѣлаю и впередъ, только выкупи меня теперь.»

— За все, что вы дѣлали и дѣлаете для меня, сказалъ я съ огорченіемъ, обижаясь упреками его, придетъ время, я вознагражу; а благодарность моя такъ велика, что я никогда не истреблю ее въ душѣ моей. Постигшей васъ теперешней бѣдѣ вы сами виноваты; но не мое дѣло объяснять вамъ. Исправлять же проступки ваши вѣчною себѣ погибелью я ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь. Съ голода умру, но не женюсь на ней — сказалъ я, возвысивъ голосъ.

«Такъ гинь же твоя голова!» закричалъ онъ съ страшнымъ сердцемъ, и топнулъ ногой. Отрекаюсь отъ тебя и знать не хочу. Ёду изъ Москвы, а тебя оставляю на произволъ судьбы. Вонъ даже изъ моего дома!» И при этомъ схватилъ меня за плечо и, оборотивъ къ дверямъ, почти вытолкнулъ изъ комнаты.

Я остановился въ раздумьѣ и, признаюсь, мнѣ стало жаль его, а особливо когда услышалъ его вскрикивающего самаго съ собою: «ахъ, Боже мой, Боже мой! не придумаю, что мнѣ дѣлать!...» Я колебался... Но вдругъ пришелъ мнѣ на память почтенный старикъ, дядюшка мой Лаврентій Степановичъ, старшій въ нашемъ родѣ, съ отличною тридцатилѣтнею службою его при герольдіи не у дѣлъ, въ продолженіе которой онъ ни разу не былъ штрафованъ, даже выговора не получилъ — и я его огорчу такъ сильно, унижу знаменитость рода нашего, не исполню его мудрыхъ мнѣ совѣтовъ?... Нѣтъ, ни за что! буду твердъ. И я съ твердостью пошелъ въ свою комнату, гдѣ и просидѣлъ одинъ весь вечеръ.

Часа черезъ два Столбиковскій поѣхалъ и — рассказывали лакеи — возвратился ужасно разсерженный, даже бѣшенный. Толкалъ всѣхъ, попадавшихъ ему на глаза, разбивалъ все, что попадало подъ руку, и, чего никогда не

бывало, ссорился съ женою и грубилъ ей. Поздо вечеромъ, все также встревоженный, поѣхалъ въ театръ.

Какая мнѣ нужда! думалъ я, слушая эти рассказы, самъ надѣлалъ глупостей, самъ и отвѣчай за нихъ, но меня не пошьешь въ дураки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ-НАДЕСЯТЬ,

въ которой описывается, почему я долженъ былъ выѣхать изъ Москвы.

На другое утро пробудила меня страшная суматоха въ домѣ. Таскали чемоданы, укладывали въ повозки, увязывали, готовили экипажи. Столбиковскій меня не спрашивалъ и я не смѣлъ итти къ нему, да и дворецкій не совѣтовалъ мнѣ. «По всему видно, говорилъ онъ, что баринъ на васъ крѣпко сердить. Возвратясь вчера въ большихъ сердцахъ, кромѣ того, что всѣмъ досталось, васъ ругалъ на всякомъ отдыхѣ. Потомъ какъ уѣхалъ, да и не изволилъ ночевать дома, а пріѣхалъ уже на разсвѣтѣ и привезъ съ собою какого-то молоденькаго, конечно, одѣтаго по-людски, только наврядъ! больно красивъ; называлъ Васинькой, а чуть ли то не Василиса какая. Не ложась почивать и не будя барыни, благимъ матомъ снарядилъ Лаврентія, камердинера, и отправилъ съ этою новою штукаю впередъ. Потомъ приказалъ живо убираться въ дорогу, распорядилъ, кому гдѣ сидѣть, а объ васъ ни словечкомъ не изволилъ вспомнить.»

Видимое дѣло, что онъ точно бросилъ меня, подумалъ я, и призадумался, какъ быть мнѣ въ Москвѣ, какъ въ лѣсу, безъ копейки денегъ?.. Чудесная мысль пришла мнѣ въ голову. Пойду-тка я къ мамзель Эшантильонъ. Она и я, оба въ одинакомъ положеніи. Бѣдствія и враговъ

сближаютъ, а мы съ ней скоро помиримся. О дѣланномъ мнѣ предложеніи я скажу, что и слышать не слышалъ; вотъ, она всю вину причтетъ тому же Столбиковскому и, не теряя надежды на бракъ, будетъ около меня ухаживать. Надъ приключеніемъ со шкафомъ я стану смѣяться, чѣмъ и поддѣлаюсь къ ней. Теперь же мы съ нею положеніями поравнялись. Она не откажетъ мнѣ въ пріютѣ и въ столѣ; ужъ конечно ей за все заплачено впередъ. Попируемъ на счетъ Столбиковскаго, за его здоровье, и равнодушно пожелаемъ ему новыхъ успѣховъ съ *Васинькою* и другими подобными. А между тѣмъ я приищу для мамзель Эшантильонъ новое, выгодное занятіе, а она позаботится обо мнѣ, а тамъ и процессъ мой придетъ къ концу. Рѣшено, иду къ ней.

Не пожелавъ уже и самъ видѣться и проститься съ Столбиковскими, такъ худо оцѣнившими усердіе мое, я пошелъ къ единственной въ теперешнемъ положеніи отрадѣ моей—мамзель Эшантильонъ. Прихожу, вхожу на знакомую лѣстницу, къ дверямъ... заперто!... Стучу изо всей силы, никто не выходитъ... Внизу отыскиваю дворника, и онъ мнѣ рассказываетъ вѣроломное приключеніе. «Вчера-де вечеромъ пріѣхалъ по ней съ повозками тотъ Нѣмецкій Англичанинъ, что безъ васъ пріѣзжалъ къ ней (о, вѣроломная! подумалъ я), ее-то взялъ съ собою, а вещи приказалъ своему Нѣмцу же уложить до послѣдней бездѣлушки. Ужъ было и мнѣ работы! Всякаго добра чортова пропасть, а тутъ по шеямъ гонять, укладывая да выноси. Не успѣли со двора съѣхать подводы, какъ вотъ и прибѣжалъ другой ея содержатель, вотъ вашъ-то. Какъ увидѣлъ, какъ разспросилъ, какъ хватить себя за волосы! И ну упрекать ее! Потомъ бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ словно сумасшедшій! Хватъ и нашелъ положенное письмецо и прочелъ. Плюнулъ въ него, бросилъ и снова принялся бѣгать, да и наткнись на ту дверь, что ты знаешь, въ шкапу, гдѣ жилъ подполковникъ,

третій, да какъ рванеть ее—какъ не бывала! И пустился анафемски проклинять ее... да ругалъ ругательски, ругалъ да и поѣхалъ-себѣ.»

Удивляться нечему, подумалъ я, и пошелъ, признаюсь, ужасно горюя и тревожась на счетъ моего будущаго. Последнее прибѣжище былъ мой повѣренный; но какъ ни видался я съ нимъ часто, но никогда не слыхалъ отъ него предложенія денегъ; теперь же, бывъ ужасно стѣсненъ, рѣшился поспѣшить къ нему, зная, что и онъ выѣзжаетъ вслѣдъ за Столбиковскими. Вотъ и пошелъ къ нему съ безпокойнымъ духомъ.

Засталъ его совсѣмъ на выѣздѣ. Я слегка объяснилъ ему, что брошенъ Столбиковскимъ и не имѣю ни копѣйки денегъ и ни уголка для пристанища.

«Да, Петръ Степановичъ, положеніе ваше плохо, сказалъ онъ мнѣ. Вы чѣмъ-то прогнѣвали Столбиковскаго и онъ объ васъ слышать не хочетъ. Я же, по моимъ обязанностямъ, долженъ ѣхать отсюда. Дѣло ваше остается, правда, безъ всякаго ходатая, но не безпокойтесь. Оно въ самомъ благопріятномъ для васъ положеніи. Всѣ гнусности вашего опекуна выведены мною со всею ясностью, но онъ новыми ябедами еще старается запутывать дѣло; справка по его показаніямъ забирается изъ намѣстничества. Вы не можете постигнуть, что, по нашему словарю, значитъ «справка»; ожидать ее не достанетъ вашего терпѣнія. Рано ли, поздно ли, все таки она получится. Къ чему же вамъ жить здѣсь? Вы не рождены ходить по дѣламъ, да оно и не нужно. Вотъ ваши сто двѣнадцать рублей, оставшихся отъ тысячи, данной для васъ намѣстникомъ. Что вы на нихъ можете сдѣлать? ровно ничего. Мой совѣтъ: поѣзжайте къ тетускѣ, которая, помните, навѣщала васъ въ малолѣтствѣ. Видимое дѣло, что она горячо любитъ васъ, когда изъ такой дали пріѣзжала къ вамъ и хлопотала о пользахъ вашихъ. Она будетъ рада вамъ, вы проживете у ней спокойно, а между тѣмъ

дѣло ваше рѣшится и вы получите значительное имѣніе. Процессъ проиграть вамъ невозможно. У насъ законъ сильнѣе крючкотворства и въ судилищахъ правда торжествуетъ. Прощайте, будьте благополучны.»

Мы обнялись и разстались.

По благоразумному совѣту повѣреннаго я рѣшился ѣхать къ тетушкѣ; для чего, приговоривъ извозчика довести меня до деревни ея, заѣхалъ на квартиру Столбиковскаго забрать оставленные тамъ вещи мои; но тутъ засталъ новую бѣду на себя.

Содержатель Петровскаго театра, Медоксъ, подалъ въ управу благочинія объявленіе, что такой-то Столбиковскій сманилъ изъ труппы его танцовщицу, съ намѣреніемъ увезти ее съ собою. Въ квартиру Столбиковскаго для обыска посланъ былъ квартальный. Столбиковскаго слѣдъ простылъ, но находились еще на лицо вещи Столбикова. Квартальный, видно не будучи силенъ въ разборѣ разницъ въ фамиліяхъ, приступалъ къ аресту моихъ вещей, какъ тутъ явился и я. Узнавъ, въ чемъ дѣло, я объяснился, что я не сманивалъ танцовщицы, «по неимѣнію въ ней надобности», да притомъ же я не Столбиковскій, а настоящій и урожденный Столбиковъ, что и доказалъ указомъ, даннымъ мнѣ объ отставкѣ. «Довольно ли вамъ того?» спросилъ я квартальнаго. — Оно конечно... но надобно-бы... — хотѣлъ что-то сказать квартальный.

Тутъ я, вспомнивъ, что и самъ служилъ по полицейской части, вынулъ изъ бумажника двадцати-пяти рублевую ассигнацію (въ намѣстническомъ городѣ можно было бы и меньше дать, но Москва столица, и я зналъ, что здѣсь на все курсъ столичный) и, поднося ему, спросилъ: «теперь могу ли ѣхать свободно?»

Квартальный, посмотрѣвъ на полученную бумажку и на тощій мой бумажникъ, сказалъ усердно: — поѣзжайте-себѣ. Благополучнаго пути! —

И я поѣхалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ ГОРЕСТНОЕ ПО- ЖИВАНІЕ ТЕТУШКИ МОЕЙ.

На худыхъ клячахъ, по дурной дорогѣ, съ большимъ трудомъ дотащился я до деревни тетушки моей, и вечеромъ подъѣхалъ къ крыльцу.

Домъ ея былъ большой, въ старинномъ вкусѣ, но какъ-то запущенъ и кое-гдѣ былъ похожъ на разрушающійся. Проѣзжая чрезъ деревню, я замѣтилъ бѣдность крестьянъ и явное вездѣ неустройство. «Непопечительна же тетушка о крестьянахъ», думалъ я.

Въ передней найдя людей, сидящихъ въ безпорядкѣ и не разсудившихъ доложить обо мнѣ, я вошелъ прямо въ залу. Сидѣвшіе въ кругу два мужчины съ нѣсколькими дамами и молоденькими дѣвицами обратились ко мнѣ, а женщины вскрикивали довольно громко: «ки э се, ки э се?»

Одинъ изъ мужчинъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ: «что вамъ здѣсь угодно?»

— Я тетушкинъ племянникъ, отвѣчалъ я, и пріѣхалъ засвидѣтельствовать ей мое почтеніе. —

Мущина, улыбнувшись, отошелъ отъ меня и сказалъ младшей изъ дѣвицъ: «Поди, Дуня, скажи ей, что пріѣхалъ родня ея; сойдетъ ли она сама сюда, или туда тащить его?» Дуня пошла неохотно.

Общество еще тѣснѣе сдѣлало свой кружокъ и, поглядывая на меня, начали говорить между собою и пересмѣивать меня.

Одна изъ дѣвицъ сказала другой, но такъ неосторожно, что я слышалъ все: «хочешь ли, я спрошу, не нарочно ли онъ подложилъ себѣ такое брюхо?»

Другая отвѣчала ей: — спроси; пожалуйста спроси. —

Ожидая отъ нихъ такой дерзости, я приготовился было къ рѣзкому отвѣту, какъ другой мужчина, подошедши ко мнѣ, спросилъ: «А между прочимъ, какъ ваша фамилія?»

— Столбиковъ—отвѣчалъ я холодно.

Едва только выговорилъ я, какъ всѣ захохотали... и тутъ пошли разныя изъясненія на мою фамилію. Признаюсь, я счелъ ихъ всѣхъ сумасшедшими, хотя они бѣгло говорили по-Французски. Я не постигалъ, какъ могла тетушка или дѣти ея имѣть у себя такихъ глупыхъ гостей. Насмѣшки не прерывались, и я стоялъ какъ на иголкахъ; какъ вотъ явилась Дуня и словомъ «идеть» уняла ихъ смѣхъ. Всѣ ушли поодаль, и одинъ изъ мужчинъ сказалъ; «Наступаетъ трогательная сцена... родственное свиданіе!...»

Я все стоялъ посреди комнаты и мысленно торжествовалъ, какъ они всѣ замолкнутъ и будутъ совѣститься предо мною, когда увидятъ пріемъ мнѣ отъ доброй тетушки. Я не понималъ, что это за люди, и почиталъ ихъ чужими въ домѣ.

Еще чрезъ нѣсколько времени вошла старушка слабая, блѣдная, сухонькая; она едва шла опираясь на трость. Я не узналъ въ ней тетушки, но полагая, что это должна быть она, пошелъ ей навстрѣчу, и, едва удерживаясь отъ радостныхъ слезъ, спросилъ ее: «узнаете ли вы меня?»

Долго она смотрѣла на меня еще прекрасными глазами своими, смотрѣла очень внимательно и наконецъ сказала: — нѣтъ, батюшка; не могу припомнить, гдѣ я видѣла васъ. —

«Я Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ, сынъ сестры вашей...»

— Петрушенька!.. золотой мой!.. — и съ сими словами выронила палку изъ рукъ и бросилась мнѣ на

шею, цѣлуя меня и приговаривая: — сынъ сестрицы... друга моего?... Сироточка!.. обними же меня еще!.. —

Я поддерживалъ ее, дрожащую всѣми членами, иначе она упала бы. Принявъ поцѣлуи и орошенный слезами ея, смѣшавшимися съ моими, такими же искренними — потому что тутъ вспомнилъ я все драгоцѣнное, потерянное мною: мать, любовь и ласки ея, милости тетушкины, коими наслаждался бы въ несчастномъ дѣтствѣ своемъ, если бы не злодѣйскіе поступки опекуна — я привелъ ее къ креслу, усадилъ, перецѣловалъ ручки ея и въ полнотѣ чувствъ бросился къ ногамъ ея и благодарилъ за доставленіе мнѣ неиспытаннаго мною счастья принимать ласки искренно любящей меня.

Отвѣчая на ласки ласками же, наконецъ тетушка обратилась къ находящимся въ сторонѣ и очень покойно сидящимъ особамъ и сказала имъ: «Дѣти! я такъ восхищена, такъ обрадована, что и забыла похвалиться передъ вами. Это сынъ сестры моей, мой племянникъ, братъ вамъ...»

Услыша, что это семейство тетушки моей, а не гости, я, забывъ совершенно все обращеніе ихъ со мною, со всѣмъ родственнымъ расположеніемъ обратился къ нимъ, все еще, и послѣ словъ матери, не измѣнившимъ своего положенія, какъ первый братецъ, къ которому бросился-было я съ объятіями, отступилъ отъ меня, подалъ мнѣ только руку и съ явною насмѣшкою началъ говорить: «Честь имѣю себя рекомендовать — вамъ, любезнѣйшій братецъ, сынъ сестрицы матери моей. Прошу меня удостоить добраго вашего расположенія и быть увѣреннымъ...»

Тутъ подбѣжалъ другой братецъ и, вырвавъ мою руку изъ рукъ брата, съ такою же насмѣшкою сталъ говорить: — Позвольте и мнѣ насладиться счастьемъ, познакомиться съ братцомъ, уже мною такъ много... —

Не могши болѣе переносить язвительныхъ ихъ насмѣшекъ, оказываемыхъ мнѣ такъ явно и въ присутствіи матери ихъ, я, вырвавъ руку, оставилъ ихъ и обратился къ сестрицамъ, надѣясь, какъ отъ женщинъ, если уже не искренности, такъ болѣе пристойности. Подошелъ къ первой изъ нихъ съ словомъ: «сестрица!» и хотѣлъ взять ея руку, какъ она, отдернувъ ее, спрятала за спину и, кивнувъ головою, сказала: «мое почтеніе!».. Я къ другой, также сказавъ: «не ужели и вы, сестрица...» Она поступила, какъ и первая, и сказала: «извините, я вамъ не сестра.»

— Петрушенька, другъ мой! ко мнѣ... — вскричала горько плачущая тетушка, простирая ко мнѣ изсохшія свои руки.

Съ презрѣніемъ оставилъ я ужасныхъ родныхъ своихъ и бросился къ тетушкѣ, къ удивленію моему, не такъ много удивляющейся происходившей предъ нею сценѣ, и не имѣющей власти сдѣлать своимъ дѣтямъ по крайней мѣрѣ замѣчаніе. Я мало жилъ еще на свѣтѣ и почти не зналъ его; слѣдовательно, эта сцена съ подробностями своими поражала меня.

Наградивъ меня за перенесенное мною самыми нѣжнѣйшими ласками, тетушка сказала, не въ видѣ приказанія, а какъ будто выпрашивая:

«А что же, дѣти! пріѣзжему гостю не подать ли чаю съ дороги?»

— Развѣ вы забыли, что чай уже давно отпили — сказала грубо одна изъ дѣвицъ.

«Можно бы, кажется, и приготовить», сказала тетушка тише-нежели въ пол-голоса, какъ будто боясь навлечь упреки за сказанное ею.

— Говори! — отвѣчала та же дѣвица, не умѣряя своего голоса и не считывая, что мать услышитъ.

— Пораженный до глубины сердца всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ мною и такъ необыкновеннымъ для ме-

ня, новичка, еще не осмотрѣвагося въ свѣтъ, я не могъ выдержать, зарыдалъ и бросился на грудь жестоко страдающей тетушки. Она не плакала, не была удивлена, но страдала жестоко. Она уподоблялась пронзенной уже неоднократно кинжаломъ и чувствовавшей, что въ свѣжей ранѣ вращаютъ орудіе, чтобы лютѣе чувствовала она боль, ей наносимую.

Видя ее такъ жестоко страдающею и невыносимо болящею душевно, я плакалъ какъ ребенокъ... я воображалъ, что стѣны дома падутъ на злодѣевъ, земля не захочетъ носить ихъ и пожретъ при насъ. Но домъ не падалъ, чтобы люди не бродили по свѣту въ развалинахъ, земля не разверзалась, чтобы не сдѣлать частыхъ провалинъ. Я, только одинъ я, не знавшій обязанностей дѣтей къ родителямъ, не имѣвшій ихъ въ тѣ дни, когда началъ разумѣть себя, не слышавшій никогда о долгѣ нашемъ къ родителямъ, я, по внутреннему какому-то голосу, во мнѣ вопіющему, находилъ, что эти дѣти смертно грѣшатъ, и что если бы я ихъ тутъ же всѣхъ передушилъ, то не отвѣчалъ бы ни предъ Богомъ, ни предъ совѣстью своею.

Тетушка, видя меня сильно за нее страдающимъ, только обнимала меня. Молчала, но молчаніе ея было краснорѣчиво. Ужасныя эти дѣти, кажется, совѣстились уже меня, слезами своими такъ явно и жестоко ихъ укоряющаго, и молча удалились въ свои комнаты...

Тетушка, тяжело вздохнувъ, сказала мнѣ: «Петрушенька! золотой мой!.. это еще ничего; то ли я вытерпываю!.. Отведи меня въ мою комнату; и мнѣ и тебѣ надобно отдохнуть.»

Только лишь я принялся помогать тетукѣ идти, какъ откуда взялись два служителя, старички; они взяли свою барыню подъ руки и почти внесли на лѣстницу и привели въ антресоли, гдѣ была ея комната...

Идучи за нею по лѣстницѣ, я слышалъ, какъ она говорила: «Сергѣй! послужи же мнѣ много: позаботься и попроси отъ меня повара, чтобы отпустилъ ко мнѣ, на верхъ, порядочную порцію ужина. Вѣдь онъ племянникъ мой, сынъ сестры, что знаешь...»

— Знаю, матушка, и очень знаю. Я ѣздилъ тогда съ вами, и все знаю. А объ ужинѣ не безпокойтесь, я на все пойду и все сдѣлаю, что должно...—

Изъ этого я заключилъ, что тетушка не имѣетъ никакой воли въ своемъ домѣ и, вмѣсто приказаній, просить слугъ своихъ, боясь, что они не послушаютъ ее въ угодность дѣтямъ ея. Бѣдныя дѣти!...

Тетушка, пришедши къ себѣ, бросилась въ постель, плакала горько и произносила тихо молитву. Сколько могъ я разслушать, она молилась, чтобы Богъ простилъ дѣтей ея и не взыскалъ бы за ихъ «неразуміе», какъ она называла ужасныя ихъ дѣйствія.

Во время бывшей тишины въ комнатѣ я замѣтилъ, что она одна только назначена ей: тутъ ея спальня, богомольная, уборная и пріемная, если только имѣетъ она кого принимать. Мебель старинная и, конечно, у старушки тутъ было все завѣтное, о многомъ напоминающее.

Призвавъ служащую ей женщину, однихъ лѣтъ съ нею, отрекомендовала меня; и та припомнила, какъ она съ госпожею была въ домѣ матушки и видѣла меня всего въ грязи, съ лицомъ, выпачканнымъ сажею. Поговоривъ о старинѣ, тетушка начала заботиться о томъ, гдѣ мнѣ ночевать?

«Не-што, матушка; пусть ляжетъ въ моей конуркѣ, а постель твою положу. Вѣдь господа-то не дадутъ другой и въ свои покои не пустятъ, коли это твой гость.»

До ужина тетушка слушала мои похождения, изъ которыхъ большую часть я утаилъ, чтобы не огорчить

еще болѣе старушки, и такъ, при каждомъ моемъ бѣдствіи, вскрикивающей: «о мой Петрушенька!.. о сестра моя!..» Выслушавъ все, она долго говорила мнѣ о матушкѣ моей, какъ онѣ были дружны съ издѣтства; какъ она, вышедъ замужъ, радовалась рожденію моему, какъ всегда въ письмахъ хвалила меня, мою понятливость, мой умъ... (таково сердце матери!) и—примолвила тетушка: «не пришлось ей радоваться такимъ сыномъ-молодцомъ!»

Благодаря старичку Сергѣю, позаботившемуся объ ужинѣ и даже принесшему въ карманѣ — «чтобы господа не видали», какъ говорилъ онъ, бутылку добраго вина, мы поужинали порядочно, и я легъ въ шкафъ, близъ комнаты тетушкиной, гдѣ было жилище служанки ея, и спалъ препокойно.

Проснувшись довольно поздно, я не могъ итти къ тетушкѣ, чтобы не прервать ея моленья; а внизъ я не сходилъ, чтобы не увидѣть изверговъ-дѣтей, и потому разговаривалъ съ женщиною тетушки; она мнѣ рассказывала о дѣтствѣ матушкиномъ, хвалила ея добрую душу, горевала о горькой участи госпожи своей и тому подобное, пока не позвала меня тетушка.

Послѣ завтрака она рассказала мнѣ необыкновенныя свои бѣдствія.

«Не успѣвъ испросить, чтобы тебя поручили мнѣ на воспитаніе, говорила она, а имѣніе отдали бы надежнѣйшему опекуну, подавъ вездѣ жалобы и просьбы, не скрывъ и того, какъ ты матушкино бюро узналъ у предводителя, и о многомъ тому подобномъ доведя до свѣдѣнія начальства и не получивъ удовлетворенія, я возвратилась домой, оплакивая твою участь и чтобъ, не зная того, приготовить себѣ вѣчное несчастье. Я занялась воспитаніемъ дѣтей и для образованія ихъ выписала учителя, Француза съ женою. Видя, что они занимаются дѣтьми непрерывно, я переносила всѣ ихъ

прихоти, исполняла всѣ капризы... Но вскорѣ замѣтила и слѣды отличнаго воспитанія: дѣти начали мнѣ говорить: «Ты, матушка; не правда, матушка; какой вздоръ ты говоришь», и много подобныхъ славностей, раздиравшихъ сердце мое. Сначала послѣ стола дѣти перестали подходить ко мнѣ, а потомъ по утру и ввечеру не говорили мнѣ обыкновенныхъ привѣтствій. Когда я упрекала дѣтей, Французы вступались за нихъ, говоря, что такъ принято во всей Франціи, и хвалили дѣтей, что они ведутъ себя какъ должно настоящимъ Французамъ.»

«Сыновей я отправила въ училище, а дочери оставались дома. Видя, что Французы развращаютъ ихъ все болѣе и болѣе, я, для отвращенія бѣды, согнала Французовъ... Но тутъ увидѣла горести, дочерьми мнѣ причиняемыя. Меня не слушали, не уважали... и когда я хотѣла показать власть свою надъ ними, то надо мною смѣялись, грубили мнѣ; уѣзжая противъ воли къ сосѣдямъ, тамъ оговаривали меня, жаловались, поносили...»

«Какъ вотъ возвратились и сынки. Учились плохо, служили безъ году недѣлю и, промотавъ все, что я имъ высылала, и надѣлавъ отъ себя долговъ, вышли въ отставку. Поживъ немного, начали жаловаться на скуку; находили, что имѣніе худо мною управляется, однимъ словомъ: потребовали, чтобы я передала имъ имѣніе. И я — конечно, глупо! — но какъ мать, собственное мое родовое имѣніе укрѣпила за дѣтьми своими, отказавшись отъ права когда-нибудь потребовать его обратно. Кредиторы ихъ и мои, у кого я занимала на ихъ же мотовство, явились ко мнѣ и объявили, что они сыновьямъ моимъ и пяти рублей не вѣрятъ, требовали отъ меня денегъ или новыхъ актовъ отъ моего имени. Дѣти отказали мнѣ въ деньгахъ, и я за ихъ долги выдала акты отъ себя.»

«Сынки мои не жили дома, и послѣ долговременной отлучки явился сперва одинъ съ женою, а потомъ

также и другой. Не только не попросили благословенія, но даже не извѣстили меня, что они женятся. Кто мои невѣстки и откуда, я долго не знала; нарочно не объявляли мнѣ. О именахъ ихъ я узнала на другой день отъ людей. Жены были подобны мужьямъ: меня вовсе не хотѣли знать, не уважали и даже мало говорили со мной. Почти принудили меня уступить мои комнаты; ограничили мою прислугу старою Лукерьею; отказываютъ мнѣ во всемъ, чего бы я ни спросила и даже хотя бы и просила. Грубости, досады, насмѣшки слышу отъ всѣхъ. Въ тюрьму мою, какъ я называю эту единственную мою комнату, никто изъ нихъ не ходитъ, хотя бы я и нездорова была. Не сойди внизъ, они по недѣлямъ меня не видятъ. Денегъ не даютъ мнѣ ни сколько и не хотятъ слышать о нуждахъ моихъ, только что поятъ да кормятъ... но уже какъ?.. О Боже! прости мои прегрѣшенія!.. Если бы не усердіе старыхъ слугъ, можетъ быть, истощась, давно бы я умерла; чего дѣти усердно желаютъ.»

«Кончились сроки моимъ долговымъ актамъ. Кредиторы требуютъ своихъ денегъ. Дѣти и думать не хотятъ объ уплатѣ долговъ моихъ. Кредиторы ихъ усовѣщиваютъ и говорятъ: «когда вы не хотите платить, а матушка ваша, за отдачею вамъ имѣнія, не имѣетъ ничего, такъ по закону ее слѣдуетъ заключить въ тюрьму.» — Какъ вы-себѣ съ нею хотите! — отвѣчаютъ дѣти, и ѣдутъ на охоту или къ сосѣдямъ.»

«Кредиторы лишаются своего, изъ челоуѣколюбія щадятъ меня; но тѣмъ тяжелѣе на совѣсти моей; къ собственному горю прибавилось и это мученіе, что я точно какъ ограбила благорасположенныхъ ко мнѣ людей.»

Я горько плакала вмѣстѣ съ тетушкою..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О томъ, на что я въ крайности долженъ
былъ рѣшиться.

«Здравствуй, предметъ нѣжнѣйшей моей страсти!»
Такъ перервалъ наши сѣтованія голосъ вошедшаго старичка, низкаго ростомъ, живаго и проворнаго не по лѣтамъ. Вошедъ въ комнату и быстро оглядѣвъ меня, онъ вскрикнулъ: «а это что за невидаль? Не соперникъ ли, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, вздумалъ увиваться? Давай его сюда! Еще недоставало, чтобъ за твои старыя прелести такіе славные молодцы перерѣзывали свои горла.»

— Пустое, батюшка; напрасно ревнуешь, отвѣчала тетушка съ сердечною улыбкою и утирая слезы, отъ горести ею пролитыя; это племянникъ мой...—

«Какой это? Я весь родъ и плодъ твой знаю, а этого красавца еще не видалъ. Не изъ Столбиковыхъ ли кто?»

— Точно; ты отгадалъ. Это сынъ сестры моей; полюби его, горькаго сироту, Дмитрій Ивановичъ! —

«Видишь ли, съ-разу узналъ. Видно сокола по полету», сказалъ онъ, и протянулъ ко мнѣ руку, внимательно смотря мнѣ въ глаза. Потомъ сказалъ: «Что, сударикъ? Опекунъ еще не закрѣпостилъ тебя за собою вмѣстѣ съ имѣніемъ? Ужъ кстати бы. По глазамъ вашимъ вижу, что вы, пересказывая другъ другу радости свои, восхищались до восхищенія.»

— Восхищались, батюшка, какъ и всякій день восхищаюсь. А тутъ, къ моему горю, племянникъ разсказалъ свое, такъ было чему восхищаться! —

«Ты своему горю сама виновата и кисни по дѣломъ. Предоставь мнѣ полную волю дѣйствовать, и я тебѣ влянусь, что не прошло бы трехъ дней, какъ прибѣжалъ бы капитанъ-исправникъ, поставилъ бы тебя опять хозяйкою и госпожею, какъ и была; молодцовъ твоихъ подвели бы подъ красную шапку, а сударушекъ-дочерей твоихъ заставили бы въ скромномъ мѣстѣ щипать перья для богадѣльныхъ старухъ. Благодаря Бога, Русскіе Цари умѣютъ истреблять язву людскую; кричите только, доводите до свѣдѣнія о бѣдахъ, у васъ являющихся. Пиши бумагу, давай руку, и слезы твои уймутся.»

— Опять ты, Дмитрій Ивановичъ, за старое. Поднимется ли у меня рука на мое рожденіе?.. Я мать!.. и отцу непростительно дѣйствовать противъ дѣтей своихъ... —

«Ты разсуждаешь подобно всѣмъ людямъ неблагомыслящимъ и вреднымъ для пользы отечества нашего. Человѣкъ, защищающій злодѣяніе и оправдывающій его, есть самъ злодѣй и врагъ рода человѣческаго. Худой сынъ, неуважающій родителей, пренебрегающій ихъ, оставляющій безъ пособія и призора въ болѣзни или старости, есть зловредная язва: онъ никогда не будетъ добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцемъ; откроется случай, онъ продастъ и предастъ ихъ для личной выгоды; своекорыстіе—душа, идолъ его. Онъ худой гражданинъ, опасный членъ въ обществѣ, гнилой сынъ отечества, богоотступникъ, не почитающій ничего святымъ, всему предпочитающій себя и выгоды свои. Это ясно: кто не почитаетъ, не уважаетъ ближайшей, непосредственной надъ нимъ власти, можетъ ли тотъ повиноваться власти, дѣйствующей на него чрезъ посредство другихъ властей? Неблагодарный родителямъ за дарованныя имъ первѣйшія блага: жизнь, званіе, воспитаніе, имущество, извѣстность въ обществѣ, будетъ ли онъ благодаренъ и при-

знателенъ къ той власти, которая по милосердому, божескому свойству своему, печется о неприкосновенности и ненарушеніи всего того, что дано ему одними только родителями? И потому такой сынъ, такое зло, должно быть немедленно исправляемо и, по мѣрѣ преувеличенія вины, наказываемо, уничтожаемо, чтобы слабый не подумалъ, что можно быть вреднымъ безнаказанно, а милосердый Творецъ не прогнѣвался бы за потворство злу. И потому похвально дѣлаютъ родители, вопія предъ закономъ о гнусныхъ дѣйствіяхъ дѣтей своихъ; они тушатъ искру, чтобъ не произвела пожара; напротивъ снисходительные къ порочнымъ дѣтямъ заслуживаютъ терпимыя ими бѣды...

— Заслужила и я свою бѣду, не обративъ вниманія на воспитаніе ихъ, а бывши причиною разврата ихъ и стѣсняемая ими, я рѣшилась переносить все... —

«Да ты переноси, плачь и терпи, по дѣломъ вору мука; но избавь общество отъ язвы, отъ соблазнительнаго примѣра другимъ. Подъ красную шапку, подъ красную шапку, когда у насъ нѣтъ ни висѣлицъ, ни костровъ для такихъ ужасныхъ людей.»

Много и очень много подобнаго говорилъ Дмитрій Ивановичъ и все убѣждалъ тетушку прибѣгнуть къ закону, чтобы обуздать ужасныхъ дѣтей ея. Но кроткая, снисходительная тетушка никакъ того не хотѣла, говоря, что она рѣшилась все переносить за грѣхи свои и чтобы не винили ее люди за погубленіе дѣтей своихъ.

«А не боишься, если тебя Богъ обвинить? вскрикнулъ Дмитрій Ивановичъ. Да и кто тебя обвинить? Люди, подобные дѣткамъ твоимъ и которые такъ же бы поступили—а можетъ и поступали — если бы были въ подобныхъ обстоятельствахъ.»

Споръ ихъ продолжался и во время обѣда, присланнаго намъ отъ дѣтей. Потомъ онъ спрашивалъ о

моемъ положеніи, которое отчасти извѣстно было ему по слуху. Я рассказалъ все.

Послѣ обѣда тетушка спросила совѣта у Дмитрія Ивановича, что мнѣ предпринять въ крайнемъ моемъ положеніи?

«Онъ, батюшка, безъ пріюта, безъ крова и безъ копѣйки денегъ. Видимое дѣло, что я не могу его держать у себя и дать ему хотя малѣйшую помощь. Родныхъ много, но опасно ему ввѣрить себя. Съ его характеромъ, съ его неопытностью, его оберутъ не хуже, какъ и опекуны обобрали его, да еще возьмутъ и бумагу, вѣдь онъ совершеннолѣтній, и пособить не можно будетъ. Чѣмъ ему жить, какъ содержать себя? Наставь его, батюшка, Дмитрій Ивановичъ!»

— Малой! подай мнѣ надворнаго совѣтника, не присовѣтуетъ ли онъ мнѣ чего — закричалъ Дмитрій Ивановичъ. И ему подали большую трубку съ чехломъ, сдѣланнымъ изъ кожи, въ видѣ треугольной шляпы, со всѣми принадлежностями.

Дмитрій Ивановичъ закурилъ трубку съ ужаснымъ табакомъ, но скоро отворилъ окно и сказалъ: — Не прогнѣвайся, обожаемая! Не могу курить другаго, кромѣ своего надворнаго совѣтника, такъ названнаго мною потому, что его курить должно только на дворѣ. Но чтобъ ты при своей слабой головѣ не свалилась отъ него, такъ я отворилъ окно. Покурю и подумаю о твоёмъ Петрушѣ. —

Куривши трубку, онъ дремалъ очень исправно.

Во время его дремоты тетушка рассказала мнѣ, что это близкій ея сосѣдъ, другъ былъ мужу ея, а теперь ей; совѣтникъ самый искренній; честныхъ, благородныхъ правилъ, ума здраваго, откровенень, и обращеніе всегда со всѣми ровное. Часто навѣщаетъ ее въ горѣ и всегда говоритъ одно и то же, что и теперь. Сначала объявилъ дѣтямъ тетушкинымъ, чтобы во время пріѣзда его

они не смѣли показываться ему на глаза, иначе онъ свернетъ имъ шею. Дѣти строго исполняютъ его приказъ.

Упавшая трубка изъ рукъ заснувшего Дмитрія Ивановича прервала нашъ разговоръ и разбудила его. Онъ зѣвнулъ громко, потянулся, протеръ глаза, всталъ и началъ ходить по комнатѣ, останавливаясь противъ меня и всегда разсматривая меня пристально. Потомъ сказалъ:

«Петруша! Твое дѣло справедливо и ты его выиграешь. Но на это надобно время, въ продолженіе котораго тебѣ должно ѣсть, пить, одѣться и не жить праздно. Имѣя такое полное здоровье, какъ у тебя, подавнѣемъ жить грѣшно. Воровать и грабить не совѣтую; худо награждаютъ за эти подвиги. Служить въ той или другой службѣ—напрасные хлопоты. Ни ты службѣ, ни служба тебѣ выгодъ не доставитъ; я уже вижу. Прожить иначе нельзя, какъ надобно трудиться. Иди въ управляющіе имѣніемъ. Я тебѣ найду теплое мѣстечко. Вижу, братъ, что управленіе хозяйствомъ для тебя тарабарская грамота; но я тебя упрячу туда, гдѣ большой мудрости не нужно и ты покойно проживешь до рѣшенія твоего дѣла. Напишу письмо, извозчикъ твой здѣсь, за бездѣлицу довезетъ тебя до мѣста, и ты заживешь припѣваючи. Ну, что вертишь головой, а?»

— Помилуйте! отвѣчалъ я съ негодованіемъ; какъ мнѣ итти во услуженіе, въ прикащики?.. Вѣдь я дворянинъ!.. —

«Охъ вы дворяне бездворные! вскричалъ онъ. Вотъ тутъ вы мнѣ сидите! Предки мои были бояре, воеводы средняго полка и правой руки, стольники, генералы, губернаторы, такъ какъ мнѣ унижать себя? Такъ говорите вы, а между тѣмъ что вы дѣлаете? Крестьянъ своихъ раззоряете, другъ друга обыгрываете, таскаете по судамъ, лишаете собственности; другъ друга злословите, лишаете добраго имени; женъ и дочерей развращаете; мужей, от-

цовъ обманываете; просителей обираете, бѣдныхъ утѣсняете, и чванитесь: «я-де-су янька, а на мнѣ красная шапка! Я дворянинъ отъ предковъ, какъ мнѣ быть въ зависимости у кого либо, не только мнѣ равнаго, но еще и ниже меня по происхожденію!» Тьфу! Пропадай ваша голова! Честнымъ образомъ содержать себя никогда не стыдно. Нашъ долгъ, священныи долгъ — служить ближнему, чѣмъ только можно: дѣломъ, совѣтомъ, наставленіемъ, руководствомъ. О томъ молю Бога ежедневно, чтобы имѣть къ тому случай, и если въ день удастся мнѣ хоть приказать стаканъ воды подать жаждущему или отсовѣтовать дѣлать что безполезное, то благодарю святой промыслъ Его о мнѣ.»

Много подобнаго еще такого говорилъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ; убѣждала и просила тетушка согласиться на предложеніе его... и я... наконецъ согласился быть... управляющимъ...

Управляющимъ!.. я?.. Впрочемъ мнѣ казалось, что быть управляющимъ честиѣе того, чѣмъ былъ я у Столбиковскаго...

Расположили, устроили, написали письмо къ помѣщицѣ, къ которой я долженъ явиться для занятія должности, договорили извозчика, простились со мною... Тетушка много плакала, а я обѣщалъ и ей, и въ душѣ моей: какъ скоро получу свое имѣніе, перевезти тетушку къ себѣ и доставить ей всѣ выгоды и во всѣхъ отношеніяхъ покойную жизнь.

Дмитрій Ивановичъ дѣлалъ мнѣ прекрасныя наставленія и желалъ мнѣ всякаго добра.

Когда я усаживался въ повозку, такъ сверху кричали мнѣ братцы и сестрицы: «прощайте, г. Столбиковъ!» другой кричалъ: «нѣтъ, г. Столбовъ!.. не такъ: г. Стоноговъ!» и много тому подобнаго.

Я не обращалъ на нихъ вниманія и выѣхалъ, вздохнувъ еще разъ о тетушкѣ, долженствующей жить съ такими извергами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О томъ, какъ я былъ управляющимъ у
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМѢЩИЦЫ.

Имѣніе помѣщицы, къ которой я былъ рекомендованъ, отстояло недалеко, и я пріѣхалъ туда гораздо до захожденія солнца. Домъ ея былъ небольшой, дворянской; но на дворѣ возвышалось строеніе обширное, половина котораго выстроена и обдѣлана была какъ должно, другая же половина не была даже покрыта.

Остановившись на экономическомъ дворѣ, я узналъ, что госпожа «въ училищѣ» и выйдетъ оттуда только къ ужину. Когда же нашли случай доложить ей, что пріѣхалъ-де кто-то съ письмами, она пришла въ домъ и приказала допустить меня.

Когда отданное мною ей письмо отъ Дмитрія Ивановича она читала, я разсматривалъ ее, и нашелъ, что она лѣтъ сорока, довольно пріятной наружности и, казалось, души доброй.

Прочитавъ письмо, она сказала мнѣ кроткимъ голосомъ: «очень рада, голубчикъ! (слово «голубчикъ» крѣпко пощекотало меня, но въ моемъ новомъ званіи надобно было все переносить и ко всему быть готовымъ) очень рада, голубчикъ, что буду имѣть у себя человѣка, рекомендованнаго Дмитріемъ Ивановичемъ. Прежде всего мнѣ хотѣлось бы знать, на какомъ положеніи будешь ты служить у меня?»

«Ты... служить...» О обстоятельства, обстоя-
тельства!

— Я долженъ управлять вашимъ имѣніемъ, от-
вѣчалъ я по наставленію Дмитрія Ивановича; и какъ
ваше имѣніе оброчное, то болѣе всего заботиться о сбо-
рѣ оброковъ. За это имѣть столъ, полное содержаніе и
«обращеніе» — примолвилъ я, возвысивъ голосъ на этомъ
словѣ — какъ слѣдуетъ благородному человѣку; а жалованья
800 рублей. —

«Восемь сотъ... рублей! сказала госпожа протяжно,
и потомъ, подумавъ, продолжала: хорошо, я согласна.
Теперь отдыхай, а завтра займись, голубчикъ, своею
должностью. Иди же въ контору, отдохни.»

Мало же подѣйствовало мое требованіе на прилич-
ное обращеніе!

Комнаты для меня показались приличными, но
ужинъ скуденъ.

Конторщикъ, писарь и прочіе чиновники, должен-
ствовавшіе зависѣть отъ меня, явились ко мнѣ и, къ уди-
вленію моему, хотѣли быть со мною фамиліарны; но моя
амбиція пробудилась, и я, удержавъ ихъ отъ короткости,
заставилъ обращаться со мною съ уваженіемъ. Они, же-
лая открыть мнѣ все и показать правила, по коимъ я
долженъ поступать, начали-было изъяснять о характерѣ
и наклонностяхъ госпожи своей; но я вспомнилъ наставле-
ніе Дмитрія Ивановича: «дѣлать свое дѣло, а въ чужое
не вмѣшиваться; служить своему господину со всѣмъ
усердіемъ, не разбирая, хорошъ ли онъ или дуренъ; и
еще: не позволять собственнымъ и наемнымъ людямъ
перетолковывать дѣйствія и намѣренія господъ своихъ.
Гдѣ умничанье, тамъ родятся пересуды, а тамъ и непо-
виновеніе, а отъ того и все зло.» И потому съ первыхъ
поръ запретилъ я имъ, чтобы не только мнѣ не пере-
сказывали ничего подобнаго, но и сами, не толкуя ниче-
го, дѣлали бы, что велятъ. Они обѣщали повиноваться.

«Нехудо быть управляющим! — размышлялъ я, легши въ постель. Комната довольно порядочная, содержаніе во всемъ безнужное, деньги будутъ, все слушаютъ, повинуются, я одинъ могу приказывать, всемъ повелѣвать... Правда, обращеніе госпожи со мною... Но я покажу ей, что я не обыкновенный управляющій. Что ни говори Дмитрій Ивановичъ, я все-таки природный дворянинъ.»

На другое утро я пересмотрѣлъ книги, вѣдомости, отчеты, и нашелъ, что весь порядокъ управленія состоитъ въ томъ, чтобы собирать оброкъ съ крестьянъ исправнѣе и поболѣе требовать денегъ отъ арендаторовъ, имѣющихъ на откупъ землю, мельницы и все заведенія. Деньги безсрочно вносились госпожѣ... Но вотъ что меня огорчило и изумило: безпрестанный заемъ денегъ; нѣкоторые векселя изъ-за сроковъ не уплачены, а по всемъ вообще проценты не платятся; имѣніе же заложено въ банкъ и ничего свободнаго нѣтъ. Барыня должна быть мотовка! подумалъ я — и пошелъ по ея призыву.

Послѣ первоначальныхъ разспросовъ о семь, о томъ, о хозяйствѣ, моихъ планахъ къ улучшенію его, она сказала, прибавляя вездѣ несносное для меня «голубчикъ».

«Изволишь видѣть, голубчикъ: человѣку надобно жить для вѣчности, надобно дѣлать по возможности ближнимъ добро. Милостину раздавать очень обыкновенно, и мы часто даемъ ее людямъ, не заслуживающимъ нашего состраданія: пьяницамъ, мерзавцамъ, мошенникамъ, негодаямъ, обманщикамъ, кои вездѣ намъ кучами попадаются. Я рѣшилась дѣлать существенное добро, и для этого не жалѣю себя и своей собственности. Я завела училище для дочерей, хотя и не вовсе бѣдныхъ дворянъ, но моихъ хорошихъ пріятелей, нужныхъ мнѣ людей, и такихъ, за коихъ просятъ меня начальники. Я предполагала имѣть

50 ученицъ, но строеніа не могла окончить; ужасно сколько требуется на окончаніе. Употребивши занятую въ банкѣ сумму, я едва могла выстроить и отдѣлать часть строенія, и открыла сперва для двѣнадцати дѣвицъ. Пріискала смотрительницу, мадамъ, договорила учителей ѣздить изъ города, давать уроки—и у меня все идетъ прекрасно! Дорогонько все это стоитъ, денегъ исходитъ гибель на содержаніе и жалованье, котораго нѣкоторымъ не могли уплатить, надавала векселей. Требуютъ и по нимъ.»

— Не лучше ли бы, сударыня, сказалъ я съ нѣкоторымъ опасеніемъ, на первый случай давая ей совѣты — прежде уплатить долги, кои, какъ я осмотрѣлъ, значительны и возрастаютъ отъ неплатежа, а потомъ уже, припасши капиталъ, привниматься за благое дѣло.—

«Добраго дѣла никогда не должно откладывать. Чѣмъ скорѣе начну я благотворить, хотя стѣсняя себя, тѣмъ я полезнѣе въ свѣтѣ и угодна Богу. Долги же мнѣ не страшны: мое имѣніе, конечно, не велико, но я имѣю многое въ виду. У меня два родныхъ брата; у одного одна дочь, хотя и здорова, но мы всѣ подъ Богомъ! вачахнетъ, умретъ, а братъ постарше меня, ужъ навѣрно не перенесетъ такой жестокой потери; вотъ наслѣдство и перейдетъ мнѣ, потому что у другаго брата хотя и три сына — здоровяки, Богъ съ ними! — но ужасно склонны къ военной жизни; ну, пошли на войну, тамъ имъ и аминь! Братъ и безъ того хворый; не долго ему, сердечному, горевать будетъ. Анъ тутъ отъ двухъ братьевъ мнѣ придется болѣе тысячи душъ. Тогда я во всей округѣ первая помѣщица! Когда же Богъ благословляетъ такимъ состояніемъ, такъ мнѣ, окаянной грѣшницѣ, и сидѣть сложа руки? Нѣтъ; я должна употребить его на дѣло, Богу угодное, пріятелямъ моимъ полезное...»

— Но пріятели ваши, статья можетъ, и сами могли бы воспитать своихъ дочерей? —

«Кто объ этомъ спорить, голубчикъ! Но я не имѣла бы случая оказать имъ услуги и не видѣла бы отъ нихъ такого почтенія къ себѣ и благодарности, какъ нынѣ. Они меня вездѣ превозносятъ и я во всемъ уѣздѣ слыву за женщину благотворительную, благоразумно употребляющую свое состояніе. При томъ же очень лестно, когда получаешь письмо отъ губернатора, аи еще и отъ самаго намѣстника, которымъ просятъ оказать благодѣяніе и принять дочь ихъ секретаря въ училище; такъ просьба просьбой, письмо письмомъ, а сладкія рѣчи улаживаютъ душу.»

— И по кончинѣ вашей много останется благодарныхъ — сказалъ я, желая поддѣлаться подъ ея мысли.

«Прошу меня, голубчикъ, не морить! сказала она, покраснѣвъ отъ досады. Я, взявшись за благотворительныя дѣла, вѣрю и надѣюсь, что Богъ меня помилуетъ и продлитъ жизнь, умножа мое состояніе для пользы ближнихъ моихъ. Я вижу, ты философъ, а я философіи не люблю. Занимайся-ка своимъ дѣломъ и доставляй мнѣ побольше денегъ; не воспрепятствуй мнѣ дѣлать благодѣянія.»

Получивъ первый урокъ, я пошелъ отъ нея и принялся со всѣмъ усердіемъ собирать ей денегъ. Къ неплатящимъ усилилъ требованія и настоянія; съ крестьянъ взыскивалъ, и даже доходилъ до угрозъ — и этими мѣрами достигъ того, что мѣсяца три моя благотворительная госпожа содержала въ порядкѣ свое училище, хотя учителямъ выдавала новыя заемныя бумаги, надѣясь по нимъ уплатить, когда повымрутъ всѣ ея родственники и она приберетъ къ себѣ оставшіяся послѣ нихъ имѣнія.

Наконецъ, когда уже отъ всѣхъ арендаторовъ собраны были арендныя суммы, оброкъ съ крестьянъ взятъ

впередъ, моей госпожѣ крѣпко понадобились деньги въ значительномъ числѣ: она открыла еще мѣсто на пять ученицъ, присланныхъ ей отъ предводителей, предсѣдатель и прочихъ при письмахъ въ самыхъ похвальныхъ ей выраженіяхъ. Новыхъ ученицъ надобно было окопировать, устроить все, для нихъ необходимое; нужны были деньги; потребовала отъ меня, а у меня не было никакихъ средствъ удовлетворить ее.

Призвавъ меня и исчисливъ всѣ свои благотворенія, начала упрекать, что во мнѣ нѣтъ и золотника человѣколюбія, когда я не даю ей средствъ дѣлать добрыхъ дѣлъ.

Я представилъ ей положеніе экономіи и показалъ отчеты.

«Такъ чтожъ, голубчикъ! Такъ это я должна воздухомъ питать благородныхъ дѣтей, взятыхъ мною на попеченіе? Нѣтъ, это не годится. Вотъ тебѣ средство: съ крестьянъ потребуй оброкъ за предбудущій годъ.»

— Чтобъ получить за текущій, я у нихъ обобралъ все и продалъ за безцѣнокъ... —

«Послѣднія крохи возьми, не останавливай моихъ благотвореній. Мужикъ, хамово колѣно, созданъ для работы; пріобрѣтетъ себѣ снова. А съ арендаторами вотъ какъ поступи: скажи каждому, что другіе надбавляютъ знатныя цѣны, вотъ они и наддадутъ.»

— Я не умѣю такъ поступать. Это противъ совѣсти. —

«Что тутъ до совѣсти, когда мнѣ деньги нужны? Вѣдь я не на прихоти ихъ требую, не на роскошь, не на мотовство, а на благотвореніе.»

— Благотвореніе должно производить, не стѣсняя и не обижая другихъ... —

«Ты, голубчикъ, опять за философію! вскричала она въ сильномъ гнѣвѣ. Такъ не надо же мнѣ

«Философовъ! Вонъ. Я была и безъ тебя и пробуду безъ твоихъ проповѣдей.»

— Очень охотно оставляю васъ; позвольте представить вамъ счетъ, сколько я долженъ получить отъ васъ за службу мою. —

«Представляй—и убирайся.»

Вышедши, я слышалъ, какъ она упрекала меня: «Вотъ выскочка! жалѣетъ глупыхъ мужиковъ, уважаетъ свою совѣсть, а не подумаетъ, какъ мнѣ безъ денегъ быть полезной ближнимъ!..»

Расчетъ мой былъ коротокъ. Жалованья мнѣ слѣдовало за четыре мѣсяца 266 рублей 66 копѣекъ. Написавъ это, я принесъ къ ней. У нея были гости. Двоюродная сестра ея съ мужемъ привезли дочь и просили, Христа ради, принять ее въ училище и тѣмъ облегчить ихъ. Они имѣли ограниченное состояніе, долги и восемь человѣкъ дѣтей.

Благотворительница отказала за тѣмъ, что она сгоритъ со стыда, когда ея племянница будетъ воспитываться вмѣстѣ съ дочерьми неимущихъ чиновниковъ; что она учредила училище не для родныхъ; да и къ чему въ ихъ мизерномъ состояніи ученая дочь, и къ чему у нихъ такъ много дѣтей... Наговоривъ подобныхъ грубостей и глупостей, она почти выслала родныхъ своихъ, а потомъ принялась за меня.

Начала укоризнами, что я такъ жаденъ къ деньгамъ, что и копѣйки поставилъ въ счетъ, не пожертвовавъ никогда ничего въ пользу ея училища. Потомъ написала простую росписку, что она должна мнѣ такую-то сумму и хотѣла отдѣлаться отъ меня.

Сколько я ни представлялъ ей, что это мое заслуженное, которое она должна прежде уплатить, а потомъ уже благотворить, что мнѣ нужны деньги, что это...

«Такъ вотъ Богъ, а вотъ и дверь! Ищи на меня.» И съ сими словами вывела меня за дверь и заперлась.

Сколько я ни посылалъ требованій, угрозъ, просьбъ о нужныхъ мнѣ деньгахъ, заслуженныхъ мною, она не смягчилась. Долженъ былъ выѣхать отъ нея безъ всего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я БЫЛЪ УПРАВЛЯЮЩИМЪ У БОГАТАГО ПОМѢЩИКА И ОТЛИЧНАГО ХОЗЯИНА.

Сестра благотворительной госпожи еще не выѣзжала изъ деревни, и мужъ ея прислалъ звать меня къ себѣ.

Познакомясь со мною и узнавъ о моихъ обстоятельствахъ, и что я лишенъ мѣста, онъ очень жалѣлъ, что первый мой опытъ въ новомъ званіи былъ такъ неудаченъ. «Впрочемъ, говорилъ онъ, для этого занятія нуженъ навыкъ и знаніе, чего вы, какъ я вижу, не успѣли еще пріобрѣсти. Не согласитесь ли вы занять мѣсто у богатаго помѣщика и отличнаго хозяина? Съ вами будутъ обращаться, какъ прилично съ благороднымъ человѣкомъ, вы будете получать полное содержаніе, а что всего для васъ выгоднѣе, вы узнаете все необходимое по хозяйству и нужныя свѣдѣнія для управляющаго. Послѣ этого мѣста, если внимательно будете проходить должность, вы въ состояніи будете управлять обширною волостью. Дѣло вотъ въ чемъ. Г. Богатонъ, помѣщикъ, подобно многимъ людямъ, имѣетъ слабость: не зная вовсе дѣла и не разумѣя его, почитаетъ себя великимъ хозяиномъ отъ того, что завелъ на все формы, какъ вѣдомостямъ, отчетамъ, книгамъ, такъ и докладамъ къ нему. По каждой хозяйственной части есть особый смотритель, получающій приказанія помѣщика чрезъ управляющаго, коего теперь у него нѣтъ;

онъ все отыскиваетъ благороднаго и чиновнаго, съ которымъ бы могъ непосредственно сближаться. Богатонъ имѣетъ странный предразсудокъ: собственнымъ людямъ, какія бы кто ни имѣлъ способности, не довѣряетъ и не поручаетъ ничего, а при каждой хозяйственной части у него все наемные и большею частью иностранцы, по свойственной націи способности. Конскимъ заводомъ управляетъ Англичанинъ; смотритель рогатаго скота Голландецъ, овецъ — Тиролецъ; смотритель лѣсовъ Нѣмецъ; псовою охотою распоряжаетъ Полякъ; дворецкій Французъ; капельмейстеръ изъ Вѣны; винокуръ Жидъ, онъ же имѣетъ на откупъ винную продажу въ имѣніи Богатона. Экономическою конторою управляетъ Малороссіянинъ; но это лице есть главнѣйшее во всемъ управленіи. Этотъ ужасный плутъ, будто слѣпо исполняя приказанія помѣщика, управляетъ и имъ и всѣми частными смотрителями. Съ нимъ Богатонъ никогда не разстанется: онъ получаетъ ничтожное жалованье, наблюдаетъ формы и изъ учрежденнаго Богатономъ порядка не выступить ни для кого на свѣтѣ.»

Описавъ мнѣ такъ подробно все, касающееся къ управленію Богатона, этотъ добрый господинъ наставилъ меня, какъ явиться къ Пантелею, конторщику, Малороссіянину; какія предложить ему условія, чтобы мѣсто управляющаго осталось за мною и я могъ бы надолго оставаться тамъ спокойно. «При чемъ совѣтую вамъ, примолвилъ онъ, замѣчать все, касающееся до веденія сельскаго хозяйства. Пантелей въ этомъ большой знатокъ: спрашивайте у него и записывайте; оно со временемъ пригодится для васъ.»

Съ благодарностью принявъ предложеніе новаго знакомаго и выслушавъ его совѣты и наставленія, я поѣхалъ въ имѣніе Богатона.

И въ маленькихъ деревушкахъ, и у ничтожныхъ помѣщиковъ, чего другаго нѣтъ — гумна, анбара, а «эконо-

мическая контора» всегда есть; тѣмъ болѣе въ такомъ значительномъ имѣніи она существовала. Красивый домикъ, съ необходимою вывѣскою, окруженъ былъ небольшими домиками смотрителей всѣхъ хозяйственныхъ частей. Я вошелъ въ контору и объявилъ о надобности видѣться съ конторщикомъ Пантелеемъ.

Ко мнѣ вышелъ человекъ лѣтъ 35-ти, въ своемъ народномъ костюмѣ; на лицѣ выражалась какая-то простота, добродушіе, но глаза были необыкновенные. Лишь только взглянулъ онъ на меня, то, казалось, однимъ мигомъ прозрѣлъ всего, понялъ меня, и зачѣмъ я здѣсь, и, кажется, расположилъ, какъ поступить со мною.

«Какая надобность вашего благородія?» спросилъ онъ меня, и уже собирался отвѣчать на мое предложеніе, еще не выслушанное имъ, но уже извѣстное ему.

Я просилъ его переговорить съ нимъ секретно — и онъ отвелъ меня въ другую комнату. Тутъ я, какъ наставленъ былъ, сказалъ, отъ кого присланъ, объяснилъ ему все дѣло прямо, просилъ исходатайствовать мнѣ у Богатона мѣсто управляющаго, руководствовать мною во всемъ, потому что я еще очень неопытенъ и если онъ исходатайствуетъ мнѣ жалованья тысячу рублей, то за наставленія его можетъ взять изъ него половину.

Во все время моего объясненія Пантелей внимательно смотрѣлъ на меня и проговаривалъ: «нута... извольте, что дальше... пожалуйста... онаго господина довольно знаю... они мои благодѣтели!...»

«Это бѣ то такъ, ваше благородіе, потомъ сказалъ онъ; какъ было въ нашемъ уѣздѣ, вскорѣ по открытіи намѣстничества. У насъ былъ судья, ничего несмыслящій — не къ вамъ рѣчь, ваше благородіе; я только такъ, ради примѣра, говорю — а секретарь у него имѣлъ всю силу и законы подводилъ. Секретарь оный все обрабатываетъ и напишетъ, а судья только подпишетъ; судья шла вся честь, а секретарю...»

— Доставался доходъ. Такъ будетъ и тебѣ — сказалъ я.

«Справедливо, ваше благородіе. Но осмѣливаюсь доложить: вы дѣло превратно понимаете. Нашему братику не слѣдъ обижать васъ изъ такого ничтожнаго жалованья, а лучше условимся такъ: когда ихъ высокоблагородіе соблаговолятъ по представленію моему опредѣлить ваше благородіе управляющимъ въ свою отчину и утвердятъ за вами оное жалованье, и ваше благородіе будете, по желанію вашему, дѣйствовать по моему наставленію и руководствоваться мизерными моими совѣтами, то я къ господскому жалованью осмѣливаюсь присоединить вамъ еще столько же единственно за то, чтобъ оное дѣло было между нами секретное. Я же отъ себя цѣлую горсть земли съѣмъ, что никому не выдамъ нашего условія и не порѣшусь ни на какое лукавство; буду чисто-сердечно служить вашему благородію, сохраняя притомъ и пользы ихъ высокоблагородія.»

И такъ мы въ короткихъ словахъ все положили на мѣрѣ. Къ моему удовольствію Пантелей полюбилъ меня, предложилъ мнѣ расположиться у него съ тѣмъ, что завтра представить меня помѣщику.

Бесѣдуя съ нимъ вечеромъ о всемъ, касающемся до новой моей должности, я спросилъ его, какія ему выгоды платить мнѣ еще отъ себя, сверхъ экономическаго жалованья?

«Охъ! великая мнѣ выгода предстоить отъ вашего благородія, такъ говорилъ онъ. Я, себѣ на бѣду, круглый сирота; нѣкому обо мнѣ стараться, долженъ своими трудами снискивать себѣ пропитаніе и пріобрѣтать нѣчто на оное время. Служить у ихъ высокоблагородія мнѣ очень лестно. Они по хозяйству ничего не изволятъ разумѣть, а любятъ заниматься и потщеславиться, что все у нихъ и отъ нихъ идетъ превосходно. Одно ихъ попеченіе — вѣдомости разсматривать и повѣрять.

Если показано будетъ доходу въ половину, въ четверть менѣ полученнаго, то ихъ высокоблагородіе не имѣютъ столько разсудку, чтобъ дойти до истины, и довольны вступившею къ нимъ суммою. Избави же Господь проступиться противъ данныхъ формъ, хотя бы въ бездѣлицѣ, тутъ такого дадутъ погоняя, что именно не знаешь, на какую ступить. Какъ же доходы по имѣнію пропастные, то и ихъ высокоблагородіе получаютъ отъ меня изрядное количество. Частные смотрители знаютъ все и, что хотятъ, показываютъ по вѣдомостямъ, внося мнѣ подлежащее. Все бы шло изрядно, но ихъ высокоблагородію давно мечтается имѣть управляющаго чиновнаго и благороднаго; а я боялся сего, опасаясь найти въ немъ сильнаго мнѣ противника, чрезъ что «оборвалась бы мнѣ нитка.» Въ васъ же я вижу человѣка, какого мнѣ надобно. Въ вашемъ благородіи душа, вижу, добрая и разсудокъ по насъ. Вотъ мы себѣ и заживемъ, пріобрѣтая нѣчто на оное время за труды наши.»

— Оно хорошо, Пантелей, но нечестно. Не лучше ли бы намъ получать больше жалованья, а всѣ доходы отдавать, по принадлежности, помѣщику. Они не наши, а его. —

«Чудно вы разсуждать изволите, ваше благородіе. Ихъ высокоблагородіе въ такихъ лѣтахъ, а еще безъ подружія; могутъ и скончаться безъ наслѣдія. Тогда выйдетъ, что мы трудились для иныхъ, кои намъ ничего не заплатятъ, и мы, сироты, какъ я и ваше благородіе, окажемся прослужившими втунѣ. Притомъ же я такъ мизернымъ своимъ умомъ разсуждаю: воля ихъ высокоблагородія съ нами на всякъ часъ; вдругъ отрѣшатъ и отпустятъ безо всего. Не будемъ же, ваше благородіе, дурни; будемъ готовы на всякъ часъ.»

Доказательства Пантелеевы мнѣ показались сильными, и я согласился слѣдовать во всемъ его совѣтамъ.

Утромъ мы предстали предъ Богатона. Пантелей униженно, подойдя на цыпочкахъ, началъ въ полголоса говорить помѣщику: «Объявились ихъ благородіе желающими въ управляющіе отчиною вашего высокоблагородія. Имѣются у нихъ бумаги чистыя и несомнительныя. Ихъ благородіе суть чиновные и урожденные дворянскаго шляхетства.»

— Такого намъ и надобно, сказалъ помѣщикъ, чтобы мнѣ не съ вами, мужиками, толковаться, а съ благороднымъ человѣкомъ. — Потомъ началъ спрашивать меня объ условіяхъ; скоро согласился на просимое мною жалованье тысячу рублей и полное содержаніе. Когда же я вызвался, что я въ управленіи имѣю большія свѣдѣнія, и могу усилить его доходы, то Богатонъ прервалъ меня и сказалъ: — По мнѣ, хотя бы вы первый разъ приступали къ хозяйству, это ничего. Прошу слушать моихъ распоряженій, и вы тогда согласитесь, что всѣ ваши доселѣ знанія и опытность суть ничто противъ моихъ. Доходовъ вы уже не можете усилить, потому что я получаю все, что можно, и половину имѣнія держу пари, если кто, самый бойкій управитель, дастъ рублемъ больше изъ-за моего распоряженія. —

Послѣ того г. Богатонъ распространился о всѣхъ частяхъ хозяйства и все основывалъ на томъ, что надобно каждой части вести особенную записку, означать прибыль и убыль, а безъ того ничего не будетъ.

Кончивъ дѣло, Богатонъ бесѣдовалъ со мною о постороннемъ, и все съ ласкою и вниманіемъ; потомъ отпустилъ меня, приказавъ все сдать мнѣ по вѣдомостямъ и помѣстить меня въ особомъ флигелѣ, назначенномъ для управляющаго.

Домикъ былъ веселый, чистенькій; прислуга, столъ и прочее — все мнѣ нравилось. И вотъ я началъ управлять обширнымъ имѣніемъ.

Прежде всего я — или лучше сказать, по наставленію Пантелея — приступилъ къ осмотру заведеній. Пантелей предварялъ смотрителя, что у него будетъ внезапный осмотръ; составлялъ ему вѣдомость, а мнѣ открывалъ, въ чемъ я долженъ найти фальшь, какъ повѣрять, пересматривать что, куда въ заведеніи заглянуть, что спросить къ личному обозрѣнію, въ какихъ выраженіяхъ сдѣлать выговоръ, какъ пригрозить, и прочее. Принявъ въ подробности наставленія, я отправлялся въ заведеніе, находилъ непорядки, кричалъ, шумѣлъ, посылалъ за конторщикомъ, выговаривалъ ему съ гнѣвомъ; тотъ унижался, извинялся... когда же я проговаривалъ все, что поручено было мнѣ Пантелеемъ, и я не зналъ, что больше говорить, тогда уходилъ изъ заведенія, твердя: «Хорошо; я знаю, какъ съ вами поступить. Я доложу г. Богатону.»

Слѣдствіемъ сего было то, что смотритель являлся прямо ко мнѣ и представлялъ росписку, что получилъ онъ изъ экономіи столько-то рублей на починку того-то. Деньги эти, само по себѣ разумѣется, шли въ мою пользу, и я, посовѣтовавъ смотрителю быть рачительнѣе, угостивши его, отпускалъ къ должности довольнымъ.

И вотъ прослылъ я знающимъ всѣ хозяйственныя части въ совершенствѣ, строгимъ, взыскательнымъ, но не желающимъ сдѣлать зла никому.

Пантелей уже не каждый день являлся къ помѣщику, и тогда г. Богатонъ говорилъ ему: «Что, какого управителя я пріискалъ, а? онъ не дастъ вамъ никому сплутовать и залѣниться.»

Пантелей въ полголоса осмѣливался докладывать, что-де ихъ благородіе очень строги, — и гдѣ бы ваше высокоблагородіе промолчали что, такъ ихъ благородіе не спускаютъ ничего, даже за копейкою вашего высокоблагородія трясутся, чтобъ не пропадала. —

«Такого вамъ и надобно», заключалъ помѣщикъ, и, приглашая меня, благодарилъ и во всемъ ласково обращался со мною.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ

О томъ, какъ я лишился доходнаго мѣста и всего, пріобрѣтеннаго мною.

Все шло какъ нельзя лучше. По наставленіямъ Пантелея узналъ я въ совершенствѣ полевые работы. Зналъ о времени, когда, для чего и какъ лучше должно пахать; научился распознавать сорта хлѣба въ зернѣ и въ полѣ; какъ снимать, убирать и хранить его, все зналъ до послѣдняго; составилъ всему записки, и могъ быть управляющимъ вездѣ. По всѣмъ частямъ слово мое, шепнутое Пантелеемъ, было законъ. Всѣ въ имѣніи меня уважали и боялись. Отъ помѣщика отдавалась честь, слава и благодарность. Я ему приносилъ доходныя деньги; столько ли или болѣе слѣдовало получить, помѣщикъ въ это не входилъ, и конечно, какъ и самъ г. управляющій, не зналъ; одинъ Пантелей вѣдалъ все.

И мои собственные дѣла шли очень хорошо. Кромѣ наставленій, что, когда, кому приказать, распорядить при какомъ случаѣ, Пантелей доставлялъ мнѣ изъ всего значительный доходъ. Жида, винокура и откупщика, мы обирали отлично: Іуда, поспоривъ, постоनावъ, вносилъ все, требуемое нами, и чтобы воротить свои убытки, разсирошлывалъ вино для бѣдныхъ жителей, сколько желалъ. Прочіе смотрители не забывали меня, для чего выпрашивалъ я имъ позволеніе починить строенія, умножить сараи, выписать машины, и всѣ мы, до помѣщика, получавшаго самый вѣрный отчетъ о издержанной сум-

мѣ, были довольны. Собственный свой участок Пантелей вносилъ исправно, и сверхъ того, не въ счетъ, были поздравленія съ новымъ годомъ, главными праздниками и днями именинъ и рожденія моего.

Счастливы должностные, у кого есть свой Пантелей!

Г. Богатонъ, не только отличалъ меня, но и тщеславился мною. Когда давалъ обѣды, всегда приглашалъ меня и рекомендовалъ гостямъ: «Это мой главноуправляющій по имѣнію, благородный человѣкъ, изъ лучшей дворянской фамиліи; хозяйство у него, по методѣ моей, идетъ отлично», и всѣ гости занимались мною и даже просили совѣта.

Съ нѣкотораго времени Пантелей началъ усиливать свои приношенія и уже не только праздники, но наблюдалъ даже новолунія, говоря, чтобъ деньги водились. «Я не знаю за что, говорилъ онъ, только полюбилъ васъ преотмѣнно.» Но вмѣстѣ съ такими доказательствами его любви Богатонъ началъ находить въ подаваемыхъ ему мною вѣдомостяхъ большія неисправности, а болѣе того невѣрности, и гдѣ же? на что онъ наибольше обращалъ вниманія — въ итогахъ.

Сначала дѣлаемы мнѣ были замѣчанія; когда все это не исправлялось, объявлялись выговоры, когда это была не моя вина, а, разумѣется, Пантелеева, и котораго я, подписывая каждую вѣдомость, убѣдительно просилъ соблюсти вѣрность, и онъ мнѣ всегда божился и клялся, что все вѣрно, а удивлялся, «отъ чего это ихъ высокоблагородіе стали находить справедливыя упущенія. Не одарилъ ли ихъ Богъ просвѣщеніемъ разсудка, или что?»

Но всѣ такія заключенія Пантелея не облегчали моего положенія, и наконецъ уже Богатонъ, находя и въ ежедневныхъ моихъ донесеніяхъ пропуски нѣкоторыхъ, ему извѣстныхъ, суммъ, кричалъ на меня безъ

всякаго уваженія, когда я, божусь, какъ честной чело-
вѣкъ, ни вступленія суммъ тѣхъ не зналъ и не могъ
находить неисправностей въ подаваемыхъ мною и за
моимъ подписаніемъ вѣдомостяхъ.

Какъ вдругъ, неожиданно, запечатано было все
мое имущество и самъ я арестованъ въ своей квартирѣ.
Скоро послѣ того открылось слѣдствіе надо мною, Панте-
леемъ и всѣми смотрителями. Самъ Богатонъ, въ силь-
номъ на насъ гнѣвѣ, началъ разыскивать о всѣхъ на-
шихъ злоупотребленіяхъ, изложенныхъ въ доносѣ, подав-
номъ ему отъ неподписавшагося лица. Первый я пови-
нился во всемъ, что получалъ отъ смотрителей и Панте-
лея, равно и объ утайкѣ господскихъ доходовъ. Пантелей,
весь въ слезахъ, палъ къ ногамъ помѣщика, винился,
но объявилъ, что «сихъ приношеній требовали отъ меня
ихъ благородіе», въ чемъ представлялъ свидѣтелями
Жида и Поляка, смотрителей; тѣ, мошенники, тутъ же
страшными клятвами подтвердили Пантелеевы слова;
а еще болѣе меня изумило, когда Пантелей представилъ
мною подписанныя требованія, сколько получить съ него
и съ каждаго смотрителя. Этого мало. Пантелей предста-
вилъ черновыя вѣдомости за все время моего управленія,
подписанныя мною съ отмѣтками, сколько утаить изъ
доходовъ въ пользу мою...

Хоть сейчасъ убейте меня, а я именно не помню,
когда я этакую кабалу подписалъ на себя. Конечно,
Пантелей принесетъ, бывало, кипу бумагъ къ подписи,
куда мнѣ ихъ прочесть и что бы я изъ нихъ вычиталъ?
ровно ничего; то я и подмахивалъ ихъ, не зная, что
подписываю на свою бѣду.

Кончилось это слѣдствіе на томъ, что меня и всѣхъ
смотрителей отрѣшили отъ мѣстъ; всѣ заведенія, по
проекту Пантелея, найдено выгоднѣйшимъ поручить
одному управляющему имѣніемъ, которымъ назначенъ,
за отличное усердіе, Пантелей. Все, мною приобрѣтенное,

какъ жалованье, такъ и всѣ приношенія, найденныя въ значительной суммѣ и въ цѣлости, поручено Пантелею, отыскавъ донощика, отдать ему. Открылось послѣ, что донощикомъ-то былъ самъ же Пантелей, съ умысломъ, для большей улики, дарившій меня предъ развязкою значительными суммами. Бестія! словно въ сундукъ клалъ, чтобъ вѣрнѣе оттуда вынуть.

Каковъ же мошенникъ? а притворялся добродушнымъ, усерднымъ. Конечно, Пантелей зло, но отъ нихъ избавиться нельзя. Многіе, не имѣя при себѣ Пантелея, не могутъ занимать должностей.

Кончилось на томъ, что я «яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего», обобранный, лишенный всего, вышелъ изъ деревни Богатона безъ копѣйки денегъ и даже безъ трости, которую Жидъ-винокуръ въ 40 копѣйкахъ, насчитанныхъ имъ на меня, удержалъ, потому что она была камышевая съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Ахъ, въ какомъ жалкомъ видѣ и съ какою горестью шелъ я по дорогѣ, одинъ, не зная, гдѣ приклонить голову, а еще болѣе, гдѣ и какъ найти кусокъ хлѣба, въ которомъ я тогда крѣпко нуждался!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ МЕНЯ, КЪ МОЕМУ ОБРАДОВАНІЮ,
НЕ ПРИНЯЛИ КЪ ДОЛЖНОСТИ.

Въ такихъ горестныхъ размышленіяхъ, бредя путемъ дорогою, завидѣлъ я село довольно значительное и направилъ къ нему путь свой, надѣясь у жителей его, уже не за деньги, но за Христово имя получить обѣдъ.

Первый прошенный мною о томъ крестьянинъ отказалъ мнѣ по причинѣ бѣдности своей отъ раззоренія

помѣщика, и вовсе лишилъ меня надежды найти гдѣ нибудь помощь, потому что всѣ крестьяне раззорены и всѣ одинаково бѣдны.

«Какъ ты думаешь, не пойти ли мнѣ къ самому барину?» спросилъ я, видя какія-то лачуги, напоминающія, что тамъ жили когда-то господа.

— Какъ волишь! Только наврядъ ли! —

«Или къ управляющему?... Гдѣ онъ у васъ живетъ?..»

— У насъ управляющаго нѣтъ; самъ баринъ за всѣмъ смотритъ. —

«Управляющаго нѣтъ! подумалъ я; авось нуженъ. Пойду на удачу.»

Вошедши во дворъ, заросшій высокою травою, я по дорожкѣ, едва протоптанной, добрался до дома съ высокою, полуразвалившеюся крышею ставни, или только куски отъ нихъ, закрывали всѣ окна. На развалившемся и безъ нѣкоторыхъ уже ступенекъ крыльцѣ сидѣлъ старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ, въ сертукѣ, на коемъ и заплаты были всѣ истерты и изорваны; каковъ же самый сертукъ долженъ быть! Старикъ былъ босой, и старый женскій башмакъ чинилъ нитками, конечно приготавливая себѣ обувь на мокрое время.

Все видимое мною не предвѣщало мнѣ ничего добраго, но я, не теряя надежды, отозвался къ старику.

Онъ, сердечный, крѣпко испугался, увидѣвъ передъ собою незнакомаго человѣка, и засыпалъ меня разспросами: кто я, откуда, зачѣмъ сюда пришелъ, по какой надобности и тому подобное. Не открываясь ему въ своихъ намѣреніяхъ, я только сказалъ, что мнѣ необходимо видѣть его господина.

«Извольте, вотъ въ калитку, итти въ садъ, и прямо по дорожкѣ дойдете до бесѣдки. Или тамъ найдете барина, или онъ скоро туда придетъ. Только для вашей

же пользы прошу васъ, пожалуста не трогайте ничего въ саду, ни одного яблочка.»

Я вошелъ въ садъ и затворилъ за собою калитку. Садъ былъ дикій, заросшій весь травою. Яблонныя и другія деревья, обремененныя плодами, разсѣяны были по всему саду. По единственной протоптанной дорожкѣ, не боясь заблудиться, пришелъ я къ шалашу, сдѣланному изъ камыша; подлѣ шалаша стояла полусогнившая скамейка.

Не бесѣдка ли это? подумалъ я, и, скрывшись въ густомъ кусту калины, рассматривалъ все, видимое мною.

Старикъ, въ такой же точно ливреѣ, какъ и Швейцаръ, ходилъ между деревьями, осматривалъ висящія на деревьяхъ яблоки, поднималъ упавшія и сносилъ въ шалашъ, зарубливая каждое на длинной хворостинѣ.

Не видя при немъ никого больше, только лишь я хотѣлъ вытти изъ своего убѣжища и разговориться съ старикомъ, какъ услышалъ голосъ между деревьями: «Филька!.. Мальчикъ!.. Филька!» и тутъ же показался старичишка сухой, блѣдный, въ весьма длинномъ, широкомъ и изношенномъ сертукѣ, при двухъ-трехъ пуговицахъ; на головѣ колпакъ, къ которому прицѣпленъ кожаный козырекъ. Старикъ останавливается предъ каждою яблонью, палкою пересчитываетъ яблоки на ней и, вынимая изъ кармана тетрадку, повѣряетъ, продолжая звать: «Мальчикъ! Филька! Бѣги сюда скорѣ!»

Другой старикъ, онъ же и мальчикъ, онъ же и Филька, оставя свою работу, едва передвигая ноги, отвѣтилъ: — Сейчасъ, сударь, бѣгу. — И въ силу притащился къ нему.

«Кто здѣсь былъ въ саду? А? — спросилъ онъ рѣзкимъ голосомъ.

— Молодой баринъ, сударь — отвѣчалъ семидесятилѣтній мальчикъ.

«Ка—а—къ?... Молодой баринъ? Такъ у тебя уже два барина?... А я уже видно старый, негодный баринъ?... Что ты меня рядишь въ старики? Видно желаешь, чтобы я скорѣе умеръ, что-ли?»

— Помилуйте, сударь; я этого никому не говорю, а такъ называю для различія.—

«А какъ ты смѣешь дѣлать противъ меня различіе? Я, я одинъ баринъ вашъ былъ, есть и буду; а онъ только сынъ мой, не больше; мальчикъ, какъ и ты здѣсь при садѣ.»

— Для насъ, все же онъ баринъ таки. Вотъ и при покойномъ дѣдушкѣ вашемъ, я тогда былъ буфетчикомъ, покойника батюшку вашего мы всегда называли молодымъ бариномъ...—

«Ты тогда былъ еще глупый мальчишка! Ну, теперь скажи мнѣ: гдѣ вонъ тамъ съ яблони, что подъ № 40, гдѣ два яблока? да вотъ съ № 5 три? Куда дѣвались? Говори, признайся! Скушалъ, или продалъ кому, и за сколько?»

— Я этого, сударь, не смѣю дѣлать. Вотъ мой счетъ, — и вынесъ изъ шалаша длинную хворостину съ отмѣтками и яблоки въ рукѣ, и, показывая барину, объяснялся: — Вотъ сударь; на первой было 53 яблока, два упало, осталось пятьдесятъ одно.—

Баринъ, повѣривъ съ своею запискою, сказалъ: «Такъ; такъ гдѣ же упавшіе?»

Филька подалъ, и онъ, разсмотрѣвъ внимательно, сказалъ: «Такъ, такъ; это они.» И тутъ же разрѣзавъ яблоки пополамъ, отдалъ ихъ Филькѣ, говоря: «вотъ такъ лучше, чтобы не подмѣнилъ. Возьми и снижи на нитку, и вывѣсь на солнце, чтобы привяли. Цѣлы ли у тебя прежде вяленныя? у меня всѣмъ имъ счетъ ведется.»

— Всѣ доединого цѣлы; берегу какъ глаза, чтобы и за нихъ не отвѣчать, сказалъ Филька съ нѣкоторымъ торжествомъ, зная свою аккуратность.

Баринъ записалъ въ свою тетрадку, приговаривая:
«Снизано еще два яблока, то есть, четыре половинки
Ну, теперь съ 5-го № гдѣ три яблока?»

— Вотъ, сударь, два упавшіе. —

«Два; а третье гдѣ?»

— Виновать, сударь, не досмотрѣлъ. Али оно еще
гнилѣе этихъ было, такъ упавши и разсыпалось. —

Тутъ баринъ запылалъ гнѣвомъ: — Какъ? пропало?
Что, ты разорить меня хочешь?.. Для чего же ты не
досмотрѣлъ?.. То было лучшее, такъ ты его продалъ?
О разбойникъ, душегубецъ! Вѣрно имѣешь злой умыселъ
противъ меня? Сначала яблоко продашь; понравится
имѣть свои денжонки, такъ пустишься и далѣе, да и все-
го меня обокрадешь.»

— Помилуйте, сударь! Въ мои ли лѣта за дрянное
яблоко душу свою продать? Я служилъ еще и дѣдушкѣ
и батюшкѣ вашимъ, да вотъ и вамъ сколько лѣтъ служу;
и хотя у васъ до сихъ поръ все мальчикъ, но мнѣ уже
подъ семьдесятъ лѣтъ. Подумаю ли я... —

«Да, смотри вамъ въ зубы!.. Но это зло надобно
предупредить и тебя проучить. Слушай! Не ходи сего-
дня въ застольную. Безъ обѣда тебѣ.»

— Помилуйте, сударь! Я и вчера со всею дворнею
цѣлый день были на одномъ хлѣбѣ и водѣ... —

«Такъ чтожъ? Все же не сидѣли голодомъ. Хлѣбъ
и вода! А развѣ бездѣлица? Иной въ иной день и того
не имѣетъ. Вчера былъ такой день; по моимъ запискамъ
означено, что вчерашняго числа скончалась моя двою-
родная бабушка. Такъ въ такой горькій для меня день
и для памяти ея не ужели вамъ позволить бражничать?»

— По крайней мѣрѣ сегодня позволили бы намъ
чѣмъ нибудь подкрѣпиться... —

«Какъ не такъ! Подкрѣпиться! А за что? Сегодня
вы всѣ безъ обѣда. Ключникъ заумничалъ и вмѣсто на-
значенной чечевицы выдалъ гороху. Чечевицы онъ не

далъ, а гороху я не даю; не умничай. Кучеръ не далъ водовозу лошади затѣмъ, что больна, а водовозъ вздумалъ на себѣ носить воду; не умничай оба—оба безъ обѣда. Варюшина Матрѣшка, отъ вѣтренности, вздумала разводить щепками огонь для утюга—безъ обѣда. Не ужели же для тебя и Ваньки тратить дрова, провизию и жечь горшки къ моему раззоренію? Да ты же вотъ и провинился, а Ванька вѣрно провинится.»

Тутъ подошла къ нему дѣвушка лѣтъ 17-ти, довольно миловидная, но худая и блѣдная, конечно отъ такой же діеты, какъ и дворовые люди. Одѣта же она была въ платье, сшитое изъ оконныхъ гардинъ; что-то клетчатое, разноцвѣтное, полинялое.

«Ахъ, батюшка!» сказала она, поцѣловавъ почтительно руку у отца, не ужели человѣкъ не долженъ обѣдать за то, что яблоко сгнило на деревѣ?»

— Какъ бы только сгнило, отвѣчалъ онъ: но оно упало и пропало до того, что его и не сыщешь. Да это его плутни! онъ его продалъ или съѣлъ. Всѣ меня раззоряютъ! Вчера самъ видѣлъ зазженную цѣлую сальную свѣчу, когда у меня собрано пуда два огарковъ. И кто зажегъ? Виноватаго не нашелъ. Сегодня твоя Матрѣшка вздумала разводить огонь... Вездѣ убытки, вездѣ раззореніе! —

«Батюшка! сказала дочь умоляющимъ голосомъ: это мнѣ нужно было разгладить вотъ это платье.»

А на что его гладить? Оно очень хорошо и безъ глаженья. Отъ частаго глаженья изотрется платье, угараетъ желѣзо на утюгѣ, переводъ щепкамъ, перегаръ печкѣ.»

Дѣвушка, увидѣвши подходящаго молодого человѣка, начала напѣвать тоненькимъ голоскомъ пѣсенку и стала удаляться отъ отца.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, въ сержантскомъ изношенномъ мундирѣ. Подойдя къ отцу, онъ почтительно поцѣловалъ руку его.

«Митя! сказалъ отецъ: зачѣмъ ты таскаешься по саду? Зачѣмъ ты приходишь сюда?»

— Я приходилъ, батюшка, такъ отвѣчалъ Митя, доложить вамъ, что мой ротной командиръ присылалъ ко мнѣ, чтобы я непременно завтра явился въ роту. Намъ перемѣнены квартиры, и мы вмѣсто 15-ти, будемъ стоять отъ васъ верстъ за сорокъ.—

«Такъ что же, Митя? Поѣзжай, поспѣши. Нашъ обѣдъ еще не скоро, а 15 верстъ не легко переѣхать. Военная служба требуетъ аккуратности и строго взыскиваетъ за неисправность. Поспѣши, дружокъ! повторялъ отецъ съ змѣиною ласкою въ глазахъ. Приказалъ ли заложить лошадь?»

— Но вы знаете, батюшка, что я отпущенъ къ вамъ для обмундировки и безъ того не могу явиться! —

«Что жъ, мой милый! Вѣдь я не портной, чтобы тебя обшивать. Въ ротѣ сошьютъ тебѣ все и не испортятъ; а если что и не такъ, то съ нихъ можно удобнѣе взыскать.»

— Было бы изъ чего шить! Мнѣ нужны деньги, о коихъ я васъ просилъ. Пожалуйста мнѣ ихъ, и я сей же часъ полечу въ полкъ.—

«Сколько тебѣ ихъ надобно? спрашивалъ отецъ, улыбаясь. Я сказалъ тебѣ, чтобы ты рассчиталъ.»

— Я и прежде говорилъ, что мнѣ на самое необходимое, безъ чего новому прапорщику явиться въ полкъ нельзя, нужно по крайней мѣрѣ тысячу рублей.—

«Ты... ся... чу ру... у... блей! вскричалъ старикъ, задыхаясь отъ горести и изумленія. Что ты, Митя? И выговорить вдругъ этакой пропасти денегъ невозможно, не то чтобъ издержать!.. Вѣдь въ тысячѣ рубляхъ однихъ рублей такъ тысяча ровно!.. Ты... ся... ча! Уфъ! Начни-ка считать: одинъ, два, три, четыре... Куда! сколько времени надобно пересчитать этакую сумму!..»

Волосы дыбомъ становятся, выговаривая этотъ страшный счетъ.»

— Кто же мнѣ поможетъ, какъ не вы батюшка? —
«И то правда! Правда твоя, другъ мой, дитя сердца моего! Я обязанъ помочь тебѣ, это долгъ мой, и для того... дамъ тебѣ...»

Митя ожидаетъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ конца фразы.

«Дамъ тебѣ, продолжаетъ отецъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ: дамъ тебѣ... полезный совѣтъ. Во первыхъ обдумаемъ: не можно ли, въ крайности, обдѣлать этотъ же мундиръ на офицерскій? Знаешь: выворотить его, вычистить, выстопать...»

— Что это вы, батюшка! почти вскричалъ Митя, забывшись отъ ошибки въ своемъ ожиданіи. И сукно не офицерское, и я уже изъ него выросъ. Теперь требуется, чтобы мундиръ сидѣлъ покойно. —

«Вотъ то-то и есть, что вы, военные, за франтовствомъ не видите пользы своихъ! Какъ бы употребляли солдатское сукно, такъ и въ сраженіяхъ вы не были бы такъ замѣтны, и васъ бы не убивали. При томъ же военный человѣкъ обрекается на всякую тѣсноту и безпокойство, такъ бы и мундиры дѣлать поуже, покорооче и потѣснѣе. Ну, ужъ когда нечего дѣлать, такъ я тебѣ... изволь! подарю... еще покойнаго твоего дѣда... плащъ зеленаго цвѣта и преширокій. Вотъ у тебя, мой милый, выйдетъ изъ него двѣ мундирныя пары: одна парадная, а другая ежедневная. Лишнее же сукно можно продать, да на прикладъ употребить.»

— Этотъ плащъ, весь съѣденный молью? Да онъ не подходитъ и подъ цвѣтъ! —

«Ну, что моль съѣла, то можно на фурашку употребить или пуговицы обтянуть; въ твоёмъ хозяйствѣ все пригодится. А что не подходитъ подъ цвѣтъ, такъ

«не всяко лыко въ строку!» За то будешь, мой милый, между всѣми офицерами отличный.»

— Сохрани меня Богъ отъ такого отличія! Но, батюшка, возвращаюсь къ прежней матеріи. Сдѣлайте мнѣ милость, поддержите меня теперь, при моемъ производствѣ. Я у васъ уже очень не скоро буду просить. Дайте мнѣ способъ явиться въ полкъ обмундированнымъ: я начну службу въ новомъ званіи, пріобрѣту вниманіе начальства. Безъ вашей же помощи я близокъ потерять все то, что успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе полутора года сержантской службы моей! —

«То-то, мой миленькій! Надобно правду говорить: ты не умѣлъ меня слушать. Помнишь ли, какъ я не совѣтовалъ тебѣ итти въ военную службу? Я тебѣ все представлялъ: и недостатки мои, и требованія начальства, и отвѣтственность, и взысканія. Теперь ходилъ бы, какъ еще и мальчишкою былъ, въ фризовой шинелѣ или донашивалъ твоего дѣдушки, а моего отца сертуки, подобно мнѣ; и на твой вѣкъ стало бы ихъ, потому что покойникъ, не знаю для чего, запасся ими. Мертвый капиталъ! То-то молодость, не умѣете прежде обдумать! Но я, какъ нѣжный, сердобольный отецъ, дарю тебѣ... полный, широкій, суконный плащъ.»

— Кромѣ мундира мнѣ нужно еще много кое-чего другаго. —

«Эхъ, неопытность! на все надобна сноровка. Вотъ, изъ товарищей иной заболѣетъ, иной подъ арестъ попадетъ, иной въ отпускъ уѣдетъ, ты и выпроси поносить: у кого каску, шпагу, шарфъ и что нужно. А какъ станешь получать жалованье, такъ и самъ все купишь у выходящихъ въ отставку. Хоть и поношенное, но дешевое.»

— Ахъ, батюшка! оставимъ такъ разсуждать... — сказалъ сынъ, вздохнувши.

«Оставимъ, оставимъ, дружочекъ! перервалъ отецъ, ухватясь за это слово. Тебѣ вѣдь не-когда, тебѣ должно спѣшить въ роту. При другомъ свиданіи поговоримъ объ этомъ. Обѣдъ нашъ еще не скоро. Прощай! Засвидѣтельствуй мое душевное почтеніе капитану своему и благодари за производство...»

— Но безъ денегъ не лѣзя мнѣ явиться... Не долженъ ли вамъ кто на близкій срокъ? Предоставьте мнѣ получить. —

«Да; этакъ можно. У меня есть вексель на триста рублей, а съ процентами наберется требуемая сумма, потому что уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ онъ просроченъ.»

— И вы до сихъ поръ не представляли ко взысканію? —

«Изъ состраданія, мой другъ!.. боялся нанести себѣ новые убытки за бумагу и на подарки. Должникъ же мой отговаривался, что якобы уплатилъ весь долгъ и якобы имѣетъ мою росписку въ томъ; но я могу присягнуть, что росписка подписана не мною. Должникъ между тѣмъ умеръ, имѣнія не осталось, такъ я изъ челоуколюбія отложилъ дѣло—пока. Изволь, возьми этотъ вексель и получай деньги. Вотъ, поздравляю тебя и обмундированнымъ. Теперь прощай!»

— На это, батюшка, я не могу согласиться. Не можете ли вы мнѣ сдѣлать милости, позволивъ занять? —

«Занять?! сказалъ отецъ съ ужасомъ... потомъ впалъ въ размышленіе, и вдругъ вскричалъ весело: «Занять?.. Скажи мнѣ положительно: сколько тебѣ нужно на отличную обмундировку и чтобъ во всемъ окопироваться? Расчитывай, чтобы на все на все достало; я для тебя ничего не пожалѣю.»

— Порядочная обмундировка и снабженіе всѣмъ необходимымъ, потому что я рѣшительно ничего не имѣю, требуетъ тысячи полторы. —

«Смотри, чтобы ни въ чемъ не было недостатка. Ты меня не раззоришь.»

Съ оживленною надеждою, сынъ въ полной радости сказалъ: — Ужъ ежели такъ велика милость ваша будетъ, такъ пожалуйста двѣ тысячи. —

«Хорошо, мой дружокъ; я согласенъ. Займи же четыре тысячи.»

— На ваше имя, батюшка? —

«Нѣтъ, на свое. Занятыми деньгами мы раздѣлимся пополамъ. Ты обмундируешься, а я, взявъ свое, припечатаю въ газетахъ — разумѣется, на твой счетъ — что ты у меня сынъ неотдѣленный и я не беру на себя твоихъ долговъ, а потому твой долгъ — не долгъ.»

— Да это безчестно! — вскричалъ сынъ, покраснѣвъ отъ негодованія.

«Такъ прибыльно. Одно другаго лучше», отвѣчалъ отецъ хладнокровно.

— Какъ можно итти противъ законовъ чести? После этого человѣкъ недостоинъ жить на свѣтѣ! —

«Въ книгахъ такъ наврано, а ты ихъ начитался. Ой мнѣ эти писатели! — Разбери же ихъ! вотъ и пишутъ, что честь дороже золота и серебра, и всякаго сокровища; что деньги прахъ, что богатство не заслуживаетъ вниманія; да написавъ такую книгу, и продаютъ ее въ три дорога противъ того, что бумага стоитъ, и хлопчуть о пріобрѣтеніи тѣхъ денегъ, кои учатъ презирать. Пишутъ о несуществующемъ, чтобы получить существенное. Такъ вотъ твоя и честь! Найди мнѣ такого, кто бы презрѣлъ деньги, а погнался бы за одной честью! Такихъ дураковъ нѣтъ и не бывывало; развѣ только въ книгахъ намарано.»

— Честь у меня въ сердцѣ; я ее не изъ книгъ знаю —

«Въ сердцѣ? Чтобы честь была въ сердцѣ и сохранялась тамъ, надобно поддерживать его существо-

ваніе, а для этого надобно человѣку ѣсть и пить; а этого, братъ, безъ денегъ не сдѣлаешь. И такъ не главная ли наша забота, чтобы пріобрѣсть деньги, и для этого употреблять все. Обзаведясь деньгами, можно и на честь разжиться; товаръ недорогъ.»

— Мы различно понимаемъ. Честь для меня дороже жизни. Благородный человѣкъ жертвуетъ жизни, чтобы...—

«Такъ точно. Жертвуетъ жизни, чтобы выслужить честь; это значитъ: чины, мѣсто, при коемъ было бы побольше жалованья. Такъ видишь ли, Дмитрій: все мы открыто, закрыто, явно, тайно, а все бьемся изъ того, чтобы добиться до большихъ денегъ. И въ старые вѣки такъ бывало, въ нынѣшнемъ есть и въ наступающемъ будетъ, и будетъ отнынѣ и до вѣка. А кончу на томъ, что денегъ не дамъ; займи, какъ я сказалъ.»

Долго бы слушалъ я этотъ разговоръ, но увидѣлъ, что по дорожкѣ отъ дому спѣшить видѣнный мною на крыльцѣ старикъ. Опасаясь, чтобы этотъ чудный баринъ, узнавъ отъ приходящаго слуги о моемъ приходѣ въ садъ, и открывъ меня въ кустахъ, не взялъ бы какого подозрѣнія на счетъ моей честности, я рѣшился выйти на сцену; и хотя изъ слышаннаго уже не надѣялся получить здѣсь мѣста, но по крайней мѣрѣ могъ бы благовидно выйти отсюда.

И такъ, когда старикъ, продолжая все одинъ разговоръ съ сыномъ, немного отошелъ и оборотился въ сторону, я тихонько вышелъ и пошелъ прямо къ старику.

Онъ чрезвычайно изумился, увидѣвъ незнакомаго человѣка и, подступя ко мнѣ на встрѣчу, спросилъ: «А кто вы и что вамъ здѣсь надобно?»

Я объяснилъ, по обычаю, кто я лично и прибавилъ, что, будучи въ бѣдности, желаю честными труда-

ми содержать себя и желаю вступить въ должность управляющаго имѣніемъ.

«Управляющаго?» воскликнулъ онъ, осматривая меня всего. Мнѣ не нужно управляющаго, я самъ у себя управляющій. А сколько...»

Онъ не кончилъ вопроса, какъ шедшій слуга наконецъ дохромалъ къ намъ, и баринъ спросилъ его торопливо: «Что ты, Ванька? Не случилось ли чего?»

Шестидесятилѣтній Ванька, у коего одна нога была въ сапогѣ, а другая въ женскомъ башмакѣ, отвѣчалъ запыхавшись. «Пожалуйте, сударь, домой. Сестрица ваша, Марфа Кандратьевна изволила пріѣхать.

«Тетушка!» вскричалъ молодой человѣкъ, и какъ стрѣла пустился къ дому.

«Сестра?» вскричалъ и старикъ, но совсѣмъ съ противоположнымъ чувствомъ. «Экъ откуда притащилась!.. Куда она ѣдетъ?»

— Не могу знать, сударь! отвѣчалъ слуга, изволить говорить, что пріѣхала навѣстить васъ. Семь лѣтъ-дискать не видалась. —

«Не нужно ея навѣщеніе. То-то баба! За семьсотъ верстъ пріѣхала за тѣмъ только, чтобы повидаться. Одна?»

— Четверо дѣточекъ съ нею пожаловали, отвѣчалъ слуга. —

«Четверо?.. четверо!.. повторялъ старикъ, болѣе и болѣе приходящій въ досаду. Это хоть кого ошелоमितъ. Имѣнія всего сто душонокъ, а четверо дѣтей. Къ чему это? Да еще и разъѣзжаетъ. Того бабій умъ! Зачѣмъ сказали, что я дома? Она бы, не кормя, уѣхала далѣе.»

— Барышня изволила выбѣжать, встрѣтили ихъ и послали за вами. —

«Барышня; развѣ она не знаетъ, что мнѣ гости въ тягость?»

— Ужъ это, сударь, какая гостья; это сестрица ваша. Пожалуйте же къ нимъ скорѣе; они нетерпѣливо хотятъ васъ видѣть. —

«Больше ждала, тащась сюда семь сотъ верстъ. Скажи, что я пріѣхалъ съ поля и отдыхаю въ бесѣдкѣ.»

Взлѣзши въ шалашъ, онъ разлегся тамъ на войлокѣ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

«А изъ котораго вы намѣстничества?» и не дождавшись моего отвѣта, обратился къ Ванькѣ: «Вотъ, скажи, что ко мнѣ пожаловалъ человекъ за весьма нужнымъ дѣломъ... Чего же ты дожидаеть?»

— Хочу просить у васъ, отвѣчалъ слуга. Тамъ въ кладовой есть пара сапогъ, довольно приношенныхъ. Позвольте ихъ вынуть. Совѣстно при гостяхъ быть въ такой странной обуви. —

«Эхъ, Ванюшка! ты же самъ сказалъ, что это не гостья, а своя. Она извинить, между своими что за счеты?»

— Да мнѣ самому-то совѣстно, сударь! Барыня изволить помнить, какъ я еще при покойномъ батюшкѣ вашемъ былъ дворецкимъ, хаживалъ въ кафтанахъ, подъ пудрою и съ семилоровыми часами. —

«Ну что, Ванюшка! и она такъ же, чай, устарѣла, какъ и мы. Когда же тебѣ зазорно, такъ надѣнь и другой сапогъ...»

— Да нѣту-те, сударь! развалился совсѣмъ, принужденъ взять женинъ башмакъ. —

«Ну, вотъ же нашелъ одинъ, то у ней вѣрно есть и другой. Такъ и точно лучше остаться въ башмакахъ. Теперь же лѣто. Ты что, Ермилка?» спросилъ онъ у прибѣжавшаго мальчишки-замарашки.

— Пожалуйте, сударь, въ кладовую. —

«Зачѣмъ?» спросилъ баринъ, лежа покойно.

— Повару нужно крупъ и соли. —

«А на что?»

— Кушаньевъ мало будетъ, такъ онъ хочетъ кашу прибавить.—

«А зачѣмъ?»

— Сестрица ваша пожаловала и изволить кушать.—

— «Пожаловала, да и отжалуетъ и кушать здѣсь не изволить.»

— Лошадей отложили—сказалъ мальчикъ утвердительно.

«Ого! распоряжаются какъ дома,» сказалъ радующійся братъ, и поспѣшилъ вытти изъ своей бесѣдки. «Поспѣшить же къ нимъ, да распорядиться. Ванька! скажи-ка пріѣзжимъ молодцамъ, чтобъ заложили опять карету. Потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: пойдѣмъ за мною.»

Мы пошли, и онъ, дорогою, съ самымъ веселымъ лицомъ рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ у себя управляющій; назначилъ себѣ въ годъ триста рублей и тѣмъ только живетъ, а господскій доходъ отдаетъ въ проценты. Когда принесетъ доходу больше обыкновеннаго, дѣлаетъ себѣ подарки: новые сапоги, жилетъ, платокъ; а когда что упустить, то вычитаетъ изъ жалованья; за меньшія вины оставляетъ себя безъ обѣда, скидываетъ сапоги, велитъ себѣ ходить босикомъ...

Когда я слушалъ такіе рассказы, то мнѣ казалось, что я во снѣ вижу такого чудака и все это слышу. Признаюсь, я ужасался, если долженъ буду остаться у него, и давно бы ушелъ, но пріѣхавшая сестра поселяла во мнѣ надежду, что по крайней мѣрѣ, хотя и домашній столъ, но успокоить крѣпкій мой позывъ на ѣду.

Не успѣли мы войти въ комнаты, какъ сестра бросилась къ брату съ распростертыми объятіями.

«Ахъ, братецъ... братецъ!.. здравствуй, мой милый!.. Какъ я рада, что наконецъ съ тобою увидѣлась.»

— Здравствуй, сестра! холодно сказалъ онъ, сухо принимая поцѣлуи ея. Откуда и куда тебя Богъ несетъ? —

«Прямо изъ дому къ тебѣ. Соскучилась, семь лѣтъ не видавши васъ, мои милые!»

— Не будетъ семи лѣтъ; безъ трехъ мѣсяцовъ.—

«Мнѣ казалось, что уже болѣе десяти лѣтъ прошло.»

Тутъ братъ засмѣялся тихимъ смѣхомъ и примолвилъ:—Вотъ какъ ты хорошо знаешь счетъ!—

Сестра сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ явной сухости въ приѣмѣ брата и хотѣла возбудить въ немъ нѣжность хоть къ дѣтямъ своимъ; кликала ихъ, но не видя ихъ, сказала: «Ахъ, это Варинька увела ихъ въ садъ къ тебѣ. Они нетерпѣливо хотѣли видѣть дяденьку.»

— Въ дѣтяхъ надобно истреблять нетерпѣніе, сказалъ холодный какъ лягушка братъ, и вдругъ съ безпокойствомъ прибавилъ: «Пошли въ садъ? Теперь бросятся на фрукты и безъ меня все обнесутъ.—

«Не безпокойся, братецъ. Они у меня смирные.»

— По какимъ же дѣламъ ты пустилась въ такой далекій путь? —спросилъ любезный братецъ, садясь на стулъ, съ которымъ чуть было не упалъ, потому что онъ былъ безъ четвертой ножки и только подпертъ палочкой.

«Благодарю Бога, дѣлъ никакихъ нѣтъ, отвѣчала сестра, а только хотѣла повидаться съ вами. Ты ко мнѣ не ѣдешь, дѣтей не присылаешь, писемъ не пишешь. Такъ я рѣшилась сама провѣдать васъ.»

— Провѣдать? Охотница же ты, сестра, сорить деньгами! —

«Я не считаю издержекъ, когда дѣлаю свой долгъ и доставляю себѣ удовольствіе.»

Тутъ вбѣжалъ Ермилка и въ полголоса сказалъ барину: «Пожалуйте, сударь, въ кладовую.»

— А зачѣмъ?—спросилъ онъ безъ всякаго замѣшательства.

«Поваръ спрашиваетъ хрѣну.»

— А на что? —

«Приготовить къ солонинѣ.»

— Не надобно ни хрѣну, ни солонины. Пошолъ. —

И съ этимъ словомъ толкнулъ мальчишку въ затылокъ.

«Отъ чего ты, братецъ, никогда не отвѣчалъ на мои письма?» спросила сестра, снимая съ себя шляпку, платокъ и другія дорожныя вещи, и укладывая все къ сторонкѣ, располагаясь оставаться надолго.

— Благодарю покорно! Писать письма? Почта такъ дорога, что при одной мысли объ издержкахъ перо выпадетъ изъ рукъ. А ѣхать мнѣ? оставить хозяйство безъ присмотра? дѣлать издержки для пустого свиданія... —

«Для пустого свиданія? даже вскрикнула сестра. Но, братецъ, насъ всего только двое...»

— За что ежедневно благодарю Бога! А если бы матушка наша не скончалась, родивъ тебя, то вѣрно бы, нарожала намъ братцовъ и сестрицъ. Тогда дѣлись съ ними!.. уфъ!.. И твое счастье, что батюшка при жизни своей тебя отдѣлилъ; а отъ меня ты не получила бы ничего. —

«Всегда была увѣрена въ такой твоей любви...»

— Не по любви, сестра, а по закону. Я бы придрался къ тому, что сестра при братѣ не наслѣдница, да и завелъ бы процессъ. —

«Я, братецъ, законовъ не знаю и не за тѣмъ пріѣхала, чтобы спорить съ тобою.»

— Да и я не спорю, а такъ только говорю. Однакожь предваряю тебя: не переводи никому имѣнія и въ долги не входи; вѣдь по тебѣ я наслѣдникъ. —

«Помилуй, братецъ! кромѣ того, что я жива, у меня есть мужъ и четверо дѣтей...»

— Всѣ мы, душенька-сестрица, подъ Богомъ! Вдругъ случится на дѣтей корь, оспа и тому подобное. Охъ, долго ли до бѣды! Тебѣ тоже можетъ приключиться горячка, чахотка... мало ли бѣдъ на свѣтѣ!—

«Ахъ, братецъ, братецъ! За что же ты, еще не выдавъ дѣтей моихъ и прежде нежели благословилъ, принимаешься морить ихъ и меня съ ними? Я же моложе тебя десятию годами, такъ по порядку...»

— Охъ, любезнѣйшая сестрица! смерть не смотритъ на лѣта и не наблюдаетъ порядка! Я же, какъ отецъ своимъ дѣтямъ и самъ еще не въ престарѣлыхъ лѣтахъ, долженъ заботиться о своемъ благосостояніи...—

«Кто бы повѣрилъ—вздохнувъ, сказала сестра, не внимая брату—что это разговариваетъ братъ съ сестрою, семь лѣтъ не выдавшись!» Потомъ, желая перемѣнить разговоръ, обратилась къ нему съ ласкою: «Лучше прикажи напоить меня, съ дороги, хорошенькимъ чайкомъ...»

— Уже двѣнадцатой часъ. Какой теперь чай?—

«Переѣхавъ сегодня 75 верстъ, я охотно выпила бы чашку, другую...»

— Еще и другую! Ты вѣрно не читала новыхъ разсужденій? Недавно открыто, что чай очень, очень вреденъ, и потому запрещаютъ его употреблять. Я этого зла и въ домѣ не держу.—

«Такъ закусить вели подать чегонибудь.»

— Завтракъ портить обѣдъ. —

«А скоро ли вы будете обѣдать?»

— Врядли. Мы... вчера такъ плотно поужинали, что сегодня не думаемъ ни о какомъ обѣдѣ.—

«Такъ хоть для насъ прикажи изготовить скорѣе чегонибудь. Я голодна, а дѣти—какъ дѣти, и того еще больше. Да гдѣ это они? позовите ихъ къ дяденькѣ.»

— Нѣтъ, нѣтъ! пусть гуляютъ-себѣ безъ принужденія. А если ты, душечка-сестрица, голодна и дѣти твои, также, такъ поспѣши къ сосѣдямъ нашимъ, Пенниковымъ; только десять верстъ отсюда. Они же знали тебя прежде, и ради будутъ. У нихъ семейство большое, такъ и столъ вѣрно хорошъ. —

«Что ты мнѣ это говоришь? съ горестью воскликнула сестра. Я пріѣхала къ тебѣ, а ты меня отсылаешь къ другимъ! Не ужели ты откажешь мнѣ въ пріемѣ на нѣсколько дней?»

— Еще и на нѣсколько дней! Да скажи ты мнѣ пожалуста, изъ чего я буду раззоряться нѣсколько дней? Эти нѣсколько дней изведутъ меня на нѣсколько лѣтъ. —

«Побойся Бога, братецъ! Я отъ тебя ничего лишняго не требую: что вы будете кушать, и я тѣмъ буду довольна.»

Тутъ братъ, теряя всякое терпѣніе, вскочилъ и прикрикнулъ: — Мы ничего не будемъ кушать. А ты поспѣши къ сосѣдямъ, не опоздай. Вотъ и карета твоя подана. —

«За что ты меня выгоняешь? горестно сказала ему сестра, утирая слезы. Я за семь сотъ верстъ пріѣхала повидаться съ единственнымъ братомъ...»

— Глупо ты сдѣлала, отвѣчалъ братъ, все съ одинаковымъ хладнокровіемъ, что на этакой вздоръ потратила значительныя деньги. Ну, пріѣхала повидаться? Вотъ мы и повидались. Теперь прощай! Спѣши, спѣши, сестра, къ обѣду. А у меня, вотъ человѣкъ ожидаетъ, и указалъ на меня. Нужное дѣло... лошади тебѣ поданы. —

«Я не знаю, куда теперь и дѣваться...» сказала сестра, въ замѣшательствѣ надѣвая шляпку и платокъ.

— Къ сосѣдямъ, душечка-сестрица, къ сосѣдямъ спѣши. Обѣденный часъ уже. Прощай!

«Но ты не видалъ еще дѣтей.»

Тутъ вбѣжали и дѣти ея: дѣвочки, одна лѣтъ 14-ти, а другая 12-ти, миленькія, миловидныя какъ херувимчики; мальчики 8 и 7 лѣтъ, прелестные какъ амурчики, живые, веселые; съ большою радостью бросились они къ старику, крича: «дядюшка, милый дядюшка!» и всѣ цѣловали руки и ужасный сертукъ его.

Желѣзный старикъ не трогался ничѣмъ. Вырывалъ отъ нихъ руки.

— Вотъ же видѣлъ и дѣтей твоихъ, сказалъ онъ сестрѣ. Теперь ступай съ Богомъ. Лошади ожидаютъ. —

Тутъ сестра, въ слезахъ, бросилась обнимать его. «Такого ли пріема ожидала я отъ роднаго брата!.. Когда ты переѣдешь, тогда только я пріѣду къ тебѣ...»

— Ахъ, другъ мой, сестрица! говорилъ безчувственный, провожая ее до кареты, я никогда не переѣдуюсь и всегда буду къ тебѣ таковъ, какимъ ты меня знаешь и видѣла теперь. —

Сестра шла къ каретѣ и плакала. Дѣти хозяина также плакали и цѣловали руки тетки; ея же дѣти—дѣвочки, какъ старшія, не понимая ничего происходившаго, а только зная, что мать уѣзжаетъ противъ воли, смотрѣли на всѣхъ съ крайнимъ изумленіемъ и почти останавливались на каждомъ шагу. Дядюшка ихъ поталкивалъ, приговаривая:—Не зѣвайте, дѣти; идите, чтобъ мать васъ не оставила мнѣ. — Мальчики же, надѣвъ свои картузики, съ радостью бѣжали къ каретѣ.

Старикъ проводилъ до кареты и при послѣднемъ лобзаніи сказалъ: «Прощай! Велитъ Богъ, увидимся; а нѣтъ, Его воля! Я тебя отпоминаю.»

«Вотъ такъ-то лучше! говорилъ онъ, возвращаясь въ комнаты. Отучить ихъ вначалѣ, такъ и впередъ будутъ знать, какъ за семь сотъ верстъ пріѣзжать. Потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: Вы мнѣ, сударь, не нужны; извольте итти своею дорогою. Я вамъ сказалъ, что я самъ у себя управляю и денегъ кидать не охотникъ.»

— Я все это видѣлъ и все знаю, отвѣчалъ я, и уже самъ не желаю ни за какую цѣну быть у васъ управляющимъ; но какъ я пришелъ издалека и идти мнѣ также не близко, то не можете ли вы одолжить меня, приказавъ дать пообѣдать? —

«Это изъ чего? Ни за что ни про что корми васъ? Прощайте, сударь!» И съ симъ словомъ затворилъ предо мною дверь.

Вышедши на крыльцо, я долго стоялъ въ раздумьѣ, кудабъ мнѣ идти, чтобы найти обѣдъ? Мимо меня оба шестидесятилѣтніе мальчики пронесли господскій обѣдъ: куски ржаного хлѣба и на оловянномъ блюдѣ чечевица съ тремя кусочками солонины...

Какъ ни былъ я голоденъ, но эти лакомства не взманили меня, и я, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на нихъ, пошелъ со двора ужаснаго человѣка и направилъ путь свой вдоль по улицѣ раззореннаго села.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я НАШЕЛЪ ВЫГОДНОЕ ДЛЯ СЕБЯ МѢСТО.

За селомъ уже, близъ церкви, я увидѣлъ опрятный домикъ и, надѣясь найти тамъ пріютъ, вошелъ въ него. Тутъ жилъ священникъ съ семействомъ своимъ. Добрые люди приняли меня со всѣмъ усердіемъ и, узнавъ, что я голоденъ, позаботились прежде всего накормить меня. За вкуснымъ обѣдомъ я съ жалостью вспоминалъ дѣтей скупаго старика, умирающихъ съ голоду надъ чечевицею съ солониной.

Накормивъ меня и разспросивъ обо всемъ, священникъ рассказывалъ объ ужасной скупости, жестокости къ

дѣтямъ и крестьянамъ и необыкновенномъ характерѣ Лукьяна Кондратьича Жиломотова; такъ звали сего помѣщика. Сожалѣлъ объ участи бѣдныхъ дѣтей его, которыя, достигши уже совершенныхъ лѣтъ, ведутъ такую ужасную жизнь, которая хуже тяжелой неволи: не только не имѣютъ никакихъ средствъ къ наслажденію въ прекрасные дни жизни своей, но лишены даже самаго необходимаго, и изнуряются надъ скудною и гнилою пищею. Богъ благословилъ ихъ необыкновенною кротостью. Безъ всякаго образованія, они, по внушенію одного разсудка, чтутъ отца, какъ должно, повинуются ему безропотно, и никому ни полсловомъ не жалуются на бѣдственную жизнь свою. Имѣніе большею частью умершей матери ихъ, и они, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, имѣли бы право просить его въ управленіе свое, но не смѣютъ и помыслить о томъ и отвергають совѣтъ благорасположенныхъ къ нимъ людей.

Почтенный хозяинъ мой, бесѣдуя о многомъ, извлекъ у меня разсказъ о всей моей жизни и теперешнемъ затруднительномъ положеніи.

«Я вамъ помогу, по долгомъ размышленіи сказалъ онъ. Вамъ нужно мѣсто, нужна должность, нуженъ и наставникъ въ ней. Я имѣю такого въ виду. Вы все найдете въ помѣщикѣ Прямиковѣ, къ которому я васъ препровожу при письмѣ моемъ. Онъ дастъ вамъ должность, будетъ васъ въ ней руководствовать, совѣтовать и наставлять въ прочихъ случаяхъ. Ночуйте у меня, и какъ вамъ къ нему итти далеко, то я велю васъ отвезти моему работнику.»

Не нужно изъяснять, какъ я благодарилъ добраго священника за великое его мнѣ одолженіе въ крайнемъ моемъ положеніи.

Рано утромъ онъ отправилъ меня къ помѣщику Прямикову на своей подводѣ, давъ мнѣ къ нему реко-

мендательное письмо и снабдивъ меня на дорогу необходимымъ. Спасибо ему!

Дорогою я судилъ объ участи моей: владѣлецъ весьма значительнаго имѣнія, скитаюсь безъ куска хлѣба, безъ копѣйки денегъ!.. Питаюсь подаянiемъ, когда чело-вѣкъ, коему правительство, по молодости моей, какъ дво-рянину благонадежному, поручило мое имущество на со-храненiе — забывъ законъ и совѣсть, расхитилъ его, завла-дѣлъ всѣмъ и наслаждается изобилiемъ съ своими ближ-ними! Бывъ обязанъ доставить мнѣ образованiе, прилич-ное званiю моему, онъ покинулъ меня въ невѣжествѣ и даже старался развратить меня, и тѣмъ отнялъ у меня возможность своими трудами прiобрѣтать себѣ пропи-танiе... Но разсужденiями ничего не поможешь!.. Терпи!

Г. Пряниковъ принялъ меня снисходительно, а прочтя письмо отца Василiя, началъ обращаться со мной ласково. Тутъ же обнадѣжилъ меня, что я буду у него управляющимъ, если понравимся другъ другу. «Осмо-трите всѣ части хозяйства и скажите, что вы можете изъ нихъ извлекать доходу, и тогда, съ общаго согласiя, на-значимъ вамъ жалованье, а содержанiе само по себѣ; оно у меня въ счетъ нейдетъ.»

Ободренный его ласковымъ обращенiемъ, я открыл-ся предъ нимъ и сознался, что еще мало разумѣю эту часть, и потому во всемъ полагаюсь на него.

«Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ онъ съ улыбкою. Отецъ Василiй все мнѣ описалъ о васъ, и я поведу васъ тою дорогою, какую для васъ предназначаю.»

Онъ привелъ меня въ свое семейство. Жена и двѣ дочери его — достигающiя лучшаго состоянiя въ жизни, быть невѣстами, собою миленькiя, черномазенькiя — всѣ онѣ приняли меня, по требованiю отца, ласково и о мно-гомъ разспрашивали меня. Воля отца была для всѣхъ за-кономъ. Отецъ былъ чело-вѣкъ — за пятьдесятъ лѣтъ; ума здраваго, характера веселаго, правилъ честныхъ, сердца

добраго. Жена его, какъ говорится, смотрѣла ему въ глаза, чтобы исполненіемъ предупредить его желанія.

Вошла еще одна барышня, хотя хозяиномъ и не была мнѣ наименована. Она, сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе, тутъ же разливала чай и вмѣшивалась въ нашъ разговоръ. Все семейство обращалось съ нею, какъ съ равною себѣ. Ее называли Настенькою, а она дочерей хозяйскихъ—Наташею и Лизою; стариковъ, разумѣется, полнымъ именемъ, но свободно; принимала шутки и отшучивалась очень хорошо. Вѣрно близкая родственница?

Меня спросили, люблю ли я чтеніе? Я, боясь, чтобъ меня не посадили читать, сказалъ, что люблю слушать. Начала читать Наташа. Я не выслушалъ и одной страницы, какъ тутъ же и уснулъ, и вѣрно захрапѣлъ, потому что они всѣ расхохотались — и я проснулся. Это сблизило насъ, и я сталъ съ ними на короткой ногѣ. Я имъ отпускалъ разные шутки, и не только барышни, но и самъ Прямиковъ хохоталъ, хвалилъ мое чистосердечіе, и всѣ довольны были мною. Просили, чтобы я каждый вечеръ, окончивъ по должности занятія, приходилъ къ нимъ, веселить ихъ, какъ они говорили. Жена Прямикова Елисавета Андреевна, хотя также была весела и принимала въ шуткахъ участіе, но по временамъ всматривалась въ меня какъ-то такъ чудно, такъ непріятно, какъ-то изъ-коса, что мнѣ вовсе не нравилось. Но все шло хорошо на тотъ вечеръ.

На другой день г. Прямиковъ сдалъ мнѣ самъ контору и высматривалъ знаніе мое. Я таки въ этомъ былъ опытенъ, присмотрѣвшись къ порядку Пантелея; равно и по хозяйству руководствовался его же правилами, потому что онъ, хотя и мошенникъ, но зналъ свое дѣло. Впрочемъ, въ чемъ я ошибался, г. Прямиковъ меня наставлялъ. Онъ мнѣ далъ ясное понятіе о работахъ въ полѣ, и подъ его руководствомъ я составлялъ записки собственно для себя, на будущее время.

Во время работъ въ полѣ онъ всегда ѣздилъ самъ и толковалъ мнѣ о всѣхъ частяхъ до того, что я вышелъ отличнымъ управляющимъ. У меня на все были записаны наставленія.

Въ поѣздкахъ нашихъ г. Прямиковъ разговаривалъ со мною о разныхъ предметахъ въ жизни. Испытывалъ меня, какъ бы я поступилъ въ такомъ и такомъ случаѣ? Я былъ предъ нимъ откровененъ и чистосердечно отвѣчалъ ему, за что онъ больше и больше ласкалъ меня и сближалъ съ собою.

Черезъ нѣсколько времени, когда онъ, бывало, отдыхалъ у себя и я обязанъ былъ бесѣдовать съ нимъ, началъ онъ призывать Настеньку въ кабинетъ; сюда приносили клавикорды; она при насъ играла, пѣла разныя пѣсенки; голосъ ея былъ тоненькой, чистенькой. Заводилъ разговоръ такого рода, въ которомъ Настенька могла участвовать, и говорила бойко и все по-книжному, такъ, что я многого не понималъ. Во время игры, пѣнія и разговоровъ ея г. Прямиковъ все поглядывалъ на меня — а я былъ все одинаковъ.

Замѣтилъ я и частыя шептанья у г. Прямикова съ женою; при чемъ явственно слышалъ я иногда: «Настенька... Петръ Степановичъ...» и не зналъ, къ чему это относилось. Во время такихъ разговоровъ мужъ просилъ ее о чемъ-то; она, съ радостью и съ нѣжностью лаская его, соглашалась съ нимъ, но тутъ же, отворотясь, взглядывала на меня такъ косо, такъ гнѣвно, такъ злобно, что просто наводила на меня ужасъ.

Въ одинъ вечеръ г. Прямиковъ не пошелъ къ общему чаю и удержалъ меня при себѣ. Погрузясь въ размышленія, онъ долго ходилъ по комнатѣ и наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ:

«Располагаете ли вы жениться, Петръ Степановичъ?»

— Объ этомъ одно мое помышленіе! отвѣчалъ я. Но невѣсты нѣтъ и не куда привести ее, пока дѣло мое не кончится. —

«А если бы я нашелъ вамъ невѣсту, которая за васъ пойдетъ и которая имѣетъ, гдѣ васъ успокоить, пока вы дѣло выиграете?»

— Сего же дня женился бы; въ чемъ прошу мнѣ пособить. —

«Очень охотно. Выслушайте меня и скажите прямо, не дѣлая себѣ никакого принужденія. Согрешилъ предъ Богомъ, въ чемъ и каюсь ежедневно, а жена меня простила. Настенька дочь моя отъ одной бѣдной, благородной дѣвушки. Вы знаете Настеньку хорошо. Можете ли вы составить ей счастье и быть съ нею счастливы? Подумайте хорошенько и тогда рѣшитесь. Вы же ее облагодѣтельствуете. Вы дворянинъ, вы доставите ей званіе и имя въ обществѣ; а она вамъ принесетъ 100 душъ деревню, которую я, вмѣстѣ съ женою, укрѣпимъ ей на другой день вашей свадьбы, когда она уже получитъ ваше имя, и 20 тысячъ немедленно послѣ вѣнца, чистою монетою. Пока идетъ вашъ процессъ и у васъ нѣтъ ничего, вы будете жить въ женниномъ имѣніи; выиграете свое дѣло, получите вамъ принадлежащее — жена, при своемъ имѣніи, не будетъ васъ отягощать своими издержками. Я васъ испытывалъ; нашелъ у васъ доброту, кротость, честность; до прочаго нѣтъ дѣла. Въ согласіи проживете покойно. Подумайте хорошенько и завтра скажите мнѣ. Идите къ себѣ.»

Я пошелъ и принялся думать. «Все такъ. Дядюшка Лаврентій Степановичъ, который тридцать лѣтъ въ одномъ чинѣ титулярнаго совѣтника безпорочно при герольдіи не у дѣлъ служилъ, тотъ мнѣ заповѣдалъ жениться не иначе, какъ на достаточной. Имѣніе даютъ ей порядочное, можно будетъ жить постоянно, не скитаясь съ мѣста на мѣсто и не принимая на себя несносной

должности управляющаго, въ которой я обязанъ поддѣлываться подъ людскія странности и часто чудные характеры. Выиграю процессъ, получу имѣніе свое, тогда все лучше какъ больше. Настенька дѣвушка добрая, кроткая, милостивая. Всѣ слуги въ домѣ любятъ ее. Она, говорятъ, никому противнаго слова не сказала, не какъ барышни... Играетъ хорошо на клавикордахъ; я буду ей аккомпанировать на скрипицѣ, она станетъ припѣвать. Вывезти ее въ люди не стыдно: одѣвается она щепетко, ловко, пристойно; въ словахъ не заикнется; танцуетъ смѣло и всегда подъ тактъ, всѣ пріѣзжающіе сюда по праздникамъ мушеры любятъ съ нею танцовать и хвалятъ ее лучше барышень; а ужъ какъ начнетъ вертѣться, такъ что твоя юла!.. Все такъ. Достоинствъ тма. Но вотъ одно: бѣлобрысынькая и глаза голубые, тѣломъ худа... Это меня останавливало. Этихъ качествъ въ дѣвущкѣ я никогда не любилъ... Но на утро размыслилъ, что она въ покойной жизни откормится, а прочіе недостатки—не бѣда; на чей вкусъ... Впрочемъ что на красоту смотрѣть, сказалъ я, принаряжаясь; была бы душа да карманъ хорошъ, а прочее все суета.»

Съ такими мыслями и довольный за свою рѣшимость, чрезъ которую я буду женатъ и имѣть состояніе, я принаряживался какъ можно щеголеватѣе. Получая отъ г. Прямикова жалованье исправно, я былъ окопированъ какъ должно, и даже была у меня помада и одеванъ. Напомадивъ волосы и надушившись, вытвердя стишка три любовныхъ на первое открытіе, я пошелъ смѣло къ г. Прямикову.

Его засталъ я въ кабинетѣ. Внимательно онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы желая по глазамъ узнать мои мысли, и потомъ спросилъ: «Ну, что вы мнѣ скажете, Петръ Степановичъ?»

— Все хорошее, отвѣчалъ я съ пріятною ужимкою. Я согласенъ...—

«Благодарю васъ, мой любезный! и при этомъ онъ обнялъ меня. Сдѣлайте счастье блѣдной сироты, и Богъ васъ благословитъ. Теперь я пришло къ вамъ невѣсту, объяснитесь съ нею, и мы все покончимъ.»

Оставшись одинъ, я оправился и приготовился.

Она вошла, блѣдная, заплаканная, смущенная, едва идущая; трепещущая всѣмъ тѣломъ, она опустилась на первое кресло.

Чтобъ кончить все скорѣе къ успокоенію ея, собравъ всю свою ловкость, я бросился предъ нею на колѣна и отпустилъ ей объявленіе. . . да ужъ какое? . . . Самъ себѣ удивлялся, откуда это у меня набралось: тутъ была и вселенная, и кинжалъ, и красота Венеры, и Амуровы стрѣлы, и ядъ, и отчаяніе, и блаженство, и вѣчность...! Да чего только тамъ не было!

Блѣдная Настенька съ большимъ удивленіемъ глядѣла на меня, силилась поднять меня, удержать мои слова... Куда! какъ рѣка льются. Стала закрываться платкомъ, потомъ, когда я переводилъ духъ, она и перехвати меня: «полно-дискать, Петръ Степановичъ! Пощадите меня; встаньте, иначе я уйду.»

Вотъ я долженъ былъ встать и по ея указанію сѣсть возлѣ нея и слушать ея рѣчи, не книжныя, а натуральныя.

«Петръ Степановичъ! Благодарѣтель мой сказалъ мнѣ, что вы мнѣ дѣлаете честь, ищете руки моей. Благодарю васъ, что вы не пренебрегаете мною. Вамъ извѣстно, что я «ничто», безъ имени, безъ права на вниманіе и на участвованіе въ обществѣ. Вы мнѣ доставляете все это, вы мнѣ даете новую жизнь. За такое ваше вниманіе, за благодарѣніе ваше я должна быть предъ вами откровенною и чистосердечною: я не имѣю къ вамъ любви; нѣтъ того, чего вы, можетъ быть, отъ молодой дѣвушки ожидаете — сочувствія, взаимности и всего, что въ книгахъ пишутъ. Я вамъ скажу просто: я разумѣю васъ какъ

человѣка честнаго, и потому готова васъ почитать, повиноваться вамъ какъ жена; но распоряжать жизнью нашею, для общаго нашего спокойствія, предоставьте мнѣ совершенно; я знаю васъ болѣе, нежели вы, и потому удерживаю это за собою. Я не огорчу васъ никогда, не нарушу ни за что долга моего; впрочемъ ручаюсь вамъ, что жизнь наша пойдетъ счастливо. Послѣ этого скажите, довольны ли вы будете?»

— Доволенъ, доволенъ! — кричалъ я внѣ себя отъ радости, не очень разбирая, что она говорила мнѣ.

«И такъ, сказала она, вставая и подавая мнѣ руку, Богъ да благословить союзъ нашъ, да укрѣпитъ меня исполнить волю благодѣтеля моего и да наставить—жизнь вашу сдѣлать покойною, за все, что вы дѣлаете для меня! Я исполнила свой долгъ...»

Я съ восторгомъ цѣловалъ ея руки, а она горько плакала. Прелестная была картина!

Тутъ вошли Прямиковы и дѣти ихъ. Насъ благословили и обмѣняли кольцами. Г. Прямиковъ, обнимая Настеньку, горько плакалъ и, благодаря ее за послушность ему, утѣшалъ, что она получитъ милость и благословеніе Божіе. Елисавета Андреевна цѣловала Настеньку и, казалось, была весела. Наташа и Лиза поздравляли насъ и смѣялись отъ чистаго сердца. Я былъ въ восхищеніи, держа за ручку прелестную свою невѣсту и поглядывая на обручальное золотое кольцо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ ПРИГOTOВЛЯЛИСЬ КЪ СВАДЬБѢ МОЕЙ.

Почтенный мой благодѣтель, г. Прямиковъ, изъявилъ желаніе, чтобы свадьба скорѣе была сыграна и

приданое все устроено, какъ прилично дому ихъ. Елисавета Андреевна одобрила намѣреніе мужа, и со всѣмъ усердіемъ, подъ ея распоряженіемъ, принялись кроить, шить, пороть—какъ водится. Вечеромъ собирались всѣ вмѣстѣ; сама г-жа Прямикова подавала другимъ примѣръ, работала; дочери ея, горничныя женщины и дѣвки шили и во все горло пѣли свадебныя пѣсни. Милая моя Настенька, въ сторонѣ, на особомъ столикѣ, работала для Елисаветы Андреевны. Часто оставляла свою работу, глядя на приготовленія, дѣлаемыя для нея, задумывалась и тутъ... слезки крупными каплями катились изъ глазъ ея... очуствовавшись, взглядывала на меня и если замѣчала, что я видѣлъ ея слезы, спѣшила улыбнуться мнѣ прелестно и отирала слезы; если же не замѣчала моего наблюденія, то плакала таки вдоволь.

Выходя изъ комнаты, она не проходила мимо Прямиковыхъ, чтобы не расцѣловать имъ рукъ. Елисавета Андреевна отвѣчала ей большими ласками, а г. Прямиковъ всегда указывалъ на заплаканные глаза ея. Въ уединенныхъ же бесѣдахъ нашихъ, что бывало часто, она говорила мнѣ, что ее сильно трогаетъ заботливость о ней, и что Елисавета Андреевна до того беспокоится, что, кажется, не менѣе хлопотала бы, если бы и дочь свою выдавала замужъ.

Въ бесѣдахъ нашихъ Настенька и г. Прямиковъ спрашивали меня въ подробности обо всемъ, случившемся со мною: какъ я когда поступалъ, какъ что переносилъ, въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ что чувствовалъ. Предлагали мнѣ разные, могущіе быть со мною случаи, какъ бы въ нихъ я поступилъ? И конечно были мною довольны, потому что охотно бесѣдовали со мною.

Дней десять послѣ сговора милая Настенька сказала мнѣ: «Петръ Степановичъ! Чѣмъ больше узнаю васъ, тѣмъ болѣе къ вамъ привыкаю. Я нахожу, что вы имѣете доброе сердце и внутреннее чувство благородства.

Вы не виноваты, что вамъ не дано образованіе, какъ равно и за наружность не вы виновны. Дѣвушка съ правомъ избирать конечно отказала бы вамъ, но въ моемъ положеніи я вамъ благодарна, что вы вводите меня въ свѣтъ; а чтобы намъ быть взаимно счастливыми, ни о чемъ васъ такъ не прошу, какъ быть со мною откровеннымъ даже въ ничтожномъ обстоятельстве. Увѣряю васъ, что вы найдете во мнѣ полезнаго совѣтника. Вы не созданы для свѣта; я, не зная его, не имѣю желанія быть въ немъ. Будемъ искать занятій вокругъ себя. Вы займетесь распоряженіемъ по хозяйству, я въ домѣ. Пріучу васъ слушать чтеніе, и вамъ не будетъ со мною скучно. Богъ благословитъ, жизнь наша пойдетъ хотя тихо, однообразно, но покойно и приготовить намъ счастливую старость. Обдумывая все это и надѣясь на васъ, я уже покойно гляжу на приближающійся день свадьбы нашей.»

Слушая такіа сладостныя и чувствительныя рѣчи, я былъ въ восторгѣ и съ восхищеніемъ цѣловалъ ручки ея.

Г. Пряниковъ уволилъ меня отъ исправленія должности моей и все занимался со мною, объясняя свойство отдаваемого Настенькѣ имѣнія, и отъ чего и какимъ распоряженіемъ извлекать изъ него доходы. Дѣлалъ наставленія на счетъ супружеской жизни. «Во всякомъ супружествѣ, говорилъ онъ, одно изъ лицъ должно быть управляющимъ и полнымъ распорядителемъ, другое совѣтникомъ и, въ чемъ слѣдуетъ, исполнителемъ. Необинуясь скажу: Настенька имѣетъ болѣе смѣтливости, расчета, предусмотрительности и осторожности; почему отдайся во власть ея слѣпо, раскаеваться не будешь.» И много тому подобнаго въ пользу мою говорилъ мой благодѣтель.

Я и предполагалъ сходно съ его мыслями. Оно покойнѣе. Не думай-себѣ ни о чемъ, а исполняй готовое, другими придуманное.

Узнавъ о сговорѣ Настеньки, сосѣди прїѣзжали поздравлять. Всѣ любили ее за живой, веселый характеръ, остренькій умъ и миловидность ея. И прежде сговора я часто слышалъ, что ее хвалили больше, нежели дочерей Прямикова. Въ танцахъ, играхъ, отъ коихъ ее никогда не удаляли, невольно отдавали ей преимущество, ею ловко отвергаемое и обращаемое всегда къ Наташѣ, старшей сестрѣ. Теперь же говорили, что когда Настеньки не будетъ въ этомъ домѣ, то убавятся удовольствія въ немъ. Знакомые мои, которыхъ я тутъ много прїобрѣлъ, поздравляли меня съ счастьемъ, почти незаслуженнымъ мною. За такія вѣжливости я благодарилъ усердно.

День свадьбы былъ назначенъ, и именно 5-е Сентября, въ именины Елисаветы Андреевны. Г. Прямиковъ уѣхалъ въ городъ кончить послѣднія покупки.

Въ отсутствіе его замѣтилъ я, что моя Настенька стала не только невесела, но очень грустна и часто, бывъ одна, плакала. Сколько я ни спрашивалъ у ней о причинѣ грусти ея, сколько ни убѣждалъ, даже блеснулъ книжнымъ словцомъ, «заклиналъ ее любовью моею» открыть мнѣ горе свое, Настенька уклонялась отъ признанія, отвѣчая только: «такъ... ничего...»

Г. Прямиковъ прислалъ уже купленную для насъ коляску; прислалъ серебряныя и другія необходимыя вещи, по желанію его купленные для Настеньки. Г-жа Прямикова всѣмъ любовалась, все хвалила; но замѣчалъ я, что съ Настенькою, даже и при мнѣ, обращалась сухо, холодно и подъ часъ грубо; со мною же была всегда одинакова.

Послѣ долгаго ожиданія наконецъ прїѣхалъ и г. Прямиковъ, или правильнѣе сказать, его привезли больного...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ,

О ТОМЪ, КАКЪ Я ОПЯТЬ НЕ ЖЕНИЛСЯ.

Болезнь г. Прямикова была важная. Изъ города привозили докторовъ; они, взявъ большія деньги, писали длинные рецепты (по моему разумѣнію длинный рецептъ есть подорожная въ другой свѣтъ. Чѣмъ длиннѣе рецептъ, тѣмъ скорѣе «безъ задержанія» отправленіе), съ рецептами посыльные скакали въ аптеки, аптекари отпускали лекарства и брали деньги, лекарства принималъ больной... а облегченія не получалъ.

Г-жа Прямикова не отходила отъ больного; дочери навѣщали его часто. Настенька страдала душою ужасно. Торопила посылаемыхъ за лекарствами, упрашивала прислугу требуемое для больного исполнять поспѣшнѣе, по малѣйшему движенію больного летѣла къ нему, спѣша услужить въ чемъ либо. Въ свободную минуту падала ницъ предъ образомъ и даже орошала слезами полъ, вымаливая облегченіе страждущему. Обо мнѣ уже вовсе не думала.

Съ умножающеюся опасностью больного замѣтилъ я, что при входѣ Настеньки въ комнату его г-жа Прямикова тотчасъ высылала ее, часто подъ ничтожнымъ предлогомъ. Далѣе замѣтилъ, что когда она хочетъ подойти ко мнѣ, ее пошлютъ къ какому нибудь дѣлу.

Нашъ больной былъ безъ всякой надежды. По исполненіи Христіанскихъ обрядовъ, при чемъ Настенька не присутствовала, г. Прямиковъ благословилъ жену, дочерей... и, обращая всюду потухающій взоръ, спросилъ слабымъ голосомъ: «гдѣ Настенька?» — Она, мой другъ, занимается вышиваньемъ. — Такъ отвѣчала Елисавета Андреевна, рыдая и всхлипывая. Я изумился, слыша такой отвѣтъ. «Позвать ее...» сказалъ больной. —

Звали, мой другъ; но она сказала: не-когда. — Такъ говорила г-жа Прямикова, казавшаяся непомнящею себя отъ горести.

Больной быстро смотрѣлъ на жену... потомъ вздохнулъ тяжело и горестно, отыскалъ меня глазами и сказалъ: «Передай ей мое благословеніе... и скажи, что я ее знаю... оттуда благословлю ее еще... Поспѣши устроить ея и свое счастье... будьте благополучны!» Я, не могши ничего выговорить, рыдая, цѣловалъ его хладѣющую руку...

Помолчавъ немного и какъ будто размысливъ о чемъ-то, онъ сказалъ женѣ, держащей его за руку: «Клянись мнѣ исполнить... положенное нами... на счетъ Настеньки.» — Клянусь! — вскричала она, и пала предъ мужемъ на колѣна, всхлипывая и закрываясь платкомъ. Больной продолжалъ: — «Тѣмъ облегчишь грѣхъ мой... успокоишь меня... тамъ... иначе... прахъ мой... я... совѣсть твоя... упрекать...» и онъ затихъ; дыханіе показывало, что душа его отлетаетъ...

Елисавета Андреевна вопила на всю комнату, рыдала, рвала волосы и, чтобъ не казать лица своего, упала въ подушки и ломала руки... какъ вотъ изъ предстоящихъ кто-то сказалъ: «уже скончался!..» Она приподнялась, взглянула на усопшаго, увѣрилась въ кончинѣ его, и, вставши твердо, громко сказала: «Гдѣ ключи его? подайте мнѣ.» Ей подали ключи, она взяла и, сказавъ: «дѣти, пойдѣмъ», вышла изъ комнаты, приводя въ порядокъ растрепанные волосы свои...

Я смежилъ очи и уста покойнику... я первый оплакалъ его... я первый, чрезъ принесенную молитву о упокоеніи его, привѣтствовалъ душу его, въ сей мигъ вступившую въ вѣчность, намъ еще непостижимую... Оттуда призывалъ я благословеніе его на себя и Настеньку... и приступилъ къ распоряженію погребенія...

Горькая вдова, Елисавета Андреевна Прямикова, немедленно прислала сказать мнѣ, чтобы какъ можно спѣ-

шили съ похоронами, дабы завтра утромъ все было кончено и все устроено прилично памяти покойника и горести ея. Сама же она, облачась въ черное, сидѣла въ постели; окна были скутаны; дочери были при ней, также въ траурѣ. Приѣзжавшіе за тѣмъ, чтобы принять участіе въ горести ея, были допускаемы къ ней, и тутъ возобновлялись крики, вопли, жалобы на судьбу, и все было, все, кромѣ истинной горести и настоящихъ слезъ.

Настенька вышла только ввечеру... Чернаго платья ей не сдѣлали, а бѣлаго не позволяли надѣть; и такъ хотя она по необходимости была въ цвѣтномъ платьѣ, но горестъ ея была невыразима! Она вбѣжала прямо къ тѣлу покойника, бросилась къ нему, рыдала, молилась... Я не зналъ, какъ ее утѣшить.

Когда я спросилъ ее, отъ чего не пришла она къ умирающему, она отвѣчала мнѣ: «Сомною поступили тирански!.. Въ эту роковую для меня минуту меня увлекли и, повѣрите ли? заперли за замокъ!.. Меня лишили послѣдняго благословенія твоего, благодѣтель мой!.. О Боже! не начало ли это бѣдствій?!» Тутъ разсказалъ я ей о всемъ, происходившемъ при кончинѣ его и потомъ повторилъ послѣднія его слова къ намъ, и она, павъ на колѣна, обратила взоръ свой къ небу, молилась и какъ будто видѣла его благословляющаго ее... и потомъ сказала: «будемъ надѣяться, что не посмѣютъ нарушить такой страшной клятвы, успокоятъ прахъ благодѣтеля моего!..»

Погребеніе кончилось почти съ такими же послѣдствіями, какъ и похороны матери моей, только нѣсколько въ пристойнѣйшемъ видѣ.

Снѣдаемъ горестью, лишася истиннаго благодѣтеля, я придумывалъ планы, какъ бы поспѣшить свадьбою, чтобы не дать г-жѣ Прямиковой времени придумать чего къ разрушенію ея, какъ недалѣе другаго дня послѣ похоронъ, вечеромъ, съ шумомъ вбѣгаетъ ко мнѣ Настенька, убранная, даже въ цвѣтахъ, но въ большомъ безпорядкѣ...

«Петръ Степановичъ! закричала она страшнымъ, дикимъ голосомъ: спасите меня... меня вѣнчаютъ!..» и почти безъ чувствъ пала къ ногамъ моимъ...

— Что вы, Настенька?... за кого... съ кѣмъ вѣнчаютъ? — спросилъ я въ крайнемъ изумленіи.

«Съ Сидоркой!» закричала она, и горько, горько зарыдала...

— Нѣтъ, это невозможно! вскричалъ я, поднимая несчастную: ты моя! —

«Спасите!.. а если не можете, убейте меня! — кричала она отчаяннымъ голосомъ...»

И тутъ вбѣжало нѣсколько мужчинъ и женщинъ, преслѣдовавшихъ Настеньку, вырвавшуюся-было изъ рукъ ихъ и прибѣжавшую ко мнѣ.

«Настасья Дмитріевна! кричала схватившая и влекущая ее толпа, не упрямься, покорись барынѣ. Она тебя послѣ пожалуетъ за твое послушаніе...» и повлекли ее, наполняящую воздухъ жалобными криками... Я пошелъ за нею.

«Гдѣ барыня?» спросилъ я въ домѣ.

— Изволила пойти въ церковь. —

Я настигъ ее на дорогѣ идущую въ препровожденіи дочерей и людей съ фонарями.

«Елисавета Андреевна! что это дѣлаютъ съ Настенькой, съ моей невѣстою?» спросилъ я ее твердымъ голосомъ.

— Она уже не ваша невѣста: она идетъ за Сидорку. —

«По какому праву вы это дѣлаете?» кричалъ я.

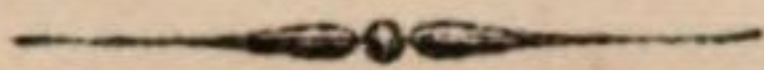
— Не кричите такъ на меня, батюшка!.. я такъ хочу — спокойно отвѣчала она.

«Она моя невѣста... Благодаритель нашъ мнѣ назначилъ ее. Такимъ замужствомъ вы ее убиваете!..»

— Отъ замужства, батюшка, еще никто не умиралъ. Обязана ли я исполнять дурачества покойника?

Онъ, въ обиду собственныхъ дѣтей, этому выродку отдѣлялъ часть имѣнія. Каково мнѣ было цѣлый вѣкъ смотрѣть, что дочь любовницы его воспитывается и содержится наравнѣ съ моими дочерьми, беретъ надъ ними преимущество, а вышедши за васъ, будетъ богаче ихъ? такъ лучше выдать ее за Сидорку; это моя воля, и должна исполниться.

СТОЛБЕНКОВА,

Конецъ второй части.

Kvitka-Osnovjjanenko, Hryhorij Fedorovyč,

Žizn i pochoždenija Petra Stepanova syna Stolbikova, poměščika v trech
naměstničestvach rukopis XVIII v

Bd.: Čast 2-ja

(Sanktpeterburg) 1841

P.o.russ. 60 r-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610059-2